„Пров

НА МІРУ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Ф. Д. НЕФЕДОВА.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ, КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ, Д. ТОРЛЕЦКАГО.
1872.

БЕЗОБРОЧНЫЙ.

Пров 38"

„Пров 49"

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
225467

БЕЗОБРОЧНЫЙ.

СЕЛЬСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Безоброчнаго кто не зналъ! Поискать да и не найти ужь теперь въ селѣ другаго, кто бы еще на такомъ виду у всѣхъ стоялъ, какъ Безоброчный. На что, кажется, купцы, что всякій годъ по осени къ намъ въ село съ товарами пріѣзжаютъ, молодицъ нашихъ и дѣвокъ ситцами яркими, платками алыми и кольцами серебряными разукрашиваютъ, — въ какой славѣ и почести они у народа? А и тѣмъ — куда!— далеко до Безоброчнаго: пока еще идетъ ярмарка, всѣ купцовъ по имени и отечеству величаютъ, каждый за честь большую для себя поставляетъ съ пріѣзжимъ купцомъ хотя словомъ перемолвиться; а какъ торговля кончилась, — ни одинъ человѣкъ и знать ихъ не хочетъ, и всѣ о купцахъ позабыли!.... Развѣ что ужь только иной купецъ, вздыхаючи громко о простотѣ сельскихъ людей и жалѣючи на всю ярмарку крестьянскую безталанность, пожелаетъ когда нашихъ бабъ уму-разуму просвѣтить и этакъ, отъ всего своего усердія, цѣлое село нагрѣетъ гнилымъ товаромъ, — ну, того, благодѣтеля, за его добродѣтель великую, рѣдкій праздникъ, чтобы кто добрымъ словомъ не поминалъ.... Да что купцы,— они народъ пріѣзжій! Нашъ волостной старшина, Парамонъ

Иванычъ, свой человѣкъ и пуще всякой грозы небесной для мужиковъ; но и тому съ Безоброчнымъ въ знати ни какъ невозможно сравняться: взрослые, мужики и бабы, при встрѣчѣ съ старшиною, всегда и чуть не до сырой земли отдаютъ ему почтеніе; а сельскіе ребятишки и не знаютъ даже, что есть за человѣкъ таковъ на свѣтѣ Парамонъ Ивановъ, тогда какъ Безоброчнаго всякій малый ребенокъ знаетъ, да еще какъ!.... Правда, Безоброчному никогда и ни кто во всю его жизнь никакого почтенія не оказывалъ; за то самый, что ни есть въ селѣ, послѣдній мужиченка ни разу не опускалъ случая надъ нимъ посмѣяться и похвастать, насколько онъ, то есть этотъ послѣдній мужиченка и безотвѣтный голышъ, стоитъ выше Безоброчнаго, и какой онъ, мужиченка, важный человѣкъ въ «обчествѣ».

— Ахъ, Безоброшный, Безоброшный! говаривалъ въ подобныхъ разахъ такой мужиченка.—Пора бы тебѣ совѣсть знать и што ни то въ оброкъ уплатить? А то, на-ка, живетъ за мірской шеей и ничего онъ себѣ знать не хочетъ; а ты, хорошій мужикъ, за него всѣ тяготы неси, обчественныя послуги и подушное отбывай!...

— Такъ, такъ, поддерживаютъ со стороны мужиченку.— Пробери его, хорошенечко пробери!...

— Да въ правилѣ ли это, православные, по закону ли, а? хорохорится пробиратель.—Ну што ты, ровно попова свинья, только и дѣловъ дѣлаешь, што зря по селу мычешься? Оглядикось хорошенько, такъ ли настоящій хрестьянинъ живетъ... Бери хоша съ меня примѣръ!...

Говоритъ эти слова мужиченка, обѣими руками въ бока подопрется, на Безоброчнаго глядитъ такъ строго и головою важно потряхиваетъ; а самъ, точно изъ пожара сейчасъ вылѣзъ, ничѣмъ не лучше съ виду Безоброчнаго: весь замазанный и отрепанный! Смѣхъ!...

Или, случится, подгуляетъ когда мужикъ, лежитъ онъ на голбцѣ и тяжело ему по такимъ временамъ на другое утро головы поднять; а на дворѣ давно ужь бѣлый день стоитъ и въ избѣ печь затопилась. Жена въ который разъ его будитъ:

— Вставай! Надо, чай, лошади свѣжаго корму задать и скотину всеё напоить,—вѣдь заморилась она, поди, скотинка-то, ждамши своево хозяина хорошаго! Видишь, мнѣ самой никакъ недосужно... Подымайся!

Но мужъ, вмѣсто того, чтобы послушаться жены и встать поскорѣе, только простонетъ съ голбца и единымъ пальцомъ не пошевельнетъ: тяжко очень ему отъ вечерошной попойки, ну и лежитъ неподвижно, какъ деревянный чурбанъ, безъ всякого дѣйствія! Жена опять къ нему пристаетъ:

— Али еще не выспался? Мало тебѣ, видно, ночи-то ноченской, ты и день-то хочешь проклажаться,—не унимается она и съ большимъ сердцемъ подкидываетъ тоненькія полѣнца въ пылающую печку.—Дрыхни, голубчикъ, дрыхни! Чего намъ не покоить себя? Вишь мы какіе богачи,—скоро останную корову на базаръ поведемъ.... Вотъ бы тебя съ Безоброшнымъ-то на одну доску,—были бы вы два сапога пара... У-ухъ ты, безстыжіе твои глаза!...

Эта еще только стыдитъ своего мужа и желаетъ его поставить на одну доску съ Безоброчнымъ; а изъ сосѣдней избы выставилась въ оконцо другая баба и ужь что ни есть у нея голоса кричитъ:

— Добрые люди, хрестьяне православные! Завѣдомо ли вамъ, што у насъ нонче въ селѣ новый Безоброшный обозначился? Неужли не слыхали?! Какже! вотъ ужь третій день, какъ мой-то, добрая голова, съ Безоброшнымъ на одномъ положеніи состоитъ... И ни кто вѣдь его не нудилъ, а самъ, по своей доброй волѣ, въ этотъ чинъ записался: надоѣло, говоритъ, мнѣ въ мужикахъ цѣлый вѣкъ жить, хочу, говоритъ, я

нонѣ въ новое званье выписаться и потому, говоритъ, имѣю я крѣпкое мое намѣреніе къ Безоброшному подъ началъ поступить!!..

— Не ужь такъ и сказалъ, тетка Матрена? смѣясь и шутливо спрашиваютъ у бабы съ улицы.

— Слово въ слово, отвѣчаетъ изъ окна тетка Матрена.— Да што!... Ежели кому въ охоту поглядѣть на безобразничанья-то наши,—запрету у насъ ни кому нѣтъ, входите всѣ въ избу и глядите: вонъ онъ. Безоброшный-то новый, на печи карачится! Полюбуйтесь на него, добрые люди, хорошъ ли онъ, пьяница-то мой непросыпный!...

Вотъ въ какой славѣ былъ у насъ Безоброчный! Но такъ на него смотрѣли взрослые; а для малышей сельскихъ, которые хотя тоже не прочь были на его счетъ поточить свои острые, бѣлоснѣжные зубенки и всегда охотно надъ нимъ смѣялись, Безоброчный служилъ предметомъ неистощимаго любопытства и,—нечего таить правды!—великаго ихъ страха.

Помню, высыплемъ мы бывало,—тогда еще беззаботные и рѣзвые мальчуганы,—высыплемъ раннимъ утромъ на сельскую улицу и съ неудержимой, какой-то будто бы звонко летящей и не знающей себѣ конца, радостью отдаемся мы тогда нашимъ ребяческимъ играмъ, позабывая про всѣ домашнія колотушки, вѣчныя жалобы большихъ на нужду лютую и нескончаемыя ссоры отцовъ съ матерями, и наши маленькія сердчишка тогда полны однимъ чувствомъ, что ничего-то не можетъ быть на свѣтѣ краше и лучше, какъ нашего дѣтскаго счастія и нашихъ свѣтлыхъ дѣтскихъ радостей! А вешнее солнце, весело поднимаясь надъ сосновою рощей, изъ которой несется струя смолистаго запаха, такъ любовно глядитъ на Божій міръ и своими яркими и разсыпающимися, но еще не жаркими, лучами нѣжно цѣлуетъ насъ въ загорѣвшія щеки; а свѣжій утренній вѣтерокъ такъ ласково и такъ граціозно заигрываетъ съ русыми и мягкими, какъ ленъ, волосами на на-

шихъ головенкахъ. И всѣ, охваченные чувствомъ безпредѣльнаго восторга и здоровые, бѣжимъ мы на встрѣчу ликующей природѣ съ тѣми далеко разносящимися крикомъ и смѣхомъ, которые разглаживаютъ глубокія морщины на самомъ угрюмомъ челѣ сѣдовласаго старика и озаряютъ свѣтозарной улыбкою добрыя лица нашихъ матерей-работницъ,—бѣжимъ мы и вдругъ—остановились всѣ и замерли...

Изъ за угла одной старой избы показалась длинная и худая фигура человѣка, вся въ лохмотьяхъ и грязная, съ босыми и окровавленными ногами... Минута — и вся наша ребячья стая разсыпалась уже по сосѣднимъ дворамъ, забиваясь въ разные углы, и только одни смѣльчаки остались на улицѣ, плотно тѣснясь къ воротамъ, чтобы, въ случаѣ чего, послѣдовать благому примѣру своихъ товарищей и прямо во дворъ юркнуть.

— Идетъ, идетъ! шопотомъ проносится тогда въ кучкѣ малышей, притаившихся у воротъ и боязливо выглядывающихъ своими бѣгающими глазенками на страшную фигуру, словно туча грозная медленно подвигающуюся въ нашу сторону.— Вотъ онъ, Гриша-то Безоброшный!... Ти...ти-ш-ше!...

У всѣхъ захватило духъ въ груди и ни одинъ изъ насъ не шевельнется. Страшная фигура, чему-то улыбаясь и закрываясь опорышами, точно стыдясь чего, проходитъ мимо и совсѣмъ не замѣчаетъ нашихъ стрѣлами вонзившихся въ нее глазъ.

— Вишь, смирный онъ сегодня, возвышается смѣлый голосъ, когда фигура отошла отъ насъ, по малой мѣрѣ, шаговъ на двадцать.—Оказія, робятки, што Безоброшный сегодня не побѣжалъ за нами!...

— А хоть бы онъ и побѣжалъ, я бы ни чуточки его не испужался, заговорилъ самый смѣлый, переставляя одну ногу черезъ подворотню, а другою и самъ весь все еще оставаясь по другую сторону воротъ, т. е. во дворѣ.—Это вы только

боитесь Гриши-то Безоброшнаго, а для меня онъ ни сколечко не страшенъ, и я его вотъ на столечко не боюсь, даромъ што онъ такой большой, а я эдакой маненькой!...

— Ужь што про тебя и говорить: ты храбрый человѣкъ!

— Да храбрый и есть! горячится мальченка и выходитъ изъ-за подворотни.—Хотите ли, я ему сичасъ закричу?

— А ну-ка, закричи!

Храбрый человѣкъ поглядѣлъ вслѣдъ за Безоброчнымъ,— ужь гдѣ, далеко тотъ шагаетъ! — и чуть слышно и одинъ разъ крикнулъ:

— Безоброшный!... Ну што, не закричалъ я?

— Эка, ровно комаръ пискнулъ! засмѣялись мы всѣ.— Да теперь штò, — ты бы вотъ давѣ ему крикнулъ!... А теперь, пожалуй, и мы закричимъ, да и не по комариному, а какъ завсе кричимъ, шибко!...

И тутъ вдругъ къ намъ возвращается наша обычная смѣлость, всѣ оставляютъ свои засады, шумно высыпаютъ опять за ворота, и въ улицѣ раздаются цѣлые десятки тонкихъ ребячьихъ голосовъ:

— Безоблошный!... Гриша Безоброшный, оглянись: оброкъ-отъ у тебя весь назади виситъ!...

— Безоблостный! да когда ты свой облочикъ мілу заплатись? кричитъ самый крохотный малышъ и пускается своими махонькими ноженками догонять чуть виднѣющуюся вдали фигуру.—Не холосо тебѣ такъ дѣлать, Безоблостный. Стыдно! атдай облочикъ!...

А какая-нибудь мать, не зная чѣмъ и какъ унять блажнаго своего дѣтища, только и спасается однимъ именемъ Безоброчнаго.

Замолчишь ли ты, озорное! взываетъ мать, и изо всей мочи трясетъ качку, въ которой благимъ матомъ оретъ младенецъ.—Господи! да што мнѣ съ нимъ дѣлать?... Ишши,

говорю!... Не слушаешь?... Погоди, коли такъ! Кажись, тамъ по улицѣ Безоброшный идетъ, находится вдругъ она и обрадованнымъ голосомъ прибавляетъ: — Безоброшный, а Безоброшный? подитка ты сюда да возьми у меня мово Гараньку, положь его къ себѣ въ кошель, — онъ мамы своей не слушаетъ, озарничаетъ все и никакого спокоя мамѣ своей не даетъ.... Поди Безоброшный!...

И ребенокъ, побагровѣвъ даже весь отъ усилій сдержать болѣзненныя свои рыданія, при имени Безоброчнаго тотчасъ затихаетъ....

Что же это за человѣкъ, которому не было другаго и прозванія, какъ Безоброчный, и христіанское имя котораго знали лишь мы одни, глупые мальчуганы, и порою еще называли его Гришею? Неужели онъ такъ съ тѣмъ и на свѣтъ родился, чтобы цѣлую свою жизнь видѣть около себя одно людское глумленіе, и ничего ужь лучшаго не выпало на его долю, какъ только стоять безобразнымъ пугаломъ передъ свѣтло улыбающимися личиками невинныхъ малютокъ?...

Вотъ что, по долгимъ зимнимъ вечерамъ слушаючи съ полатей, узнали мы о Безоброчномъ отъ матерей нашихъ, и что я теперь самъ разскажу вамъ про него, добрые люди, чтобы вы также знали, отчего у насъ на міру заводятся Безоброчные и какъ разумное созданіе Божіе, человѣкъ, отъ злобы другаго человѣка да глупости нашей круговой дѣлается общимъ посмѣшищемъ.

I.

Не только наши отцы, братья старшіе еще хорошо помнятъ въ селѣ Григорья. Работящій и старательный былъ этотъ мужикъ Григорій, а нрава такого добраго да тихаго— не то чтобы обиды какой, слова супротивнаго никогда отъ него ни кто не слыхивалъ. А собою что за дѣтина былъ! Глядючи на его высокій ростъ, широченную грудь и могутныя плеча, не мало народъ дивился тому, какъ въ этакомъ богатырѣ и такая смирная душа могла засѣсть? Но его голубые глаза, свѣтившіеся всегда ровнымъ и яснымъ свѣтомъ, останавливались иногда на ребяческихъ лицахъ съ такой глубокой печалью, и весь онъ глядѣлъ тогда такимъ безпомощнымъ сиротою, что вчуже становилось жаль мужика: точно онъ молилъ кого, чтобы ему возвратили единственную и послѣднюю, ни за что отнятую у него, радость, безъ которой ни одному человѣку сама жизнь не въ жизнь!...

Разсказывали, что, будучи еще ребенкомъ, Гришутка подружился съ поповымъ сыномъ, сверстникомъ по годамъ. И жили они все время въ такой дружбѣ, что другъ безъ друга просто дня не могли пробыть: гдѣ, бывало, одинъ, тамъ ужь непремѣнно и другой. Осенью, въ заморозки, поповичъ еще гдѣ поднимется и торопится бѣжать къ Гришкѣ.

— Гришутка! а, Гришутка! кличетъ товарища поповичъ, останавливаясь на всемъ скаку передъ окошкомъ Максимовой избы, отца Гришки:—выбѣгай скорѣй на улицу! Нонѣ какъ заморозило, волчки станемъ пускать!...

Гришутка, какъ только заслышитъ голосъ поповича,—стрѣлой въ дверь и про краюху хлѣба забылъ.

— Поглядитко, какой у меня волчокъ-отъ, вытаскивая изъза пазухи, показываетъ свою утѣху поповичъ: — новый, съ

мѣдной шляпкой на шейкѣ! Мнѣ это батюшка вечёръ изъ города привезъ; пятакъ серебра, говоритъ, за этотъ волчокъ я въ лавкѣ заплатилъ. Вотъ какой дорогой!

— Ну-ка, ну, Вася, дай мнѣ его въ руки, я на него хорошенечко погляжу! проситъ Гришутка и съ большимъ восхищеніемъ повертываетъ изъ стороны въ сторону выточенный изъ березы волчокъ, городскую покупку. — Хорошъ!... Вотъ это настоящій волчокъ, хвалитъ онъ.—И видно, што въ городѣ купленъ, не чета нашимъ самодѣлкамъ! Небось, ужо, какъ запустишь, такъ онъ у тебя такъ сразу и уснетъ... Мы, Вася, по очереди будемъ его запускать?

— Пожалуй... Да, вѣдь, я для тебя другой захватилъ: помнишь, что позалѣтось какой у меня былъ? Вотъ онъ, на! Ты его возьми себѣ,—онъ мнѣ не надобенъ.

Гришутка подпрыгнетъ отъ удовольствія.

— Вотъ спасибо тебѣ, Васинька. Ай, товарищъ милый!

Въ началѣ весны, когда солнечные лучи распустятъ снѣгъ, и въ улицахъ вездѣ зажурчатъ десятки веселыхъ ручейковъ, оба товарища хлопочутъ надъ устройствомъ запруды и становятъ мельницы.

— Вотъ такъ ужь мельницу поповичъ съ Гришкой поставили! возвѣщаютъ другъ другу сельскіе ребятишки и опять, чуть не въ десятый разъ, бѣгутъ глядѣть, какъ работаетъ большое колесо на новой мельницѣ.

— Вишь, какъ оно вертится! говорятъ ребятенки.—Ловко! Да какіе же они у насъ, парнишки, до всего дотошные!

А лѣтней порою, чуть ли не вмѣстѣ съ пастухомъ, заберутся товарищи въ лѣсъ и долго тамъ слушаютъ птичекъ. Ни одной души человѣческой около нихъ, а между тѣмъ кругомъ все полно такой кипучей, такой бодрой и неумолчно раздающейся жизни, что поневолѣ ребятки забудутся и молча лежатъ на росистой травѣ.

— А хорошо въ лѣсу, Гриша! промолвитъ наконецъ поповичъ.

— Больно хорошо, Васинька, промолвитъ Гришутка и вздохнетъ.

— О чемъ ты вздохнулъ?

— Такъ.... А вонъ вѣкша прыгнула!

— Ну, Богъ съ ней.... А слышишь? Чу!... Это, видно, соловышко заливается!

— Нѣту. Соловьи днемъ не поютъ; а это малиновка свищетъ... Знаешь, тоже экая ма-ахонькая птичка, только ротокъ и горлышко у ней красненькія?...

Такъ проводили годы своего дѣтства товарищи, пока отецъ не засадилъ поповича за книжку. Но и тутъ они видѣлись часто, хотя ужь и не гуляли вмѣстѣ по цѣлымъ днямъ, какъ это было до ученья. Сидитъ, бывало, поповичъ за книжкою, а Гришутка то и дѣло что шастаетъ мимо хорошаго, крытаго тесомъ, съ расписными ставнями, попова дома и не терпѣливо поджидаетъ своего іріятеля. Кончился урокъ—и поповичъ летитъ на улицу.

— Ты здѣсь?

— Давно. Ну, што, батя твой не сѣкъ тебя сегодня? съ живостью спрашиваетъ Гришутка.

— Нѣтъ! Я нынѣ твердо урокъ зналъ, съ гордостью отвѣчаетъ поповичъ.

— И не побранилъ тебя? не отстаетъ Гришка.

— Какое бранилъ! Хвалилъ и гладилъ по головкѣ: «добропорядочно, Василій, сказалъ,—преуспѣвай».

— Вотъ какъ! Значитъ, батѣ-то твоему любо, што ты хорошо у него учишься.... А скажи, трудно тебѣ учиться?

— Сперва-то трудно было, а вотъ теперь, какъ попривыкнулъ—ничего, легко стало... А что, Гриша, не пойти ли намъ теперь рыбу удить?

— Пойдемъ! Я давѣ и червяковъ накопалъ... Какой червякъ попалъ, разсказываетъ ужь на ходу Гришутка: —крупный да толстый червякъ! Гляди, ужò большая рыба на экого червя пойдетъ.

Зайдутъ они къ Гришуткѣ домой, достанутъ изъ-подъ стропилъ удилища и пойдутъ на рѣку, засядутъ тамъ на берегу и закинутъ удочки.

— Смотри, не прозѣвай! предостерегаетъ одинъ другаго.

Пристально, не спуская глазъ, слѣдятъ пріятели за тихо колышащимися на водѣ поплавками, и каждый разъ, когда поплавокъ вздрагиваетъ, глаза мальчиковъ широко раскрываются.

— Клюетъ, клюетъ!... Гляди: окунулся.... Вытаскивай!

— Ай, сорвалась, шельма!

Рѣдко удавалось имъ за день вытащить какого-нибудь карася или плотву; но они и этимъ вполнѣ довольны оставались и съ счастливыми лицами возвращались въ село.

Выучился поповичъ грамотѣ, началъ онъ и товарища своего учить. Въ мѣсяцъ Гришка читалъ почти по всей азбукѣ, а спустя еще мѣсяцъ, онъ какую угодно могъ прочитать книжку. Диву всѣ дались на селѣ отъ талантовъ Гришки, и о немъ село заговорило.

— Каковъ Максимовъ-то парненка, Гришка-то? По печатному валяетъ, да вѣдь какъ!.. Ты ему каку печатную книжку ни дай, онъ теѣ всякую прочитаетъ и разскажетъ, што тамъ все въ ней означаетъ!... Голова, должно, будетъ малый!

— Чудеса! Уму даже непостижимо, какъ эдакой, можно сказать, соплякъ и всеѣ грамоту заразъ осилить смогъ?

— Эка, нашли кого расхваливать! вопреки голосу всѣхъ отзывался одинъ зажиточный мужикъ, Парамонъ Ивановъ.— Велика важность, што въ Гришкину башку поповъ сынъ азбуку вдолбилъ, а вы и ни вѣсть ужь въ какіе грамотники Гришку произвели! А вы бы, сперва-на-перва, спросили у попови-

ча, чего это ему стоило: вѣдь онъ, сердешный, изнадсѣлся весь, маямшись-то денно и нощно съ Гришкой!

Какъ и откуда это узналъ Парамонъ Ивановъ—одинъ самъ онъ зналъ. Но что противъ Максима онъ имѣлъ постоянную злобу,—это всему селу было извѣстно, и никто не сомнѣвался въ томъ, что Парамонъ Ивановъ возненавидѣлъ теперь и ни въ чемъ неповиннаго Гришутку.

— Однако, Парамонъ Иванычъ, осмѣлится ему загвоздить посмѣлѣе кто изъ мужиковъ, — твой-то сынокъ никакъ два года ходитъ въ науку, а што-то не очинно штобы такъ успѣшно грамота въ его голову вкладывалась, хоша дьячекъ и больно старается: дальше складовъ паренекъ не сможетъ уйти, хоть ты съ нимъ тутъ лобъ объ стѣну разшиби! Видно мастеръ-то плохъ задался!...

Парамону эта насмѣшка пуще ножа остраго!

— Нашелъ ты кого сравнять съ моимъ сыномъ! бѣсится онъ и отъ злости трясется самъ.— Мому-то сыну, може, цѣны нѣтъ,—онъ у меня золотой! А Максимова-то сынишку я и съ отцомъ куплю... Вотъ што!... Я напередъ сказываю, што изъ вашего хваленаго Гришки проку никакого не выдетъ: либо воръ, либо отъявленный пьяница онъ будетъ.... Да-а!... И ты мнѣ николи перечить не смѣй, потому какъ ты выходишь извѣстный свинья и тоже плутъ большой!...

— Ну, спасибо тебѣ на добромъ словѣ, отвѣтитъ мужикъ.— Изволь-ка самъ скушать, што другимъ подносишь, а мы и такъ завсе твоей милостью довольны!... Не взыщи!...

Много, разсказывали, Гришуткѣ пришлось за свою славу всякой брани и язвительныхъ словъ выслушивать со стороны злаго мужика; не разъ и не два бѣдняга плакалъ отъ Парамона Иванова и порою жаловался поповичу.

— Что я ему сдѣлалъ? За что онъ меня обижаетъ?

— А ты плюнь на него, совѣтовалъ товарищъ.—Ты, вѣдь, умница; а у Парамона сынъ дуракъ,—нужды нѣтъ, что онъ

старше тебя!... Вотъ, значитъ, Парамону этому самому и завидно, что не его сына, а тебя всѣ зовутъ умникомъ. Понялъ? Что-жь ты плачешься, дурашка? Есть о чемъ горевать!.. Плюнь!

— Да отъ Парамона и батѣ мому житья нѣтъ!.. закрывая раскраснѣвшееся лицо обѣими рученками и судорожно всхлипывая, продолжаетъ Гришутка.—Всѣхъ бы онъ насъ, кажется, поѣдомъ съѣлъ, ежели бы у него власть была!.. А за штò?

— А ты вотъ брось только плакать-то, унимаетъ поповичъ.— Пойдемъ-ка, милый товарищъ, мы съ тобой лучше въ нашъ садъ, тамъ я разскажу тебѣ какую новую исторію!.. Ахъ, что только за чудесная исторія!...

Гришутка мгновенно открываетъ лицо: еще слезы крупными и чистыми каплями дрожатъ на его длинныхъ и густыхъ рѣсницахъ, но онъ уже улыбается, выглядывая изъ-подъ темныхъ бровей, и голосомъ, полнымъ внезапно поднявшагося любопытства, спрашиваетъ товарища:

— А ты.... эту исторію.... отъ бати своно слышалъ, али самъ гдѣ.... въ какой книжкѣ прочиталъ?

— Скажу, какъ въ садъ придемъ, уклончиво и смѣясь отвѣчаетъ поповичъ.—А и что это, Гриша, за красота у насъ теперь тамъ: яблони всѣ въ цвѣту,—ну, вотъ знай, словно какъ весь садъ молокомъ облитъ! А пахнетъ опять какъ,— ну, вотъ, ей Богу право, ни за что бы я оттуда теперь не вышелъ!... Рай!

Гришутка весь сіяетъ отъ близкаго счастія: онъ пойдетъ въ поповскій садъ, гдѣ Вася станетъ ему разсказывать какую-то чудесную исторію и онъ будетъ его слушать долго, долго... Ахъ, какъ это будетъ хорошо!...

II.

Но вотъ пришло время везти поповича въ школу, и въ домѣ съ расписными ставнями начались хлопоты; мать и сестры принялись за шитье рубашекъ и разныхъ мѣшочковъ, въ которые можно было бы напрятать всякаго добра, и стали понемногу снаряжать мальчика въ отъѣздъ. Чѣмъ ближе подходило это время, тѣмъ чаще и дольше останавливались на лицѣ поповича тоскующіе взгляды его матери и сестеръ, громче и больнѣе отзывались въ его сердцѣ ихъ протяжные вздохи, и самому ему, глядя на нихъ, такъ хотѣлось разревѣться, что онъ проворно оставлялъ горницу и удиралъ на улицу....

Заслышало село про этотъ отъѣздъ поповича, и его доселѣ веселыя и крикливыя улицы тоже погрузились въ какую-то безмолвную печаль. Съ чего это вдругъ пріутихли сельскіе ребятки и, съ выраженіемъ непривычной грусти на своихъ дѣтскихъ личикахъ, киваютъ въ ту сторону, откуда идутъ поповичъ съ Гришкою? Почему собаки, жучко и орелко,—эти закадычные друзья со всѣми малолѣтками,—не бѣгутъ, при видѣ Гришки и поповича, взапуски къ нимъ на встрѣчу и съ радостнымъ визгомъ не бросаются имъ на грудь, а сидятъ около завалинъ и слабо повиливаютъ хвостами, уныло и моргающими глазами посматривая на товарищей? И о чемъ эти высокія и развѣсистыя березы, подъ широкую и прохладную тѣнь которыхъ любятъ въ праздники собираться мужики и бабы,—о чемъ онѣ, эти зеленыя березы, какъ будто-бы плачутъ и жалуются на что, тихо пошумливая трепещущими листочками?... Нѣтъ, не то ужь теперь стало наше село, какимъ мы его знали и привыкли любить, думаютъ ребятки.—Нѣтъ! совсѣмъ не то...

Какъ первый цвѣтокъ нашихъ бѣдныхъ долинъ, подснѣжникъ, ярко и вдругъ блеснетъ посреди еще голой природы и также вдругъ

и незамѣтно исчезнетъ,—такъ годы счастливаго дѣтства озарятъ своимъ лучезарнымъ свѣтомъ нашу крестьянскую долю и внезапно поблѣднѣютъ, померкнутъ на вѣкъ передъ густымъ и непроглядным туманомъ грядущихъ лѣтъ жизни....

— Черезъ недѣлю, заговорили въ селѣ, поповича отъ насъ увезутъ. Поповича скоро никто ужь больше не увидитъ на улицѣ. Поповича черезъ недѣлю въ школу засадятъ, и Гришка одинъ останется!...

Только недѣля! Недѣля одна—и конецъ золотымъ днямъ!..

Всю эту недѣлю Гришка былъ неразлученъ съ поповичемъ; онъ рѣшительно забылъ про отцовскую избу и вовсе ужь туда не заглядывалъ: Гришка и ночевалъ на поповскомъ сѣновалѣ. Заберутся они вдвоемъ съ поповичемъ послѣ ужина на сѣновалъ, зароются тамъ въ душистое, недавно еще скошенное сѣно, и лежатъ; долго они не спятъ и все говорятъ, и переговорить всего не могутъ — удивительно, гдѣ столько занимательныхъ словъ ребятки находятъ, что иной цѣлый день безъ умолка говоритъ и никто ему изъ товарищей за это въ шапку не накладетъ, сердито прикрикнувъ: «да отстань ты отъ меня! Хуже горькой рѣдьки надоѣлъ съ своими дурацкими разговорами»!...

— Ахъ, никого-то мнѣ такъ не жаль, какъ тебя, Гришутка! скажетъ вдругъ поповичъ, вспомнивъ о близкомъ своемъ отъѣздѣ.

— Да, дурно мнѣ безъ тебя будетъ, глухо отвѣтитъ Гришутка и замолчитъ.

Замолчитъ и поповичъ.

— Вотъ, начинаетъ опять поповичъ,— еслибы ты умѣлъ по скорописному читать, я бы тебѣ изъ города письмо прислалъ... Да не умѣешь...

— Нужды нѣтъ, што не умѣю, говоритъ Гришка,—а ты все-таки напиши письмо: я покучусь твоему батѣ,—онъ мнѣ и прочитаетъ.

— А, вѣдь, и то правда: батюшка тебѣ прочитаетъ!.. Погоди, какъ пріѣду я тѣмъ годомъ на ваканцію, много, мно-ого я съ собой бѣлыхъ хорошихъ листовъ бумаги привезу! Тогда вотъ и писать тебя выучу...

— Выучи. Мнѣ больно хочется писать!.. Може, коли я побольше-то выросту, я отселѣ въ пустыню уйду,—въ пещерахъ буду жить, какъ жили святые... Ну, выходитъ, тамъ, въ пещерахъ-то, письмо мнѣ и понадобится...

Проговоритъ онъ это и смолкнетъ; а поповичъ:

— Кто тебѣ, Гриша, безъ меня исторіи будетъ разсказывать? спрашиваетъ.—Наши сельскіе парнишки не знаютъ исторій.

— Гдѣ имъ! И большіе-то, поди, не знаютъ, отвѣчаетъ Гришутка и глубоко вздыхаетъ.

Поповичъ не вытерпитъ.

—Смерть—жаль тебя, Гришка!..

— Разскажи-ка, Вася, опять про царевича-то того, Асафа, што ты онамедни про котораго мнѣ разсказывалъ, говоритъ Гришка.—Може, я ужъ въ останныя про него послушаю!...

Поповичъ начинаетъ разсказывать про младаго царевича Іосафія, какъ тотъ покидалъ свое царство, палаты бѣлокаменныя, казну золотую и уходилъ отъ юности своей прелестной въ пустыню, и какъ онъ проситъ ее, мать прекрасную пустыню, чтобы она приняла его, младаго царевича, и научила творить волю божію и разверзла предъ нимъ врата райскія. Слушаетъ Гришка и не наслушается дивной повѣсти: любъ ему этотъ младой царевичъ Іосафій, и мила эта «мать пустыня, прекрасная раиня»...

— Разсказывай, Вася, разсказывай!.. молящимъ голосомъ проситъ Гришка, когда разскащикъ не надолго пріостанавливался.

Самъ батюшка, успѣвши порядкомъ выспаться, выдетъ этакъ передъ зорькою на дворъ и, къ немалому своему удивленію, услышитъ, что на сѣновалѣ еще разговариваютъ. Постоитъ на крыльцѣ попъ, послушаетъ и скажетъ:

— Изумительно, что отроки доселѣ бодрствуютъ. А вѣдь уже свѣтъ близко—вонъ на востокѣ полоски заалѣлись... Ахъ, дѣти, дѣти! прибавитъ батюшка, покачавши длинными своими космами, и пойдетъ часикъ-другой еще соснуть.

Насталъ день отъѣзда. Сколько ребятишекъ собралось передъ окнами поповскаго дома! Сколько заплаканныхъ лицъ и личиковъ кругомъ глядѣли! А какъ плакалъ Васютка, прощаясь съ матерью и сестрами,—просто рѣкой разливался! Гришка, весь побѣлѣвшій, стоялъ около поповенъ и съ нѣмой горестью смотрѣлъ но своего уѣзжавшаго товарища.

— Ну, довольно вамъ, будетъ! проговорилъ громко батюшка съ телѣги, на которой онъ давно уже сидѣлъ и угрюмо такъ, точно бы сердясь на что, перебиралъ веревочными возжами.—Василій, садись!.. А вы, мать и дѣти, ступайте домой и помолитесь Господу, чтобы Онъ, Владыко и Царь нашъ всемилостивый, помогъ мнѣ поскорѣе въ городѣ раздѣлаться и благополучно сына въ первый классъ сдать... Перестаньте же малодушествова ть, стыдно!.. Садись, братъ Василій!

Когда поповичъ взобрался на телѣгу и сѣлъ, батюшка осмотрѣлся кругомъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Теперь, кажется, все готово, ничего мы съ тобою, Василій, не забыли?.. и наклонивши внизъ голову, онъ заглянулъ подъ телѣгу, словно ища, не осталось ли тамъ чего еще забытымъ.

— Родимый мой! Сыночекъ ты мой ненаглядный!..

— Да полно тебѣ, мать, дурить! строго произнесъ батюшка, быстро поднимая голову и круто поворачаваясь къ попадьѣ, которая вскочила ужь на колесо и, обливаясь вся слезами, спѣшила въ послѣдній разъ прижать къ своей рыдающей груди черноволосую голову сына.—Сказалъ тебѣ: не малодушествуй!.. Ну, Господи благослови! прибавилъ батюшка, снимая свою высокую и съ длинными ушами шляпу, и началъ креститься на сельскую церковь.

Гришутка, по прежнему стоявшій бѣлѣе полотна, тоже сдернулъ съ себя шапчонку и наскоро закрестился.

— Прощайте, дѣти! Прощай, мать! говорилъ попъ. — Не забудьте же: молитесь, больше молитесь!.. Но, но!.. трогая возжами, не шибко прикрикнулъ на мерина батюшка: — пошелъ съ Богомъ!..

Телѣга тронулась. Раздались вопли и рыданія...

— Батюшка, остановитесь! закричалъ Гришка и бросился за телѣгою.

— Что-о-о? Или позабыли что съ собою захватить? осаживая мерина и оглядываясь назадъ, окликнулъ попъ.— Тебѣ что нужно, чадо? обратился онъ къ уцѣпившемуся за телѣгу Гришуткѣ, и голосъ его зазвучалъ опять строгостью.

— Посади меня... Я... провожу Васю! вымолвилъ Гришка.

Батюшка смягчился.

—Да это твой пріятель? Кажется, Василій. Ну,что же, садись, братецъ, ежели у тебя есть доброе желаніе проводить своего товарища. Это, съ твоей стороны, чувство очень похвальное и я вполнѣ за него одобряю тебя, малышъ!.. А вы—помните мой наказъ, крикнулъ попъ семейнымъ: —молитесь, молитесь!.. Но, гнѣдко, трогай!.. Помоги мнѣ, Боже!..

Телѣга застучала.

— Попадья, дѣти, молитесь! снова раздался изъ-за стука телѣги голосъ священника, еще разъ обернувшагося назадъ.—Молитесь!!..

Тутъ всѣ бабы и ребятишки видѣли, какъ поповскій сынъ и Гришка, крѣпко обхвативши другъ друга руками, проѣхали черезъ все село съ смѣявшимися сквозь слезы лицами; а самъ батюшка величественно сидѣлъ въ телѣгѣ на большой вязанкѣ сѣна, держа въ рукахъ возжи, и то и дѣло что покрикивалъ на мерина:

— Но, но, гнѣдко! Не лѣнись, пошевеливайся!.. Въ городъ ѣдемъ, молодаго хозяина въ науку веземъ... Слышишь?

Выучится—попомъ онъ у насъ будетъ. Д-да!.. Поваливай, милый, поваливай! Но-о!..

А ребятишки сидѣли молча, неспуская одинъ съ другаго глазъ, и плотно жались другъ къ другу.

Выѣхавъ за околицу и проѣхавъ версты двѣ, батюшка остановилъ лошадь и сказалъ:

— Ну, жаль мнѣ васъ, дѣти, а помочь ничѣмъ не могу! Слѣзай, мальчикъ, а то далеко отъ села отобьешься!... Ахъ, дѣти, дѣти!.. О Господи, Владыко Всемилостивый!..

И такъ, разсказывалъ послѣ дома батюшка, отроки тутъ жалостно распростились, что даже онъ самъ чуть не расплакался, какъ малое дитя, глядя на товарищей. И когда онъ тронулъ мерина и оглянулся, то Гришутка, стоя нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ и провожая телѣгу глазами, вдругъ всплеснулъ руками и снопомъ повалился на землю, крѣпко припавъ лицомъ къ высохшей травѣ...

Одинъ теперь остался Гришка, одинъ... Что ему теперь безъ пововича дѣлать въ родномъ селѣ?.. Зачѣмъ онъ туда пойдетъ?

III.

Уѣхалъ поповичъ, и вскорѣ послѣ отъѣзда его въ селѣ у насъ заговорили, что будто бы съ Максимовымъ сыномъ какая-то бѣда стряслась: Гришка съ чего-то вдругъ похудѣлъ, на всѣхъ глядѣлъ такъ чудно и ни съ кѣмъ почти слова не говорилъ. Рѣдко по тѣмъ временамъ кто видалъ Гришку на улицѣ,—постоянно встрѣчали его гдѣ-нибудь за селомъ: точно тѣнь бродитъ Гришка одинъ-одинешенекъ, понуривши голову, около лѣса, или сидитъ на отвѣсномъ берегу рѣки и подолгу, не отрываючись, смотритъ на ея сверкающую золотыми искрами поверхность.... Но чаще всего Гришку замѣча-

ли на большой дорогѣ, гдѣ онъ разстался съ поповскимъ сыномъ: идетъ мальчуганъ по этой дорогѣ, волосы у него на головѣ растрепались, глаза тоскливо уставились куда-то въ даль,—идетъ и этакъ тихо губами шевелитъ, точно говоритъ что̀.

Какъ мы, будучи неразумными дѣтьми, всегда прятались отъ Безоброчнаго и не могли безъ страха на него взглянуть, такъ и въ ту пору товарищи сторонились отъ Гришки и таинственно между собою переговаривались.

— Глядитко-те, парнишки, ровно онъ помѣшанный ходитъ!... Да о чемъ это онъ все шепчетъ?... Оказія, што у насъ съ Гришуткой сдѣлалось!...

— По Васюткѣ, должно, все тужитъ, догадывался кто посмышленѣе изъ ребятъ:—тяжко Гришо̀нкѣ безъ поповича, ну, вотъ онъ завсе и убивается по немъ...

— Полно врать то, перебивалъ одинъ балбесъ, сынокъ Парамона Иваныча: — чего ему по Васькѣ убиваться? Чай, тотъ не померъ! Нѣтъ, мой отецъ вонъ што баетъ: ты, баетъ, не водись съ Максимовымъ сыномъ,—Гришка его, баетъ, зараза, чума синбирская. Вотъ што мой отецъ баетъ; а мой отецъ—мужикъ богатый, его надо всѣмъ слушаться!

Если Парамонову сыну немногіе вѣрили, что Гришка «чума синбирская», то всѣ ребятенки были того мнѣнія, что Гришутка сталъ мальчикомъ «чуднымъ» и что слѣдуетъ имъ подальше отъ него быть.

Взрослые, когда на бесѣдѣ разговоръ заходилъ о Максимовомъ сынѣ, качали головами и какъ-то особенно между собою переглядывались.

— Плохо Максимово дѣло.... Тутъ... не больно хвали, коли эдакъ-то... дальше пойдетъ, глубокомысленно разсуждали въ праздники, у гулянья, сельскіе мужики. — Тутъ што ни то, да не спроста....

— А то нѣшь спроста? Какже!... Такъ, даромъ, нѣшь кто заблажитъ?.. И вѣдь хоть бы большой человѣкъ, а то, накась,— кроха такая и юродивничаетъ! Гдѣ это видано?.. Безпремѣнно съ вѣтру на него што-нибудь напущено...

— Я такъ по себѣ, таперича, думаю, умствовалъ тутъ одинъ мужикъ:—Гришка занятенъ былъ къ грамотѣ,—много съ поповичемъ они всякихъ книгъ произошли.... Може, какъ, съ глупа-то, не ударились ли они въ черную магею? Я слыхалъ, поврежденье ума большое у человѣка отъ черной магеи бываетъ...

— Ну, ужь ты, Гаврилычъ, того... словно бы это... ты на дѣло не похоже толкуешь, сомнѣвались даже тѣ изъ слушавшихъ, которые сами раздѣляли мнѣніе о допущеніи съ вѣтру.—Потому, какъ, выходитъ, тутъ волшебство?.. Ну а, самъ посуди, какіе ребятишки колдуны? Нѣтъ, съ вѣтру — другое дѣло: лихіе люди на дѣвку, либо парня напустили, а попалъ Гришка...

— Чего на свѣтѣ не бываетъ, шамкая говорила на это одна старуха:—нечистый силенъ!

— Вѣрное твое слово, баушка, ухватился за древнюю бабку Гаврилычъ.—Слышали? Вы, ежели не мнѣ,—старушкѣ Божьей повѣрьте: она не скажетъ облыжно,—девятый десятокъ тоже недаромъ на свѣтѣ маячитъ! А я говорю, какъ передъ самимъ Господомъ,—мнѣ лгать не приходится, у меня свои дѣти!...

Затѣмъ Гаврилычъ съ великимъ жаромъ принимался всѣхъ увѣрять, что если Гришка еще не совсѣмъ колдунъ, то ужь,—не сойти ему, Гаврилычу, съ мѣста,—онъ «порченый», и что самое лучшее средство вылѣчить Гришку отъ колдовства, пока не особенно ушло время,—отчитывать его шесть недѣль по два раза на день и каждую утреннюю зорю къ курамъ подъ нашесть сажать,—какъ рукой сниметъ, завѣрялъ.

Много тоже самъ-Гаврилычъ разумѣлъ: сольетъ какую-нибудь пулю,—всѣ бабы со смѣху покатятся!

— Выдумаетъ человѣкъ! весело подхватывали на бесѣдѣ:— подъ нашесть малаго сажать! Ха-ха-ха!... Жаль, что Максима здѣсь не случилось....

— Я и Максиму такой совѣтъ бы подалъ.... Только онъ мужикъ озорноватый,—не пойметъ своей пользы... обругаетъ!

Гаврилычъ хотя за весь день сказалъ однажды истинную правду: Максимъ былъ мужикъ характера строптиваго и никогда не терпѣлъ глупыхъ разговоровъ, а пуще — хвастовства и важничанья богатыхъ мужиковъ. Такихъ совѣтчиковъ и совѣтчицъ, какъ Гаврилычъ и ему подобные, онъ, послѣ двухъ-трехъ словъ, ловко умѣлъ изъ избы выпроваживать.

— Не суйтесь не въ свое дѣло, говаривалъ Максимъ въ догонку совѣтчикамъ, быстро вылетавшимъ на улицу, и крѣпко прихлопывалъ за ними дверь.—На-ко, пришли отца учить! Своди, говорятъ, сына къ ворожеѣ, на него, вишь, злой человѣкъ черную немочь напустилъ! Народецъ!... Небось, какъ въ прошломъ году у меня овинъ съ хлѣбомъ сгорѣлъ, такъ никто глазомъ не заглянулъ и не полюбопытствовалъ: што, молъ, ты, Максимъ, имѣешь теперь, чай, нужду въ хлѣбушкѣ? Возми у насъ, ссудимъ тебя на время,—поправляйся съ нашей легкой руки, съ Богомъ!... А дурацкіе совѣты давать всѣ мастера, благо ни у кого они не куплены: у всѣхъ съ излишкомъ завсегда этого добра.... Эхъ, люди—человѣчки!... Жена!

— Што те надо?

— Гришка не вернулся ко дворамъ?

— Охъ, нѣту-ти!

— Ну, нѣтъ такъ и нѣтъ, а о чемъ вздыхать-то? Глупая баба! Ты, смотри у меня, не вздумай парнишкѣ наговаривать, што онъ порченый. Сохрани тебя Богъ!... Изругаю!

— А ну, какъ дѣтища-то наше и взаправду поврежденъ?

— Дура! Возьми ты себѣ въ голову и пойми, што сколь

горько, не токма ребенку, взрослому, когда онъ съ близкимъ себѣ человѣкомъ разстанется. А у робенка, если онъ только въ разумѣ, да съ добрымъ сердцемъ, пуще отъ такихъ случаевъ печаль бываетъ, потому онъ на то и дитё чистое, што никакой еще злобы у него противъ людей нѣту,—жилъ онъ на свѣтѣ мало! Вотъ уѣхалъ поповичъ,—Гришднка нашъ и затосковалъ: любили они крѣпко другъ дружку и дня одинъ безъ другаго порозь не проводили. Какая же тутъ порча? Поняла, што я тебѣ говорилъ?

— Какъ не понять,—словечушка мимо уха не пропустила, все слышала.... Только мнѣ, Иванычъ, сдается, што у него, голубчика моего бѣлаго, разсудочекъ-то будто немножко эдакъ помутился....

— А поняла! Эхъ ты.... Говорить съ тобой, што въ рѣшето воду лить,—ничего не удержится!...

Въ селѣ, однако, насчетъ Максимова сына такъ умные люди порѣшили, что Гришка «испорченъ» и врядъ ли ужь когда онъ настоящимъ человѣкомъ сдѣлается: «потому, говорили, на семи вѣтрахъ порча эта была на него напущена и отъ нея до самой смерти избавиться невозможно». Находились добрые люди, которые отъ всей своей души жалѣли мальчугана.

— Ну-тка, ну-тка, съ эдакимъ-то малышемъ и што у насъ приключилось: злой духъ въ него поселился! Экія, по нонѣшнимъ временамъ, страсти въ міру пошли! Спаси и помилуй насъ грѣшныхъ, мать Владычица, Пресвятая Богородица!

Тутъ-то, разсказывали, Парамонъ Ивановъ злорадствовалъ.

— Не говорилъ я: отъ Максимова сынишки, што отъ козла молока, проку нельзя ожидать? Не по моему вышло? Вотъ вамъ и грамотникъ вашъ хваленый! Полоумпаго, дурачка какого-то, въ первѣйшіе умники произвели! Хо-хо-хо-о!.. Н-ну! уморятъ они меня, ей-Богу уморятъ! Гришка, Максимово отродье, умнѣющая голова, великаго смысла человѣкъ

и первостатейный начетникъ!.... Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!... Да его надо, для безопаски, на цѣпь бы посадить, а то одного и жди—на всѣхъ набрасываться почнетъ.... Вотъ и грамотная, умная голова!... Хо-хо-хо!...

— Оно это точно, Парамонъ Иванычъ; міру слѣдовало бы Максимова сына на веревку привязать,—выражалъ свое мнѣніе и многоумный враль Гаврилычъ:—для села бы спокойнѣй, да и малому польза: може, всю магею-бы онъ вылаялъ, сидючи-то на желѣзной цѣпи, али на веревкѣ...

А тотъ, котораго предполагали на желѣзную цѣпь посадить, какъ лютую собаку, бродитъ въ то самое время за околицею и вслухъ говоритъ:

— Пустыня, моя пустыня, прекрасная мать раиня! Возьми ты, пустыня, меня къ себѣ и спрячь отъ злыхъ людей. Васинька, товарищь ты мой милый! Гдѣ ты? По што ты оставилъ Гришку одного? Тошно мнѣ безъ тебя, пропаду я одинъ... Убѣгу, убѣгу я отсюда въ пещеры! Зачѣмъ я стану жить на міру?... Ахъ, пустыня—прекрасная раиня!... Ва-ася!!..

IV.

Убрались мужики съ лѣтними работами: весь хлѣбъ съ поля свезли и обмолотили. Дни, замѣтно, стали короче, солнышко показывалось рѣже, небо, еще недавно голубое и ласковое, съ утра покрывалось сплошными и сѣрыми облаками; поля кругомъ пожелтѣли, съ деревьевъ всюду съ шумомъ опадали красныя листья, дятелъ звонко долбилъ загнивавшіе стволы елей и сосенъ въ лѣсу. Чаще лилъ дождь и завывалъ холодный вѣтеръ... Къ югу длинными вереницами тянулись журавли....

Наступила осень, холодная, непривѣтливая осень.... Но не скуку и томящую тоску, какъ то зачастую бываетъ въ боль-

шихъ городахъ, приноситъ къ намъ съ собою въ село осень, когда Господь Богъ за лѣто хорошій урожай пошлетъ,—а сладкій отдыхъ для мужичковъ и веселыя посидѣлки для парней и дѣвокъ. Тутъ же и ярмарка къ Покрову подоспѣетъ: всѣ товаровъ, обновъ себѣ закупать пойдутъ.... Ахъ, ежели бы купцы поменьше нашъ простой деревенскій народъ надували, да каждый годъ хлѣбецъ у насъ въ волю родился, да еще между нами самими любовь и совѣтъ всегда царствовали, по селамъ и деревнямъ—куда!—не въ примѣръ легче бы жизнь пошла!...

Наѣхали къ намъ на Покровъ купцы съ товарами, раскрыли лавки, и народъ изъ всѣхъ краевъ повалилъ къ нимъ за покупками. Къ немалому изумленію, на ярмарку вышелъ и нашъ «порченый». Смотрятъ: ничего, какъ ни въ чемъ не бывало, малый гуляетъ и на картины любуется! Глазамъ не вѣрили, чтобы то Максимовъ сынъ былъ: Гришка давно на цѣпи сидитъ, разблаговѣстилъ селу Гаврилычъ. Какъ же! Гаврилычъ самъ отцу и совѣтъ такой подалъ: упрямъ Максимъ, долго не хотѣлъ слушать, но подъ конецъ видитъ, что добра ему люди желаютъ, вздохнулъ тяжело, перекрестился и пошелъ за канатомъ—Гришку-то это привязывать.... То-есть, безъ всякаго зазрѣнія вралъ этотъ Гаврилычъ!... Пристально глядѣли тогда на мальчугана: а что какъ онъ вдругъ лаять почнетъ или кусаться станетъ? Можетъ, онъ только притворяется смирнымъ?... А тутъ батюшка, священникъ, въ рядахъ показался и, замѣтивъ Гришутку, къ себѣ его позвалъ. Гришутка прямо подъ благословеніе къ попу.

— Во имя Отца и Сына.... крестилъ батюшка.—А мнѣ, мальчуганъ, надо тебѣ поклонъ отъ товарища передать. Василій, мой сынъ, велѣлъ тебѣ кланяться....

Гришутка такъ и встрепенулся весь.

— Што онъ, батюшка, какъ тамъ можетъ, все ли здоровъ? спрашиваетъ.

— Благодареніе Всевышнему! Василій живъ и здоровъ, и въ наукахъ успѣхи оказываетъ весьма изрядные: третьимъ ученикомъ въ классѣ идетъ.... Д-да, я и запамятовалъ было совсѣмъ: къ тебѣ отъ Василья письмо есть.

— Есть? обрадовался Гришка.—Не забылъ, значитъ... Съ тобой оно, батюшка? Ну-ка, почитай мнѣ его....

— Нѣтъ, чадо; письмо у меня на дому осталось. Приходи нынѣ ко мнѣ, я тебѣ тамъ и прочитаю.

Наводили-таки усердно православные ухо, ожидая въ этомъ разговорѣ отъ Гришки безумныя слова услышать; но, прослушавши все до конца и не дождавшись никакого съ его стороны полоумства, многіе тутъ же сейчасъ такое свое мнѣніе положили:

— А все-таки онъ не въ своемъ умѣ: примѣтили, какъ у него глазенки-то бѣгаютъ?

— Еще бы! Точь-въ-точь какъ у Θеклушки сумасшедшей, штò въ позапрошломъ году умерла?

— Вѣрно!

Много Гришкѣ радости доставило письмо товарища. Выучилъ онъ его все до слова наизусть и часто, слыхали, читалъ про себя вслухъ: идетъ ли онъ куда, или сидитъ гдѣ, и вдругъ, сперва у него по всему лицу свѣтлая такая улыбка пройдетъ, а потомъ и заговоритъ:

— «Дражайшій мой другъ и товарищъ»,—вотъ какъ меня называетъ!—«Увѣдомляю тебя о себѣ, что я, слава Богу, здоровъ, чего и тебѣ также желаю. Въ училище я хожу по два раза въ день и учится насъ, мальчиковъ, въ училищѣ этомъ, очень много: есть и маленькіе, какъ мы съ тобою, есть и большіе,—такихъ больше пожалуй, чѣмъ маленькихъ. У насъ въ классѣ есть одинъ ученикъ, по фамиліи Кре-стовоз-дви-женскій».... Экое прозвище трудное, насплу выговоришь!... «Ростомъ онъ будетъ съ моего батюшку и все онъ въ одномъ классѣ, у самой двери сидитъ. Надъ нимъ у насъ

всѣ смѣются, а учителя зовутъ его азинусомъ,—это по-латыни, а по-русски значитъ «оселъ». Но мнѣ его жаль.... Наказываютъ у насъ каждый день—все розгами сѣкутъ и очень больно сѣкутъ.... Часто я здѣсь вспоминаю тебя, Гриша!...» Добрый Василька!... «Что ты теперь дѣлаешь, съ кѣмъ водишься?... Хоть бы поскорѣе лѣто пришло, пріѣхалъ батюшка, взялъ меня съ собою и мы опять бы вмѣстѣ съ тобой гуляли»!...

— Ну, не дуракъ, не полоумный онъ! указывалъ всѣмъ на Гришку Парамонъ Ивановъ, когда удавалось ему застать того читающимъ наизусть письмо поповича.

— «Ахъ, словно и не дождешься, когда я опять въ наше Егорьевское попаду!... Прощай!... Написалъ бы еще, да некогда: урокъ надо готовить изъ греческаго—труденъ ужъ очень этотъ языкъ, Гриша!... Жди меня на лѣто, непремѣнно пріѣду! Прощай, Гриша! Остаюсь любящій тебя другъ, Василій Марсовъ, ученикъ перваго класса»

И Гришутка задумывается, снова улыбка выступаетъ на его лицо и онъ шепчетъ:

— Пріѣдетъ.... «Любящій другъ, Василій Марсовъ»... Марсовъ—это его прозвище!.... «Любящій другъ»,—громче продолжаетъ Гришутка.—Любящій другъ, Василій Марсовъ!—еще громче онъ говоритъ.—Марсовъ!—кричитъ уже мальчуганъ.—Василій Марсовъ!...

— Што ты орешь-то? Блажной! осаживаютъ его со стороны.—Ну, долго ли до грѣха: испужаешь человѣка!... Полоумный!..

Не видали, какъ вслѣдъ за ярмаркою надкатила къ намъ зима и покрыла кругомъ все чистымъ снѣгомъ, точно бы какой ризой серебряною, унизанною безчисленнымъ множествомъ драгоцѣнныхъ камней.... По такимъ временамъ куда какъ прекрасно бы сидѣть въ теплой избѣ и глядѣть сквозь окошко на поле, особенно когда это денекъ выдастся сол-

нечный: такъ и блеститъ, такъ и сверкаетъ на поляхъ снѣгъ, даже глазу становится больно смотрѣть!.. Но подобнымъ удовольствіемъ въ крестьянскомъ быту не приходится заниматься. Какъ только уставится дорожка, Богъ дастъ зимній путь, изъ села мужички ужь и катятъ во всю рысь на саняхъ за дровами,—въ ту пору, къ которой относится этотъ разсказъ, мы еще были господскими и тогда рубить лѣсъ въ рощахъ мужикамъ не было запрета.— Вмѣстѣ съ отцомъ сталъ ѣздить въ лѣсъ и Гришка. Максимъ кладетъ дрова, а Гришка отъ него не отстаетъ: тоже таскаетъ полѣнья и укладываетъ на дровни.

— Будетъ тебѣ, Гриша, говоритъ Максимъ:—поди, измаялся, отдохнуть хочешь? Присядь, а я безъ тебя возокъ докладу....

— Нѣтъ, батя, я еще не усталъ, отвѣчаетъ сынишка.— Мнѣ хочется помочь тебѣ, ты не останавливай меня! На-ка, вотъ, тебѣ какое полѣнцо!...

Отецъ усмѣхается.

— А ты у меня молодецъ! похваливаетъ онъ сына, весело на него взглянувъ. — Добрый изъ тебя крестьянинъ выйдетъ!..

Дома опять Гришка во всемъ отцу помогаетъ: и скотинѣ корму задастъ, и сбрую лошадиную чинитъ и, словомъ, все дѣлаетъ, что по крестьянству надобно и что по силамъ ему, малому. Утромъ, отецъ еще спитъ, а Гришка, въ одной овчинной шубенкѣ на распашку и валянныхъ сапогахъ на ногахъ, безъ шапки, ѣдетъ ужь съ ушатомъ за водою; самъ нальетъ полный ушатъ воды и возвращается домой съ разрумянившимися щеками и дуя себѣ въ замерзшія рученки.

— Свѣжо нонѣ на дворѣ, говоритъ онъ, внося съ собою въ избу стужу и кладя руки на печку.

— Али ужъ ты успѣлъ тамъ побывать? спрашиваетъ отецъ.

— Да, я по водицу ѣздилъ!... Матушка, тебѣ принесть дровецъ?

И Гришка, не дожидаясь отвѣта, бѣжитъ за дровами.

— О-охъ, грѣхи наши, грѣхи!... широко зѣвая и потягиваясь со сна, говоритъ мать Гришки.

— Чему ты? скажетъ Максимъ.

— Такъ.... Нѣшь и вздыхать, по твоему, нельзя о своихъ грѣхахъ? Вѣдь, мы тоже, чай, Божьи,—не мало на душѣ всякихъ дѣловъ дурныхъ накопилось!

— Да не о грѣхахъ ты вздыхаешь: все дурь у тебя въ головѣ ходитъ!

— Не всѣмъ же быть такимъ умнымъ, какъ ты, отвѣчаетъ жена:— гдѣ его взять, ума-то, коли Богъ не далъ?... Поживемъ и дураками,—слава Богу, не одни умные на свѣтѣ живутъ!.. Эхъ, Максимъ, Максимъ!.. Помяни ты мое слово, што съ нашимъ малымъ лихая бѣда стряслась: гдѣ видано, што бы десяти-годовалый ребенокъ да большимъ былъ? Нѣшь у Гришѣнки ребяческій разумъ?... Недаромъ, вѣдь, на селѣ чуть не въ колокола трезвонятъ, што онъ у насъ немножко попорченый, головой тронутъ....

— Такъ, такъ!... Вѣдомое дѣло: на Гришутку съ семи вѣтровъ напущено!... Испорченъ!....

— Ай, не говори ты этаго! Ай, спокаешься! Вѣдь, Гринька-то—дѣтище намъ родное.... Какія ты слова говоришь? Оте-ецъ!

И баба вдругъ начала всхлипывать.

— Ну!... Теперь пошла машина.... Дѣло сказано: съ дураками пива не сваришь, утѣшаетъ жену Максимъ.

— Ну, я дура, дура!.. Я и останусь дурой... я не лѣзу въ умныя,—блажитъ неугомонная баба.—А ты вотъ, умникъ-то, много ли чего себѣ нажилъ!... Двѣнадцать-то годовъ живучи съ тобою, много-ли я свѣтлыхъ-то дней знавала? Опричь нужды одной, да чернаго хлѣба, я ничего отъ тебя не видала:

ни цвѣтнаго платья у меня, ни лакомаго куса, — ничего въ цѣльную жисть не бывало!... И за все отъ тебя только одно: дура, да дура.... А дураки-то вонъ какъ живутъ — припѣваючи!... Господи, хоша бы денекъ одинъ такъ пожила, какъ жена Парамона Иванова!... А тутъ—на-ка! — и останнаго сына сгубить хочетъ!...

— Баба, замолчи!...

— Нечего мнѣ молчать-то! Будетъ.. намолчалась я вѣкъ-отъ свой вѣчинскій... Я мать,—добра хочу своему дѣтищу...

— Мамка! подаетъ голосъ съ лавки дѣвчушка:—на улицѣ дѣвчонки вонъ што̀ баютъ: Гришка-то вашъ, говорятъ, дурачекъ, полоумный! Мы, баютъ, его боимся: онъ, того гляди, бросится на кого да укуситъ....

Максимъ стоитъ уже по серединѣ избы и самъ въ лицѣ мѣняется.

— Ну, што, закажешь ты это всѣмъ говорить? обращается къ нему жена. — Нѣтъ, на чужой ротокъ не накинешь платокъ!...

— Баба! Да перестанешь ли ты? гремитъ Максимъ, а у самого лицо все бѣлое.—Дура!... Ежели ты еще хоть слово одно....

Дверь отворилась и на порогѣ показался Гришутка съ вязанкой дровъ.

— Батя, што у тебя давѣ съ мамой было? спрашивалъ онъ послѣ, когда отецъ съ сыномъ оставались вдвоемъ:—ты весь бѣлый такой стоялъ и глаза у тебя тоже страшные такіе были, а у матушки слезы....

— Ничего не было, Гриша. Надо тебѣ по правдѣ сказать: дурковата твоя мать, сплетень разныхъ бабьихъ слушаетъ....

— А ты, батя, не бранись съ мамой: грѣхъ браниться, надо жить въ мирѣ,—со всѣми въ мирѣ!...

Отецъ глядитъ на сына, ласкаетъ его своей жесткой рукою по головѣ и, словно про себя, промолвитъ:

— Гриша, Гриша!... Больно ты сердеченъ, мой голубь.... На міру съ людьми жить—не то надобно.... Эхъ, какимъ-то талаломъ тебя Богъ благословилъ?...

V.

Прошло семь лѣтъ. Много, какъ говорится, воды утекло за эти семь лѣтъ. Жизнь шла своимъ заведеннымъ порядкомъ и тихо, почти не замѣтно, какъ большая и спокойная рѣка катитъ свои колышащіяся воды, уносила съ собою куда-то далеко, далеко наши небольшія радости и не трогала лишь несчастій людскихъ и горя, какъ бы давая этимъ знать, что не совершенно же все она отнимаетъ у человѣка, но и оставляетъ ему по себѣ крѣпкую память.... Да, жизнь идетъ! И чѣмъ, кажется, незамѣтнѣе она идетъ, тѣмъ скорѣе и быстрѣе совершается это таинственное шествіе. Плохо тому человѣку, который ни разу не останавливался мыслью надъ той великою рѣкою—жизнью—и не сдѣлалъ ничего истинно-прекраснаго, за что помянули бы его добромъ всѣ простые люди!... Но о томъ, за что простой народъ, наши земляки, цѣлый вѣкъ помнили бы насъ и изъ роду въ родъ наше имя передавали, мы поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ; а теперь станемъ продолжать нашъ разсказъ о Безоброчномъ.

Много въ эти семь годовъ въ селѣ у насъ перемѣнъ разныхъ произошло и дѣлъ всякихъ случилось. Если взглянуть на наше Егорьевское да поразмыслить, то кажется—и происходить-то тутъ бы нечему: люди весь свой вѣкъ изо дня въ день работаютъ до кроваваго поту, платятъ своему помѣщику оброкъ, ѣдятъ что Богъ послалъ, спятъ—и только...

Ну, а развѣ это жизнь.... А между тѣмъ, на дѣлѣ-то, если заглянуть поглубже, то и тутъ есть жизнь, да еще какая жизнь-то! Сердце содрогается и кровь въ жилахъ стынетъ.... Начать хоть съ того, что въ эти семь лѣтъ нашего батюшку-священника отъ насъ въ другое село въ дьячки перевели: у него, на второмъ году школьной жизни, сынъ въ городѣ померъ, и онъ такъ смертью его былъ огорченъ, что запилъ и три года по селу «за уши медвѣдя водилъ»... Дошло, конечно, дѣло до начальства: батюшку и наказали—перевели въ дьячки... Гришка, разсказывали, послѣ вѣсти о смерти поповича, двѣ недѣли пропадалъ и никакого слуха о немъ не было: одни говорятъ, что онъ убѣжалъ въ городъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на своего умершаго товарища и проводить его до сырой могилы; но большинство сельскихъ мужиковъ и, въ особенности, Парамонъ Ивановъ готовы были даже присягнуть, что Гришка въ эти двѣ недѣли безвыходно жилъ въ лѣсу и кричалъ филиномъ: «сколько народу крещеная, полоумный, перепужалъ—страсть»! говорили. А когда Гришка явился въ село, то, на первыхъ порахъ, не только ребятишки, но и большіе опасались по одиночкѣ на улицу выходить: боялись, чтобъ онъ, послѣ своего выкрикиванія-то въ лѣсу филиномъ, не перегрызъ на селѣ всѣхъ до единаго. Такъ, разсказывали, мужики и бабы цѣлый день и ходили гурьбами для безопасности. Однако, скоро всѣ убѣдились въ томъ, что Гришка вовсе не страшенъ и бояться его не слѣдуетъ: онъ сталъ еще смирнѣе, чѣмъ былъ, и глядитъ на всѣхъ такъ печально, что бабы, по своему мягкосердечію, даже не могли воздерживаться отъ горькихъ восклицаній:

— Владычица! да што это у парненки-то за взглядъ разжалостливый! Ровно онъ, сердешный, къ смерти приговоренъ!

— Полоумный, потому и глядитъ такъ, объясняли имъ мужья.

Но этотъ «жалостный взглядъ» такъ и остался навсегда у Гришки.

На Максима самаго въ это время столько бѣдъ разныхъ обрушилось, что — и Господи!—какъ только все человѣкъ перенести на себѣ могъ? То у него послѣднюю лошаденку со двора свели, то коровушка пала, то изба сгорѣла, — да всѣхъ бѣдъ и не перечесть, сколько съ мужикомъ было! Но Максимъ все перенесъ и выстоялъ.

— Крѣпкій мужикъ, говорили о немъ на селѣ: — ндравъ у него строптивый, потому и петли на себя не накинулъ, остался живъ.

За Гришутку своего онъ горой стоялъ и съ Парамономъ Ивановымъ рѣзался не на животъ, а на смерть. Когда Гришка въ бѣгахъ находился, то-есть былъ въ городѣ на похоронахъ поповича,— Парамонъ Ивановъ такъ радовался, что разъ, при всѣхъ, на бесѣдѣ вздумалъ посмѣяться надъ отцомъ.

— Слышно, Максимъ, началъ онъ свою рѣчь, — твой-то сынокъ въ странствіе пустился?...

— Отъ тебя въ первой слышу, отвѣчалъ Максимъ и глядитъ самъ прямо такъ въ глаза богатому мужику.—Это ты что же, Парамонъ, своего ума выдумку сказалъ, али сообча съ Гаврилычемъ пустили, какъ вы допрежде по селу о полоумствѣ моего парненки выдумывали? Вы вѣдь оба на это мастера: супротивъ васъ, полагаю, по всей Россіи не сыщешь человѣка, который бы умѣлъ такъ здорово врать, какъ ты съ Гаврилычемъ!

На бесѣдѣ слушаютъ и никто—ни гу-гу. У Парамона нижнюю губу подергиваетъ, но онъ старается показать себя спокойнымъ. Только Гаврилычъ, когда услыхалъ свое имя, пересѣлъ съ прежняго своего мѣста на другое, подальше, и совсѣмъ сдѣлался невидимымъ за спиною одной широкоплечей бабы.

— Врать мнѣ, пока, нѣтъ надобности, говоритъ Парамонъ:— слава Богу, при моихъ достаткахъ, я могу и безъ вранья прожить вѣкъ. Но ежели я тебя спросилъ о сынѣ, то един-

ственно лишь потому, что хотѣлъ узнать, правду или нѣтъ село говоритъ. Можетъ, разсуждалъ я, Гришка не кладъ ли какой пошелъ гдѣ отыскивать: оно, при вашей бѣдности-то, очень бы къ пользѣ найти кадушку съ рублевиками.... Што-жь, давай Богъ всякому!

— На этомъ благодарю покорно тебя, продолжаетъ въ свою очередь Максимъ.—Ну, а ты, все-таки, скажи мнѣ по чистой совѣсти,—хоша, по правдѣ, у тебя этой совѣсти ни на копѣйку мѣдную нѣтъ, — скажи, Парамонъ, будь другъ, по скольку ты платишь Гаврилычу, штобъ онъ всякія твои паскудства на чужихъ дѣтей разносилъ по добрымъ людямъ? Али еще ты съ него за это што̀ дополучаешь?... Пожалуй, чего добраго, Гаврилычъ, по своей глупости, тебѣ отдастъ послѣднія свои животы?...

Гаврилычъ, при словахъ Парамона, высунулъ было свою бороденку; но какъ только заговорилъ Максимъ, онъ снова весь за бабу ушелъ и притаился. А Парамонъ весь позеленѣлъ, отъ злости трясется и, задыхаясь, говоритъ:

— Мнѣ съ тобою, Максимъ, и говорить не слѣдуетъ.... такъ, значитъ, какъ я имѣю капиталъ, а ты немногимъ чѣмъ отъ послѣдняго нищаго разнишься, то лучше разговоръ намъ этотъ прекратить....

— И никогда я тебѣ, Парамонъ, въ другой разъ не посовѣтую такіе разговоры со мной заводить, рѣжетъ неугомонный Максимъ.—А што ты на счетъ своего богатства все толкуешь, то мнѣ до него ровно наплевать: денегъ просить я къ тебѣ не пойду, хлѣба занимать тоже не стану.... Къ чему же твоя рѣчь о капиталахъ?... Я бѣденъ,—словъ про то нѣтъ, — можетъ, бѣднѣе другаго человѣка въ селѣ у насъ и не сыщешь.... Да за то, Парамонъ, я все одинъ на своихъ плечахъ выношу, оброкъ помѣщику за цѣлое тягло плачу, подушныя тоже за двѣ души несу, и недоимокъ за мной не состоитъ, всегда я чистъ. Што-жь ты хотѣлъ меня моей

бѣдностью уколоть?... Такъ ты, Парамонъ, ошибся на этотъ счетъ: давай мнѣ во сто разъ больше, чѣмъ сколькимъ ты владѣешь, да только скажи: возьми, молъ, при этомъ душу и совѣсть Парамона,— я бы отъ всякаго богатства отказался и скорѣй по міру съ сумой пошелъ, чѣмъ согласился твою совѣсть имѣть. Вотъ што, другъ милый, Парамонъ Иванычъ!...

Души у всѣхъ на бесѣдѣ въ пятки уходили, какъ Максимъ этого Парамона Иванова пробиралъ.

— Какъ такого богача и онъ съ грязью смѣшалъ? недоумѣвали мужики.—Хуже онъ его всякаго мошенника поставилъ. Экой мужикъ озарной этотъ Максимъ!

— Ну, да Парамонъ его достанетъ, ужь достанетъ!

И дѣйствительно, разсказывали, чего только Парамонъ Иванычъ не дѣлалъ, чтобы зло Максиму оказать!... А Максимъ только одно говорилъ:

— Увидимъ, увидимъ, кто пересилитъ! Еще это не извѣстно кто кого поборетъ... Онъ своимъ богатствомъ, а я правдою.... За Гришку моего я тоже постою, постою! Не дамъ я мальчишку въ обиду!... Подожди маленько, Парамонъ Иванычъ!... Поборемся!...

Черезъ нѣсколько времени, разсказывали, въ село пріѣхалъ отъ нашего барина управляющій и смѣнилъ бурмистра. На мѣсто смѣненнаго управляющій назначилъ въ Егорьевскомъ бурмистромъ Парамона Иваныча.

— Этотъ мужикъ богатый. Онъ станетъ блюсти интересы своего господина, сказалъ управляющій.—А въ случаѣ чего,— съ Парамона и взыскивать есть что.

И вотъ къ концу-то седьмаго года какая большая перемѣна у насъ случилась: Парамонъ Иванычъ сдѣлался превыше всѣхъ и столь возвеличился, что до него самому высочайшему человѣку невозможно было рукою достать; а Максимъ....

— Заѣстъ, заѣстъ теперь Максима бурмистръ! говорило все село.—Не дастъ онъ ему теперь никакого вздыха....

— Да, теперь Максиму приходится одно: ложись и умирай!

А самъ Максимъ, вздергивая головою и шевеля плечами, нисколько не унывалъ и говорилъ:

— Еще тамъ увидимъ.... Новый бурмистръ.... Парамонъ Иванычъ.... Знаемъ мы вашу милость.... Поборемся, пока еще руки есть да голова цѣла на плечахъ,—постоимъ за себя.... Вотъ только за кого мнѣ страшно: Гришутку онъ моего сомнетъ... Хорошо, но еще больно деревцо-то это у меня молодо: не устоитъ.... Вотъ за кого у меня сердце падаетъ.... Ну, да еще тамъ увидимъ. Посмотримъ!... Пословица говоритъ: «Богъ не выдастъ,—свинья не съѣстъ»....

— Припади, припади скорѣе къ ногамъ Парамона Иваныча! совѣтовалъ Максиму Гаврилычъ.—Принеси ему повинную: прости, молъ, благодѣтель, по глупости, съ молоду, тебѣ супротивничалъ.... Максимушка, послушайся ты меня: Гаврилычъ никому злыхъ совѣтовъ не подастъ.... Припади скорѣй къ ногамъ Парамона!... Ей-Богу,—по душѣ тебѣ говорю,—проститъ онъ тебя!...

VI.

Никто не замѣтилъ, какъ въ эти семь лѣтъ поднялся Гришка. И какъ это такъ случилось, что вотъ былъ все мальчишка, ничего себѣ незначущій, такъ полоумный какой-то, и вдругъ—смотри-ка!—настоящій парень сталъ, да какой парень: не было изо всего села красивѣе молодца, какъ Григорій, а что насчетъ роста и силы, то у насъ и не привидывали, чтобы гдѣ еще въ восемнадцать годовъ этакой богатырь водился! Чудеса! И съ чего все, подумаешь, взялось у

Гришки? Съ измалыхъ лѣтъ привыкли его видѣть за работою, никогда онъ не зналъ, что за отдыхъ такой сладкій бываетъ у добрыхъ людей и изо всѣхъ силъ, вмѣстѣ съ отцомъ, выбивался изъ нужды и каждый грошъ, каждый кусокъ хлѣба бралъ себѣ съ боя. Годъ за годомъ проходили въ тяжелой работѣ, непрестанной колотнѣ съ бѣдностью и однѣхъ заботахъ.... А нужда съ заботою — кто изъ насъ этого не знаетъ?—не въ примѣръ хуже, чѣмъ всякая работа пригнѣтаетъ да сушитъ человѣка. А Гришка, ни на что не глядя, все росъ и поднимался, могутнѣе становились его плечи, шире грудь, густѣе и ярче выступалъ здоровый румянецъ на его свѣжихъ щекахъ и какъ-то смѣлѣе, веселѣе глядѣлъ взоръ его ласковыхъ глазъ...

Вотъ что значитъ молодость-то! Какъ тамъ судьба-злодѣйка ни тѣшилась бы надъ человѣкомъ, какъ ни издѣвалась надъ его безталанностью и какими звучными подзатыльниками ни награждала,—молодости все ни почемъ!—она и въ усъ себѣ не дуетъ, знай идетъ впередъ и, точно бы дикой конь на всемъ привольѣ необозримыхъ зеленыхъ степей, весело вскидываетъ головой, да все больше набирается силами. Эхъ, золотое времячко!...

— Полегче, Гришуха, полегче! шумитъ, бывало, Максимъ глядючи на сына, какъ тотъ примется бороздить сохою полосу, взрывая на полъаршина въ глубь землю. — Экъ, экъ онъ ее, матушку, взодралъ-то какъ! Н-ну, бороздка!...

А Григорій, поналегши грудью на соху, знай себѣ изо всей мочи напираетъ да лишь изрѣдка покрикиваетъ на лошаденку, которая у него такъ-то ли бодро и легко выступаетъ, какъ словно какая заѣзжая барыня съ Москвы; потъ ручьями сбѣгаетъ по щекамъ молодаго пахаря и частыми, крупными слезами падаетъ на только что взрытую и, потому, мрачно чернѣющуюся кормилицу землю.

— Дотягивай, буланушка, дотягивай, родимый! одобряетъ лошаденку Григорій. — Не много ужь намъ съ тобою осталось нонѣ поработать.... Ну, веселый!... И-ихъ ты, конь мой добрый!

Слушая эту рѣчь и, по своему, глубоко цѣня хозяйскую ласку, добрый конь высоко поднимаетъ свой хвостъ и начинаетъ имъ какъ-то необыкновенно благодарно помахивать: много-де я доволенъ тобою, хозяинъ, и ты ужь на меня за это крѣпко надѣйся—заслужу вотъ какъ!

— Животина-то, вишь ты, што она знаетъ! смѣется Максимъ.—Значитъ,— чувствуетъ.

Съ сосѣднихъ полосъ глядятъ и переговариваются.

— Вѣдь эдакіе они у насъ отецъ-то съ сыномъ, лѣшіе, прости Господи! Мало на нихъ всякихъ бѣдъ, ни што ихъ не беретъ: имъ и горюшка ни до чего нѣтъ!

— Да, Максиму за всяко время должно бы плакаться на свою судьбу, а нетокма што бы о весельи думать, а онъ все грохочетъ.... Кажись, можно бы понимать, худо ли, хорошо ли обстроился съ Божьей помощью, избенку себѣ новую поставилъ и скотинкою, какой ни на есть, пообзавелся.... Ну и надо бы ему жить со смиренствомъ да въ уничиженіи передъ всѣми добрыми людьми: оно, можо, Богъ-то бы и лучше тогда....

— А то нѣшь не лучше? откуда-то, чуть не съ самаго конца поля, слышался сдержанный голосъ великаго разумника, Гаврилыча.—Сколько разъ я ему говаривалъ: смирись, Максимъ! ой, загубишь свою душу!... Сперва, быдто, возьметъ это себѣ въ разумъ: спасибо, скажетъ, я въ вѣкъ не забуду твоихъ умныхъ словъ, ты одинъ всегда только меня на добро да на хорошее и наставляешь.... Слава тебѣ, Господи! вотъ думаю это и радуюсь всею душею за человѣка: мужикъ на истинный путь находитъ. Глядь, а онъ опять либо съ Па-

рамономъ, либо съ кѣмъ другимъ грызется!... Ну, вотъ и жалѣй его, учи!

Благо Гаврилычу, что его умныхъ рѣчей никогда Максимъ не слыхалъ! Но что съ того времени, какъ сталъ подростать Гришутка, Максимъ потерялъ всякую чувствительность къ разнымъ невзгодамъ—это истинная правда. Что бы тамъ надъ его головою ни стряслось, онъ всегда одно говорилъ:

— Ничего, не первая бѣда на голову! Тоже, благодаря Создателя, видали этого добра, не мало всякой дряни на своемъ вѣку вынесъ ... Одинъ справлялся, а теперь, съ Гришухой-то, вдвоемъ, да не совладать? Богъ милостивъ, какъ-нибудь да откозокаемся!... Справимся!...

И они дѣйствительно начинали справляться. Передъ тѣмъ какъ Парамону засѣсть въ бурмистры, по двѣ зимы сряду они пускались въ извозъ и къ веснѣ были съ денженками и сѣменами; по два года у насъ былъ урожай, и Максимъ лишній хлѣбъ въ городѣ по хорошей цѣнѣ продалъ. Послѣ пожара выстроилъ онъ новую избу, да какую знатную избу! двѣ осени возили лѣсъ и только къ веснѣ втораго года отдѣлались начисто: плотникамъ, впрочемъ, не особенно много дѣла тутъ было, они срубъ одинъ срубили, а то все сами хозяева додѣлывали: и бревна накатили, и всю избу взомшили, и печь склали. Нельзя сказать, чтобы самые хоромы ужъ очень высоки и обширны были, нѣтъ; новая изба Максима всего тремя окошками глядѣла на улицу, да двумя на восполье. Зато ни у кого не глядѣла эта изба такъ нарядно, какъ у Максима: что за хитрая рѣзьба украшала окошко, — просто заглядѣнье! И какъ прекрасно разрисованы ставни: по свѣтло-голубому полю были написаны цвѣты—да вѣдь что за цвѣты!—настоящіе живые! Вся эта искустная работа была работою рукъ одного Григорья. Но что больше хитрой рѣзьбы и живописныхъ ставней занимало любопытство сельскихъ людей, такъ это—огненнаго цвѣта пѣтухъ, котораго Григорій

посадилъ на самомъ конѣ своей новой избы, и пѣтухъ этотъ, съ непостижимою тайною для сельскихъ умовъ, могъ вѣрно показывать, откуда когда вѣтеръ дуетъ!

— Замысловатъ малый, замысловатъ! говорили въ селѣ, глядя какъ на Максимовой избѣ чудная эта птица во всѣ стороны повертывалась.—Вотъ ты и поди, толкуй што знаешь про Гришутку, а онъ какія дѣла мастеритъ!

— Да они, порченные-то, на все большіе выдумщики!

Самъ Максимъ, разсказывали, поставивши новую избу, поглядѣлъ вокругъ себя такъ весело и потомъ съ улыбкою сказалъ сыну:

— Теперь надо женить тебя, Гриша. Назади у насъ горница свѣтлая, просторно,—есть куда молодайку привести! А? Хочешь,—женю?

— Не хочу, отвѣчалъ сынъ.

— Не хочешь?! Какъ? А къ дѣвкамъ ластиться—твое дѣло? шутилъ Максимъ.—Нѣтъ, парень, подожди, дай только лѣту пройти, а тамъ я тебя, по осени-то, безпремѣнно обкручу!.. Што тебѣ попусту баловаться...

— Ахъ, што ты говоришь! всплеснулась жена, стоявшая у печки и до сего времени не сводившая умиленныхъ глазъ то съ бѣлыхъ и свѣтящихся стѣнъ, то съ чистаго потолка.—При дѣтищѣ и што онъ городитъ!..

— Хорошо дѣтища! подхватилъ Максимъ, раскатываясь на всю свою новую избу такимъ громкимъ и отъ самаго сердца выходящимъ смѣхомъ, что въ свѣтлой избѣ стало вдругъ еще привѣтливѣе, еще свѣтлѣе и радостнѣе.—Малый отца головой переросъ, а она—дѣтища!.. Ахъ ты, Маланья, Маланья Сидоровна!.. Парню баба нужна, а она—дѣтища!

Тутъ и сама Маланья Сидоровна засмѣялась, — давно она такъ не смѣялась, какъ замужъ вышла, — но тихо такъ засмѣялась, словно боясь, что своимъ неумѣстнымъ смѣхомъ она спугнетъ общую радость семьи и та,

на мигъ освѣтившая ихъ своими радужными лучами, покинетъ новую избу и улетитъ далеко, за тридевять земель...

Если и теперь у насъ дѣвки съ парнями любятъ повеселиться, то прежде, разсказываютъ, въ десять разъ больше молодежь веселилась. Какъ только, бывало, зазеленѣются наши родныя поля и станутъ убираться цвѣтами луга, такъ въ праздникъ молодые и повалятъ къ рѣкѣ и разсыплются по берегу. Игры, пѣсни и хороводы весь день ни на минуту не прерываются: по домамъ тогда ужь развѣ съ луга расходятся, когда ночь настанетъ и на всемъ темномъ небѣ зажгутся большія яркія звѣзды.

Никогда у насъ не видывали на этомъ лугу Григорья; а тутъ, въ Николинъ день, говорятъ, онъ вышелъ. Подошелъ онъ это къ хороводу и остановился позади; но его тотчасъ увидѣли: высокій ростъ и красивое лицо всѣмъ бросились въ глаза. Дѣвки первыя начали переглядываться между собою и перешептываться; ребята тоже замѣтили Григорья.

— Што жъ, ступай съ нами караводъ водить? позвала его одна дѣвка.

— А вотъ дай сперва послушать, отвѣтилъ Григорій.

Стоитъ онъ и слушаетъ; а самъ, какъ опять замѣтили дѣвки, точно съ мыслями или духомъ собирается. Пѣсня кончилась и хороводъ пріостановился; ребята переговариваются, какую новую пѣсню заводить. А Григорій стоялъ, стоялъ, да какъ вдругъ затянетъ:

«Что за травушка, за муравушка!»

Всѣ подняли головы, а дѣвки такъ и впились глазами въ Григорья: отъ роду никто изъ нихъ не слыхивалъ подобнаго голоса

«Она день ростетъ, ночь алѣется»...

пѣлъ Григорій и голосъ его все росъ и ближе подходилъ къ сердцу слушавшихъ. Стихнулъ весь лугъ, затаилъ дыханіе

и слушаетъ. Поетъ Григорій, грудь его высоко подымается, голубые глаза сіяютъ какимъ-то особеннымъ свѣтомъ и самъ онъ стоитъ передъ изумленнымъ лугомъ совершено инымъ человѣкомъ, какимъ его до сей поры видали. А пѣсня льется, шире и дальше разливаются звуки, и въ самую глубь человѣческой души они западаютъ.

«Не косцы траву косятъ—
«Косятъ добры молодцы;
«Не гребцы траву гребутъ—
«Гребутъ красны дѣвицы»,

гремитъ пѣсня. Но тутъ голосъ пѣвца неожиданно измѣнился и лицо его поблѣднѣло.

«Гребучи, онѣ призадумались,
Грабли бросили, горько плакали»...

Когда Григорій вывелъ это послѣднее, такъ, казалось, безконечно долго и такой невыразимою печалью разносившееся по всему лугу, «горько плакали», то нѣсколько времени ни кто опомниться не могъ...

Помню, помню и я эту чудную силу нашей родной пѣсни! Раздастся она, порою, въ тихій часъ ночи,—и не уснешь отъ цея, бывало, до самаго утра. Вотъ ужь она и замолкла, унеслась куда-то съ предутреннимъ вѣтеркомъ, а ты все еще не перестаешь слушать ее, все еще какъ будто звучитъ она, стонетъ и разливается горючими слезами...

Такъ и въ тотъ разъ: Григорій ужь кончилъ, а на лугу еще слушали, ждали чего-то.... А онъ — прямо въ середину хоровода да какъ заведетъ:

«Селезень по рѣченкѣ всплавливаетъ,
«Свои сизы крылышки встряхиваетъ;
«Молодецъ у дѣвицы спрашиваетъ:
«Скажи, скажи дѣвица, кто те милъ во роду»?

И на этотъ вопросъ выступила изъ круга самая, что ни есть въ селѣ, первая красавица и, вмѣсто того, чтобы отвѣ-

чать, какъ слѣдовало, по пѣснѣ, что ей милъ родной батюшка, такъ-то ли, поднявши на парня глаза, задушевно ему пропѣла въ отвѣтъ:

«Мнѣ милъ-милешенекъ ты, молодецъ»!

А хороводъ, объятый какой-то веселой удалью и снова тронувшійся на мѣстѣ, не замѣтилъ ошибки и громко одобрилъ такой отвѣтъ дѣвицы:

«Вотъ ты правду, дѣвка, баешь,
«Вотъ ты рѣчи говоришь»!

— Братцы, да вѣдь мы не такъ поемъ! спохватился одинъ парень, когда ужь пѣсня кончилась. — Гдѣ же пѣсня-то? Это конецъ!

— И то: пѣсня вся!... Какже это такъ вышло?

— Вотъ оказія-то!

Громко засмѣялся хороводъ.

А красавица, что обмолвилась словомъ и по чьей винѣ пропустили всю пѣсню, стояла теперь посерединѣ круга, опустивши низко голову и стараясь скрыть яркій румянецъ, покрывшій ея щеки. Григорій только взглянулъ на нее—и опять залился...

Расходясь по домамъ, ребята говорили:

— Удивленье, што нонѣ съ Григорьемъ сдѣлалось! Завсе онъ отъ всѣхъ прятался, а сегодня—нако!—вышелъ и какъ расходился? Уму не постижимо!

— Да видно, какъ большаки-то у насъ разсказываютъ, порча эта не совсѣмъ изъ него вышла. Запримѣтили, какъ онъ молчалъ, молчалъ, да вдругъ— «травушку»? Но поетъ лихо, дьяволъ!

— Да ужъ поетъ, вмѣшивались въ разговоръ дѣвки:—не вамъ чета!

— Вотъ парень-то, такъ парень! Уродится же на свѣтѣ эдакій пригожій да привѣтливый молодецъ!

— А мы нѣшь чѣмъ хуже Гришки?

— Вы-то? Да ужъ далеко ему не родня!

— Дуры!

— Вы больно умны!

А красавица Груняша, вернувшись съ хоровода, долго сидѣла у окошка и не спала до третьихъ пѣтуховъ. Это видѣлъ собственными своими глазами Гаврилычъ, а ему, извѣстно, какъ не повѣрить—человѣкъ самый правдивый?

— Пропала дѣвка, говорилъ онъ потомъ, вздыхая: — теперича ей отъ Гришки не отстать, н-ни з-за-што! Приворожилъ къ себѣ дѣвку, околдовалъ....

Въ ту же самую ночь доносился откуда-то голосъ Григорья:

«Ты зоря моя, зорюшка вечерняя!

«Высоко ли ты взошла, звѣзда полуночная»?

VII.

Это было вешнимъ Николою, и не далѣе, какъ спустя недѣлю, пріѣхалъ въ село управляющій и посадилъ въ бурмистры Парамона Иванова....

Засѣлъ Парамонъ на почетный стулъ бурмистра. Какую важность онъ на себя напустилъ! И раньше Парамонъ высоко заносился, а тутъ никто ужь къ нему и не подступись, точно онъ стѣной каменной себя отъ всѣхъ на пять верстъ обнесъ. Прежде хоть говорилъ съ своимъ братомъ-мужикомъ, а теперь и слово молвить за низость большую для себя почиталъ: больше молчаньемъ да взглядомъ старался къ себѣ уваженіе и страхъ внушить. Даже походка у новаго бурмистра стала другая: выдетъ изъ воротъ своего дома, заложивши руки назадъ, бороду вздернетъ къ небу и такъ, не торопясь, грудью выступаетъ по сельской улицѣ и ни на кого вниманія не обращаетъ. Говорятъ, бурмистръ тогда очень на журавля походилъ, только легкости журавлиной у него въ поступи не

хватало. А когда приходилось ему съ міромъ говорить,— тутъ ужь никакъ нельзя было не говорить,—то у мужиковъ отъ его рѣчей затмѣніе какое-то въ головахъ дѣлалось: ничего они не понимаютъ. Только и слышатъ: «я.... какъ значитъ.... въ лицѣ господина, какъ все равно, чтобы самъ помѣщикъ для васъ.... я....» Чтобы поскорѣе эту надсадку и томленье для себя прекратить, мужики однимъ только и спасались: крикнутъ «согласны!» и совсѣмъ одурѣлыми разбредутся по селу съ мірской сходки.

Первымъ дѣломъ, благослови Господи, новый бурмистръ полтягла оброка на Максима прибавилъ.

— Мнѣ, сказалъ Парамонъ при цѣломъ сходѣ Максиму,— слѣдовало бы полное тягло наложить, такъ какъ, выходитъ, у тебя сынъ теперича работникъ и я, значитъ, имѣю на то всѣ права. Но чтобы добрые люди обо мнѣ дурно не говорили и ты самъ Господу на меня не жаловался,—дѣлаю тебѣ великое снисхожденіе: пускай на міру всѣ знаютъ, што Парамонъ Иванычъ хоша и взысканъ за свой умъ и богатство отъ помѣщика, въ высокій санъ произведенъ и въ силѣ теперича находится большой,—милосерденъ къ своимъ врагамъ и никому онъ не притѣснитель!... Ступай съ Богомъ, мужичекъ!

— Такъ, такъ, говорили на міру: — бурмистръ теперича сядетъ да и поѣдетъ на Максимѣ.... По дѣломъ ему: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся!

— Извѣстно! Што говорить!... Однако, какъ бурмистръ все это явственно да толково ему насчетъ оброка выложилъ. Разчудесно!...

Екнуло тутъ сердце у Максима.

— Эхъ, Гришутка! выговорилъ онъ, тряхнувши головою и въ первый разъ, можетъ, уныло направляясь къ своему новому дому.—Не надолго, видно, Господь намъ съ тобою счастьецо-то это послалъ!... Жисть!...

Но у себя дома, когда онъ вернулся, и вида никакого не подалъ, что бурмистръ его тяжко обидѣлъ.

— Зачѣмъ на сходъ тебя звали? спросилъ отца Григорій.

— Да такъ, за малымъ дѣломъ, отвѣчалъ шутливо Максимъ: — оброчку на насъ съ тобой набавили.

— Много?

— Полтяглышка.

Маланья Сидоровна, всегда любившая послушать разговоръ отца съ сыномъ, не преминула навострить ушко, и, какъ заслышала про прибавку оброка, ту же минуту пожелала освѣдомиться:

— А сколько, Иванычъ, съ полутягла будетъ рублевъ-то?

— Не твое это дѣло, баба, отвѣчалъ Максимъ: — для тебя все едино, рубль али десять?

— Одначе, все нелишне и мнѣ знать.

— Тридцать рублей, матушка, сказалъ Григорій.

— Ахъ, ахъ, ахъ! подняла Маланья Сидоровна. — Ахъ, угодники Христовы!... Да гдѣ вы эдакую махину достанете? Экой онъ кровопійца!.. Только было начали мало-мальски оправляться, а онъ, аспидъ, полтягла оброку наложилъ.... Да накажи за это его, лиходѣя, тотъ батюшка великій мученикъ, што съ багромъ сидитъ....

— Не мели пустаго, баба, осадилъ жену Максимъ. — Какого ты еще тамъ выдумала мученика съ багромъ?

— Какого!... Поди, самъ ты не знаешь?... А што на большой-то иконѣ написано, какъ взойдешь на церковную паперть: сидитъ онъ, угодникъ, одинъ въ уголышкѣ, въ правой ручкѣ у него багорокъ этотъ, а на колѣночкахъ малаго робятка держитъ ... Такой онъ изъ себя, мученикъ, гнѣвный да страшный!..

— Дура!... Развѣ это мученикъ?

— Ну, да, я ужь знаю, отъ тебя кромѣ ничего не услышишь, какъ дура! обидѣлась жена и побрела къ перегородкѣ.

—А я вотъ нарошно ужо схожу помолиться ему, преподобному, да свѣчку поставлю! заключила Маланья Сидоровна уже изъ-за перегородки.

Максимъ хотѣлъ было женѣ что-то растолковать, но сынъ его перебилъ.

— Оставь, батюшка! сказалъ Григорій. — Такъ полтягла, ты говоришь, бурмистръ наложилъ?... Ничего, Богъ дастъ, справимся! добавилъ онъ, немного помолчавъ, и съ какой-то молодой и никогда Максимомъ невиданною смѣлостью весело посмотрѣлъ въ лицо удивленному отцу.

— А то нѣшь не справимся! радостно отозвался Максимъ, поднятый чуть не къ самому потолку взглядомъ и рѣчью сына.—Н-нѣтъ, подожди, Парамонъ Иванычъ!... Не поддадимся! Поборемся! Не пойдемъ къ тебѣ въ ноги кланяться, н-н-ѣтъ!.. Ты бы давѣ послушалъ, Гриша, какъ новый бурмистръ передо мною свою важность показывалъ! Смѣхъ, головушка!.... Ну, да ужь и зло же меня разбирало слушать его, какъ онъ, подлая душа, про добродѣтели свои началъ вычитывать! Какъ я скрѣпился, и по сей часъ не знаю!

— А тебѣ бы, чай, сцѣпиться съ нимъ хотѣлось?

— А ты почемъ знаешь?... Угадалъ!... Да я еще съ нимъ поговорю, разсчеты свои мы съ нимъ подведемъ!.. Дай срокъ...

— Ну, ужь ты лучше за это дѣло не берись,—сдержи себя. Я самъ, можетъ, съ Парамономъ разочтусь...

Глядитъ Максимъ на сына. Что сталось съ Григорьемъ—отецъ и въ толкъ себѣ не можетъ взять. Откуда у него вдругъ эта удаль взялась? Гдѣ онъ смѣлости такой набрался?... Не находитъ въ своей головѣ отвѣта Максимъ.

Недѣлю Григорій работаетъ, все у него въ рукахъ кипитъ и всякое дѣло спорится; а какъ наступитъ воскресенье, онъ и закатится на цѣлый день, водитъ на лугу хороводы, гуляетъ и развѣ къ полуночи домой вернется. А на другой день утромъ гдѣ проснется, всѣхъ раньше,—и опять за дѣло.

Спокойный, веселый, работаетъ онъ долгіе лѣтніе дни и не знаетъ себѣ никакой устали.

— Што съ нимъ сдѣлалось? недоумѣваетъ отецъ. —Узнать нельзя парня!... Дай-то Богъ, кабы онъ завсе такъ! А то, съ его прежней кротостью да безотвѣтностью,—бѣда, ни за грошъ малый пропадетъ!... Надо вольный духъ имѣть, и будешь молодецъ! разсуждалъ вслухъ съ собою Максимъ. — А безъ вольнаго духа не проживешь на свѣтѣ... Невозможно! Измучатъ тебя, заживо источатъ.... Тутъ либо запьетъ человѣкъ, либо петлю на себя накинетъ.... Безпремѣнно!...

Чьи-то тяжелые вздохи прервали разсужденія Максима. Онъ повернулъ голову и увидѣлъ передъ собою жену.

— Што ты?

— А я вотъ тебя все слушаю, отвѣчала Маланья Сидоровна.—Ты это насчетъ дѣтища?... Глядѣть, Иванычъ, на него, голубчика бѣлаго, не опять ли это стало находить...

— А ну, тебя! махнулъ рукою Максимъ.

— Матушка! заговорила только-что вошедшая въ избу дочь, которой тогда было годовъ пятнадцать. — Што я тебѣ скажу!

— Што, Паранюшка, што ты скажешь, касатушка?

— А вотъ што, отвѣчала дочь, уставивъ на мать свои смѣющіеся глаза:—больно на Григорья наши дѣвки зарются!

Паранька вдругъ прыснула.

— Чему ты, дитятко?

Но вмѣсто отвѣта Паранька совсѣмъ закатилась.

— Господи помилуй! закрестилась мать.—Даровье ли ужь это? Сотвори молитву, глупая!.. Што ты, неразумная, хохочешь?

— Да какже, удерживаясь отъ смѣху и закрываясь рукавомъ, черезъ силу выговорила Паранька: — больно, вѣдь, смѣшно!... Груняха-то, Петра Митрича дѣвка.... такъ.... къ нашему Гринькѣ и льнетъ, словно онъ приворожилъ ее къ себѣ..

— Не ужь въ правду говоришь ты, дитятко? Ахъ ты, мать пресвятая Богородица!...

— Всѣ запримѣтили... А Микитка-то, бурмистровъ сынъ, какъ зли-и-ится!... Онъ, вишь, прочитъ Груняху-то за себя, замужъ взять... Въ караводѣ Микитка наровитъ какъ бы все это къ ней подойти, а она отъ него, онъ къ ней, а она отъ него, да отъ него, да все къ нашему Гринькѣ, да все къ нему!... Смѣху, смѣху промежду парнями и дѣвками — страсть сколько!... А Микитка злится, зли-и-тся!...

— Не по себѣ Микитка забираетъ, не утерпѣлъ ввернуть Максимъ:—Аграфена — король-дѣвка! Куда-жь ему?... Гдѣ?... Одно слово—не по его рылу!

— Ахъ, да и нашему-то она, глядѣть, тоже будетъ не по рылу! со вздохомъ сказала жена. — Митричъ, эдакой богатей, нѣшь отдастъ свою дочку за нашего? Да онъ и не подумаетъ!

— А вотъ увидимъ!... Подождемъ... Посмотримъ ужо, какъ мы съ хлѣбушкомъ-то уберемся, за Парамонова ли сына, али за нашего Митричъ свою дочь отдастъ?... За Гришуху да не выдать,—такъ што же онъ, Митричъ-то, безъ глазъ, не видитъ што ли ничего?... Да когда-жь это бывало, што-бы человѣкъ отъ счастья своего отказывался! Ужь это што-то очинно чудно!... Право!...

Хотя и куражилъ такимъ манеромъ себя на словахъ Максимъ, но въ душѣ-то своей врядъ-ли и самъ онъ полагалъ, чтобы Петръ Дмитріевъ обѣими руками ухватился за это счастіе: развѣ не прельстится отецъ почетнымъ родствомъ съ бурмистромъ да богатствами Парамона?..

Но что бы тамъ ни думали за дѣтей отцы съ матерями, что бы они впередъ ни загадывали, — все у молодости дѣлается по своему, и сердце дѣвки не спрашиваетъ совѣта у матери, кого надо да можно любить. Не спросилась и Груняша отца съ матерью, заслушавшись на лугу въ первый

разъ пѣсни Григорья, и отдалась своимъ молодымъ сердцемъ и душею парню, плѣнившись взглядомъ ласковымъ, да больше того рѣчами его хорошими.

Разсказывали, будто бы тихими лѣтними ночами, когда уже все село спало крѣпкимъ сномъ, въ темной чащѣ вишень и смородины, густо разросшихся въ саду Петра Дмитріева, порою раздавались жаркіе поцѣлуи и слышались чьи-то сдержанные, но тѣмъ не менѣе, за сердце хватавшіе голоса.

— Любушка, ты моя дорогая! Счастье ты мое!

— А я ужь и отчаялась, што урву нонѣ времячко съ тобою свидѣться... Насилу я, милый ты мой, дождалась, когда большіе въ домѣ улеглись: просто измаялась вся, дожидаючись этой минутыи.... Желанный ты мой, соколъ ненаглядный!...

И опять въ саду звучали поцѣлуи, молніей обжигавшіе спящіе кусты смородины и вишень, отъ чего просыпались на вѣтвяхъ листья и начинали испуганно трепетать. Вотъ эти-то, видно, измѣнники, и выдали ночную тайну, разсказавъ какъ-нибудь праздничнымъ утромъ селу про все, что они видѣли и слышали.

— Каковъ Гришка-то! Митричеву дочь къ себѣ приспособилъ... Вотъ ты и знай его!

— Порченый—да за какія дѣла принялся! Н-ну!...

— Да вѣрно ли это?... Такъ, може, по молодости, парснь съ дѣвкой играютъ, а што бы чего тамъ...

— Чего тамъ! Чай, неоднова видали, какъ онъ по ночамъ-то къ ней шастаетъ!

— Ужь и шастаетъ?

— Ну, да не вѣрь, пожалуй!.. Мнѣ што? А только все село про это знаетъ, кромѣ отца съ матерью—Аграфененныхъ...

Дѣйствительно, все село заговорило про любовь Григорья съ Аграфеною. Но въ конецъ убѣдились въ томъ все-таки не раньше того, какъ одна старушка—старенькая такая — раз-

сказала нашимъ сельскимъ молодицамъ про одно ночное чудо, свидѣтельницею котораго она была сама, старая.

— Сижу этто я, бабоньки, вечоръ на верхней приступочкѣ, такъ начинала разсказъ про это чудо божья старушка, сосѣдка одна Петра Дмитріева:—по ночамъ-то я, почитай, николи не сплю,—отъ старости што-ли—не знаю, только сна у меня нѣтъ, родныя мои, нѣту!.. А въ избѣ-то духота, мухи этто и блохи кусаютъ—моченьки моей нѣту на печи лежать, да и все тутъ! Всѣ бока изпроломило, да всее меня изъѣло... Смерть! Вотъ я выду на крылечко и сяду, и сижу на приступочкѣ, — оно какъ-то и легше на вольномъ-то воздухѣ. Н-ну, милыя вы мои, вотъ я этто вечоръ и сижу на крылечкѣ, да и гляжу въ самую темь—прямо къ саду-то Митрича. Гляжу, и николи этого со мной, родныя, не бывало—страхъ какой-то на меня тутъ сталъ находить. Перекрестилась. Страхъ пуще меня разымаетъ! Господи, помилуй меня грѣшницу! молюсь этто я и сижу все на приступочкѣ... Вдругъ, бабоньки, въ саду-то у Митрича какъ зашумитъ штò-то, зашум-митъ—вотъ, знай, словно бы лѣсъ въ непогоду!...

— Вотъ страсти-то!...

— Зашумитъ, милыя, да черезъ плетень перемахнетъ, ровно бы человѣкъ какой въ сапогахъ! продолжала разскащица.— Не успѣла этто я съ приступочка-то приподняться, што бы получше-то моими старыми глазами разглядѣть штò тамъ, какъ вдругъ, родныя вы мои, освѣтитъ весь прогонъ и дерева Митричева сада, какъ заколыхаетъ все небышко!... Не помню, какъ я это съ приступочка скатилась, только когда опомнилась,—лежу я на землѣ аршинъ на пять отъ крыльца—вонъ куда отбросило!

— Это нечистой-то силой тебя откинуло, баушка?

— Ничѣмъ милыя, ничѣмъ, какъ ею, окаянною!... Вотъ только, припомнивши все какъ было, я опосля-то и вспомнила, што когда освѣтило—у плетня ровно бы Гришка, Максимовъ

сынъ, стоялъ, а навѣрно сказать не умѣю...

— Да онъ это; онъ, баушка!...

— Такъ вотъ, бабоньки, на старости-то лѣтъ, што Господь мнѣ, грѣшницѣ, видѣть привелъ!

— Да, изнадсѣдалась, чай, ты, баушка?.. Какъ Богъ спасъ— не умерла ты отъ ужастей этихъ на мѣстѣ!...

— Ну-ну, дѣла у насъ нонѣ въ селѣ завелись! говорили по селу.—Д-дѣла!...

VIII.

Минула страдная пора, и незамѣтно какъ-то опустѣло наше поле, такъ недавно еще кипѣвшее работою и съ утра до поздняго вечера оглашавшееся и разнообразнымъ говоромъ человѣческой рѣчи, и скрипомъ тяжело наваленной снопами телѣги, отъѣзжавшей къ овину, и этими такъ часто и съ необыкновенной отчетливостью слышавшимися ударами цѣповъ, колотившихъ на сосѣднемъ гумнѣ, и наконецъ тѣмъ лошадинымъ топотомъ, покрываемымъ веселыми ребячьими криками, и гулкимъ стукомъ во весь опоръ несущейся изъ села въ поле телѣги, набитой сверху ди низу сельскими малышами, съ загорѣлыми и смѣющимися лицами...

Безлюдное и глубоко-молчаливое, оно исполнилось теперь какой-то грусти и тости безысходной: жалѣло ли поле о своей красѣ, высокихъ и могучихъ колосьяхъ, которые часто и весело любили о чемъ-то шептаться съ лѣтнимъ вѣтеркомъ и надъ которыми звѣнѣли пѣсни жаворонковъ, или хорошо знакомое съ мірской неправдою и злобою, оно всею своей широкою грудью сокрушалось теперь о тѣхъ добрыхъ и бѣдныхъ людяхъ, на безталанныя головы которыхъ не видимо, вмѣстѣ съ темными осенними тучами, надвигались новыя

бѣды и горе? Трудно человѣку разгадать тайну этой великой печали, которою одѣвается сжатое осенью поле!...

Передъ самымъ Покровомъ, въ избу Петра Дмитріева, нежданно-негаданно для самаго хозяина, ввалился одинъ гость и, помолясь на иконы и отдавъ хозяину поклонъ, повелъ съ нимъ такую рѣчь.

— Я къ тебѣ, Петръ Митричъ, съ большимъ поклономъ... Дѣло одно у меня до тебя есть...

Гость пріостановился и отеръ рукавомъ потъ, проступившій у него на лбу; а хозяинъ, не мало удивясь началу гостевой рѣчи, посмотрѣлъ этакъ изъ подлобья и, неособенно громко крякнувши, спросилъ гостя:

— Какое-такое будетъ твое дѣло Иванычъ?

— Дѣло мое, Петръ Митричъ, будетъ до тебя самое што ни есть кровное, отвѣчалъ гость и опять вытерся.—Вотъ мы съ тобою изжили на бѣломъ свѣтѣ безмала, а то и всѣ, сорокъ годовъ, и знать эту ведемъ съ коихъ поръ—когда еще оба по улицамъ безъ штанишекъ бѣгали? Знакомство наше, выходитъ, старинное и знаемъ мы одинъ другаго, что называется, вдоль и поперегъ... Такъ я говорю, Петръ Митричъ?

— Кажись, такъ, отвѣчалъ хозяинъ, не спуская съ гостя удивленныхъ глазъ и перебирая у себя въ бородѣ.—Ну?

— Ну, скажи ты мнѣ, скажи по всей истинной правдѣ, какъ передъ самимъ Господомъ, што ты про меня теперь знаешь? продолжалъ уже смѣлѣе гость, очевидно поощренный добрымъ хозяйскимъ словомъ.— Видѣлъ ли ты у насъ въ селѣ хошь одного мужика, которому бы еще столько, сколько Максиму, клала по загривку судьба? Кого она еще такъ жучила, какъ не опять того же самаго Максима? Былъ ли бѣднѣе на свѣтѣ человѣкъ Максима?.... Такъ я говорю, али нѣтъ?

— Справедливо, промолвилъ Петръ Дмитріевъ:—про бѣдноту твою мы очинно извѣстны. Однако, за послѣдне время, ровно бы ты изъ нужды своей малость повыбился?..

— Подожди, объ этомъ еще у насъ рѣчь будетъ!... Такъ вотъ, растабарывать намъ съ тобою по пусту нечего, ты знаешь про мою жизнь... Слава Богу, довольно!.. Што жъ, запился Максимъ? пустился онъ на дурныя дѣла, чтобы разомъ богачемъ сдѣлаться и отшибить бѣдноту эту? просилъ у кого помочи и кланялся богачамъ?.... Скажи, лгу я?

— Нѣтъ, мы за тобой николи и никакихъ художествъ не знавали.... Да ты къ чему все это ведешь, Иванычъ?

— Обожди, не торопись! По правдѣ жили, Петръ Митричъ! больше и больше расходился Максимъ.—Вотъ теперь у меня сынъ,—и онъ станетъ жить правдою да по истинѣ. Правда-то она, матушка, выше солнышка, Петръ Митричъ! И вотъ, буду я тебѣ прямо говорить, Богъ и про меня вспомнилъ: изба у меня теперь новая, дворъ хорошій, скотинка есть и хлѣбушка вдоволь...

— Ну, ты и должонъ чувствовать, благодарить Всевышняго...

— Ну, а какъ я справился? Кто у меня были помощники? наступалъ Максимъ на хозяина.— Нѣшь одинъ я поставилъ бы эдакую избу? завелъ такое хозяйство? платилъ исправно полтора тягла оброку?... Все Гриша, сынъ мой, помогъ мнѣ устроиться да отцу вздохнуть далъ послабоднѣй!... Слышишь? Вотъ кто всему рачитель-то, старальщикъ-- сынъ, Григорій!...

Максимъ остановился, перевелъ духъ и опять вытеръ себѣ лицо.

—Петръ Митричъ!... Отдай ты за мово парня старшую свою дочку, Аграфену...

Петръ Дитріевъ, какъ послѣ самъ онъ разсказывалъ, даже обалдѣлъ на минуту: сидитъ онъ, безсловесный, и только глазами поводитъ да моргаетъ. А сватъ:

— Петръ Митричъ! во всю мою жисть я никому не кланялся и не поклонюсь, а тебѣ, видишь, кланяюсь я большимъ поклономъ? Выдай дочку за Григорья!...

Низко-на-низко поклонился Максимъ богатому мужику.

— Спасибо на чести, заговорилъ Петръ Дмитріевъ.—Про парня твоево я, точно, худаго ничего не скажу,—парень онъ у тебя работящій, небалованный; но только Аграфену свою я за него пока погожу выдавать, потому какъ она у меня еще и въ дѣвкахъ не засидѣлась, дома отцу съ матерью не надоѣла.....

— Да вѣдь и Гришуха мой не перестарокъ какой, не хуже настоящаго свата или свахи велъ свое дѣло Максимъ:—оба они молоды. Што жъ, а пока молоды, такъ и повѣнчаемъ ихъ: небольшимъ пиркомъ да и за свадебку! Право! Такъ штоли, Петръ Митричъ? хлопалъ по плечу хозяина сватъ.— Ты ужо погляди, какая парочка-то будетъ! Станемъ мы съ тобою на нихъ глядѣть да только радоваться!...

— Оно, може, и такъ, но все же надо повременить... Погоди, я не отказываю тебѣ наотрѣзъ, можетъ и надумаю отдать, а теперича—нѣтъ никакого моего намѣренія свадьбу затѣвать... Спасибо тебѣ, Максимъ Иванычъ, на чести! Кланяйся отъ меня твоему сыну.

Петръ Дмитріевъ, видимо, былъ мужикъ очень политичный: хотя жениху онъ и подалъ карету, но подалъ такъ благородно, что свату и обругать его за это прямо въ глаза не возможно было. Но когда Максимъ нахлобучилъ себѣ на голову шапку, хвативши по ней раза два кулакомъ, и Господь благополучно вынесъ его изъ богатой избы за ворота, то неприминулъ тотчасъ же выбросить на вѣтеръ пару-двѣ сердитыхъ словъ—это слышали проходившіе о ту пору по улицѣ бабы.

— Вотъ тебѣ и сватъ!... Усваталъ за сына невѣсту. Молодецъ!... А вѣдь прѣлъ-то, прѣлъ сколько! Чего одну эдакую баню стоило тебѣ вытерпѣть?.. Дуракъ!... Нѣшь они, брюханы-то эти што понимаютъ, нѣшь человѣкъ имъ дорогъ?.. Сатана да будь только богатъ,—вотъ ихъ и зять любезный

и человѣкъ первостатейный! Міроѣды!... Кабы въ нихъ душа была да Богъ.... Кланялся!... Эхъ, не такъ бы еще я Митричу поклонился, ежели бы онъ дочь-то за Гришу мово выдалъ!...

А Дмитричъ, выпроводивъ свата, вотъ что послѣ разсказывалъ за обѣдомъ своимъ домашнимъ.

— Былъ у меня сегодня Максимъ. Вотъ мужикъ-то несуразный! За сына свово, полоумнаго-то, сватомъ приходилъ: Груняху, вишь, не отдамъ ли я за него? Насмѣшилъ!

Аграфена чуть ложку изъ рукъ не выронила и потупилась.

— Какой же ты отвѣтъ ему далъ? полюбопытствовала жена.

— Да сперва-то я понять его не могъ, туману какого-то напустилъ; ну, а когда узналъ въ чемъ дѣло, хотѣлъ было, гостя дорогова турнуть, какъ слѣдуетъ, да пожалѣлъ: Богъ, молъ, съ нимъ, што его трогать, онъ и такъ завсегда отъ Господа обиженъ. Подумалъ такъ, да милостиво, эдакъ, и отказалъ сватушкѣ. Ну, и пошелъ ко дворамъ, какъ не солоно хлебалъ! А бѣдовый мужикъ, смѣлъ и нахрапистъ! Не въ него ли ужь и женишекъ-то нареченный?...

— Видишь, куда заѣхалъ....

— Да оно ничего, бесчестья отъ ихъ сватовства не будетъ: плохой женихъ хорошему путь кажетъ.

Бѣлѣе перваго снѣга вышла изъ-за стола Аграфена и вышла изъ избы....

Петръ Дмитріевъ не ошибся: скоро къ его дому нашелъ путь и хорошій женихъ. Этотъ женихъ былъ ни кто другой, какъ Никита Парамонычъ, сынокъ бурмистра.

Еще съ самой весны приставалъ Никита къ своему отцу, что бы тотъ женилъ его,—собственно говоря, на счетъ женитьбы-то онъ съ родителемъ еще гораздо раньше заговаривалъ, но съ весны отъ него ужь никакого отбою не было: жени да жени меня, тятенька! Сперва Парамонъ не прочь былъ женить сына, но потомъ, сдѣлавшись самъ бурмистромъ,

онъ во всемъ селѣ не находилъ по себѣ человѣка, котораго бы считалъ достойнымъ чести съ собою породниться.

— Женить! говорилъ онъ сыну и домочадцамъ. — Долго разѣ мнѣ женить? Да какъ я женю, гдѣ я, по своему богатству и почестямъ большимъ, для тебя невѣсту могу сыскать? Ну, положимъ, сыщемъ невѣсту, но родство я для себя почетное могу сыскать? Есть супротивъ меня кто другой въ селѣ?.. Да не то штò въ селѣ,—въ губерніи подобнаго мнѣ нѣтъ человѣка. Какъ же я могу тебя женить? на комъ?.. Допрежде,— я взялъ бы за тебя Петра Митрева дочь; но теперича для меня даже оченно какъ низко такое родство, хоша Петръ мужикъ и съ достатками....

Такъ сказывали, что бурмистръ въ мечтахъ имѣлъ за своего сына городскую взять, купеческаго званія и чуть ли не самого градскаго головы дочку. Но этимъ его мечтамъ не суждено было осуществиться. Прибѣжалъ къ нему его сынокъ любезный и говоритъ:

— Тятенька! Груняху-то усватали....

— За кого?

— Максимъ за свово Гришку!... Срамъ моей головушкѣ: робята совсѣмъ ужь меня засмѣютъ, хошь на улицу къ нимъ не показывайся!...

— Какъ?.. Максимъ?!.. Такъ не бывать же эвтой свадьбѣ! зарычалъ Парамонъ:—сичасъ засылаю сватовъ, и Аграфена наша!.. Ахъ, негодный мужиченка, што онъ со мной дѣлаетъ? Черезъ него съ сынишкой я отъ какого родства теперича долженъ отказаться!... Ну, это я имъ не спущу, будутъ они меня помнить... Всѣ жилы я изъ нихъ повытяну!...

Въ тотъ же день въ Егорьевскомъ всѣ узнали, что бурмистръ съ Петромъ Дмитріевымъ по рукамъ ударили. Ахнуло село и запѣло на разные лады.

— Да какже это случилось? Неужь-то бурмистръ-отъ такъ таки ничего и не вѣдаетъ?...

— Вѣдь это што же?... Курамъ смѣхъ! Гришка по ночамъ къ ней шасталъ, шасталъ, а бурмистръ за сынка надумалъ взять!

— Нѣтъ, каково, чай, дѣвкѣ-то? Што у нея на сердцѣ-то?.

— Што дѣвка! Сегодня поплачетъ, а заутра и позабыла все горе, опять стала веселехонька. А вотъ Гришка, надо глядѣть, безпремѣнно взбѣсится!

— А ему што? Онъ братъ свои дѣла-то почище насъ съ тобой обдѣлалъ!...

Много говорили—всего и не перескажешь....

Пошли у Дмитрича пиры горой. Женихъ то и дѣло, что все къ невѣстѣ ходитъ, да гостинцы ей носитъ. По вечерамъ у нихъ пѣсни, игры, веселье такъ и разливаются по ярко освѣщенной избѣ; цѣлый вечеръ народъ не покидаетъ улицы и не отходитъ отъ невѣстиной избы, висня на подоконникахъ и стараясь какъ можно лучше разсмотрѣть не одного жениха съ невѣстою, но и всѣхъ дѣвокъ съ парнями.

— А невѣста, милыя, невесела, тихо переговаривались у свѣтлыхъ оконъ. — Глядитъ такой пасмурной и не усмѣхнется....

— Да, ровно она убитая сидитъ!

— За то Микитка веселъ! Такъ - вишь ты!—и ходитъ ходуномъ... Экой дуракъ-пострѣлъ!

Разъ, будто бы, замѣтили тутъ и Григорья. Народу въ тотъ разъ, по обыкновенію, толпилось подъ окошками видимо-невидимо, и никто не примѣчалъ его, какъ вдругъ, смотрятъ,—точно бы вотъ онъ сейчасъ изъ земли выросъ,—стоитъ Григорій немного поодаль отъ избы и оконный свѣтъ прямо ему въ лицо. Отшатнулись даже всѣ, кто тогда вблизи стоялъ, увидѣвши этого богатыря съ его страшной тоской на молодомъ лицѣ и нѣмымъ отчаяніемъ въ глазахъ, неподвижно устремленныхъ сквозь окно внутрь свѣтлой и шумно веселящейся избы! Вотъ того и жди, что кинется онъ на эту

избу, раскидаетъ ее всю по бревну и въ конецъ разнесетъ ненавистное ему чужое счастіе.... Но онъ тихо стоялъ на одномъ мѣстѣ и только не спускалъ глазъ съ окна.

— Матерь Божія, какъ онъ глядитъ! проносился тихій шепотъ между дѣвками, тѣснившимися въ простѣнкахъ.—Ровно у него, сердечнаго, душа съ тѣломъ разстается....

— Это онъ на Груняшу.... Вонъ и та глядитъ, должно тоже увидала его!...

А когда женихъ и гости всѣ по домамъ разошлись и погасли огни въ Петровой избѣ, то вотъ что̀ среди глубокой тьмы осенней ночи увидѣли нѣкоторые любопытные глаза, никогда не дремлющіе, вѣчно зоркіе и видящіе то, что̀ таится въ самой душѣ человѣка и чего не видятъ многіе другіе глаза.

На задахъ Петрова двора поджидалъ чужую невѣсту Григорій. Долго онъ ждалъ. Наконецъ, заслышалъ Григорій въ саду частые и поспѣшные шаги, какъ-то звонко раздавшіеся по голой мерзлой землѣ и прямо идущіе на него; у разломаннаго плетня мелькнуло бѣлое лицо и такія же бѣлыя руки, безъ словъ и рыданій, повисли и замерли на шеѣ парня. Крѣпко сжалъ онъ дорогую свою любушку и долго, долго не выпускалъ изъ своихъ могучихъ объятій убитой скорбью дѣвушки. Кругомъ была мертвая тишина, и только судорожное трепетаніе одной груди и тяжелые, съ самаго дна сердца поднимавшіеся, вздохи другой время отъ времени слышались въ этотъ глухой часъ темной ночи.

— Ахъ, што они со мной дѣлаютъ! какимъ-то вдругъ стономъ вырвалось и пронеслось въ ночной тишинѣ.—Силой, неволей велятъ за него идти.... Куда мнѣ только дѣться съ печали моей великой, тосковала и убивалась одна грудь.—Гриша, сердце ты мое, измучилась я за эти дни, изстрадалась вся, думаючи про тебя, да про любовь нашу безсчастную!... Какъ мнѣ вѣкъ-отъ мой будетъ жить за мужемъ съ постылымъ!... Вздумаю лишь я про это,—страхъ на меня сичасъ какой-то

найдетъ, ужасъ всею мной обыметъ и вся я тогда дрожу, точно бы вотъ передъ глазами я самоё мою смерть увидѣла.... Гришенька, да убей ты меня лучше, чѣмъ мнѣ маяться всю жизнь за бурмистровымъ сыномъ!

— Грунюшка, не говори ты мнѣ этого, не говори, моя горленка! будилъ ночную тишину другой страшный голосъ.

— А то, ежели у тебя руки не подымутся,—сдѣлай што ни то со мною! сказала она тихо и въ то же самое время голосомъ отчаянной рѣшимости, а черные глаза такъ и вонзились въ лицо Григорья.—Силой они меня берутъ и силой выдаютъ, на перекоръ моей волюшки они дѣлаютъ, такъ и я имъ всѣмъ на зло пойду.... Гриша, полюбовникъ ты, мой милый!..

— Груня!... Какую ты еще бѣду на свою голову вздумала накликать?!..

— Не хочу я мою дѣвичью честь даромъ загублять, не хочу! страстно ласкаясь къ Григорью и покрывая его жгучими поцѣлуями, почти кричала Груняша.—Не стоятъ они этого... Подемъ, молодецъ пригожій, подемъ со мной, ненаглядный!.. Размычемъ по чисту полю всю нашу печаль-кручину, чтобы крѣпче намъ обоимъ помнить было про эту любовь нашу прекрасную... Подемъ!...

Темны наши осеннія ночи, а людскія горя и того еще темнѣе. Зоря прогонитъ ночную темь, опять выглянетъ съ голубыхъ небесъ красное солнцо и вновь на землѣ засіяетъ Божій день; а людское горе никакой ужь свѣтъ не прогонитъ и оно, посреди сіяющаго дня, только еще чернѣй передъ людскими очами стоитъ. ..

Въ самый праздникъ Казанской была у насъ эта богатая свадьба. Съ самаго утра къ невѣстѣ собрались подруги, набилось въ избу парней, дѣвокъ, бабъ молодыхъ,—пройти негдѣ. Всѣ хотятъ взглянуть, какъ невѣсту станутъ къ вѣнцу снаряжать. Вотъ одѣли Груняшу въ дорогое цвѣтное платье, вывели

ее изъ свѣтлицы и посадили посередь избы на деревянный стулъ. Подошли тутъ къ ней подружки-голубушки и начали съ пѣснями расплетать косу невѣсты. Нарядная и красивая, сидѣла она въ кругу своихъ веселыхъ подругъ съ опущенными глазами и сдвинутыми темными бровями; черная коса, распущенная рукой близкой подруги, густыми и длинными прядями упала на ея высокую грудь и бѣлоснѣжныя плеча. Безмолвная и печальная, сидѣла невѣста въ кругу распѣвавшихъ подругъ и ни на кого не поднимала своего блѣднаго лица, которое теперь отъ разсыпавшихся черныхъ волосъ казалось еще блѣднѣе, и горькія слезы медленно катились по ея увядшимъ щекамъ. Расплели косу подруги и опять заплели; разубрали невѣсту подруги лентами алыми и пересадили ее на другое мѣсто. Но не повеселѣла невѣста, и въ подвѣнечномъ своемъ нарядѣ печальнѣе и грустнѣе глядѣла эта загубленная дѣвичья красота...

— Легче бы мнѣ, родимые батюшка съ матушкою, живой въ сырую землю лечь, нежели съ постылымъ да немилымъ подъ золотой вѣнецъ идти! говорила она поутру своимъ родителямъ...

Обвѣнчали Груняшу съ Парамоновымъ сыномъ...

— Словно къ смерти она, голубушка, приговорена, говорилъ народъ, когда обрядъ вѣнчанья окончился, и Никитка велъ изъ церкви за руку молодую.

— Гришка, Гришка одинъ всему тутъ причина, объяснялъ бабамъ Гаврилычъ:—онъ, когда еще заколдовалъ ее? Съ ранней весны! Вотъ съ того времени она и зачала, лебедка бѣлая, сохнуть да вянуть.... Я это тогда же всѣмъ говорилъ, да не послушались моихъ умныхъ словъ. Ну, а вотъ послѣто и пеняйте на себя какъ на молодайку Гришка черной магеей напустилъ: не увидите, бабочки, какъ она вскорости на помелѣ черезъ трубу взовьется!

— Ну, ужь ты, больно ужъ ты уменъ, Гаврилычъ! засмѣялись бабы.

— Да я то уменъ, мнѣ ума не занимать стать, заважничалъ этотъ умникъ, вздергивая своею бороденкою.—А вотъ, скажу, вамъ не худо бы и съ мужьями-то, да и съ дѣтишками вашими позаняться хоть малость какую у меня умомъ-разумомъ! Ну, а то што вы? Въ лѣсу живете и пеньямъ Богу молитесь!... Однако, неколи мнѣ съ вами толковать-то, прощавайте! заключилъ Гаврилычъ,. завертывая къ кабаку.

Одна молоденькая бабочка крикнула ему вслѣдъ:

— Умный человѣкъ, а самъ идешь ума занимать. А тоже хвастался!

Гаврилычъ лишъ бороденкой тряхнулъ и сдѣлался невидимъ за быстро захлопнувшейся за нимъ дверью кабака.

Разсказывали еще, что когда свадебный поѣздъ изъ церкви съ звономъ и бубенцами прокатилъ улицею мимо новой избы съ огненной птицею на конѣ,—Григорій, ухвативши себя обѣими руками за голову, стоялъ у окошка и глядѣлъ за уносившею молодыхъ лихою въ свѣтлой сбруѣ и разукрашенной кистями тройкою.

— Отняли!... выговорилъ онъ и грохнулся на столъ....

— Господи, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! выглядывая и крестясь изъ-за перегородки, шептала Маланья Сидоровна:— вотъ коли я увидѣла, какъ на него, сердечнаго, по настоящему-то нашло.... Ахъ, угодники!... Экая болѣсть въ немъ лютая!... Силантій, преподобный мученикъ, выгонь ты изъ нашего дѣтища бѣса!...

IX.

Долго что-то въ томъ году у насъ стояла бездорожица. Къ Михайлову дню выпалъ снѣжокъ и на недѣльку, было, установилась дорожка, а послѣ заговѣнья и распустило опять, пошли дожди и не стало ни проходу, ни проѣзда сельскимъ людямъ. Настоящая зимняя дорога установилась ужь когда— послѣ Николы, почти передъ Рождествомъ. Сказываютъ по-деревнямъ, что такъ бываетъ всегда передъ тяжелымъ годомъ.

Затихъ нашъ Григорій. Не слыхать и не видать нигдѣ, точно его и нѣтъ на селѣ. Было у него какое-то ружье,— въ городѣ, по случаю, за дешево купилъ, — и съ этимъ ружьемъ Григорій на цѣлые дни уходилъ и стрѣлялъ разныхъ птицъ и зайцовъ по лѣсамъ да болотамъ. Полюбилъ, говорили, онъ эту охоту до страсти. Къ ночи вернется домой, притащитъ съ собою всякой дичи, и семья иногда всю недѣлю ѣстъ мясо.

— Экой у насъ ужинъ-то отличный, похваливаетъ Максимъ, сидя за столомъ и убирая какое-то варево за обѣ щеки.— У кого еще такая пища есть?—Ни у кого! Развѣ у купечества, али господъ,—можетъ статься, а што у крестьянства, такъ ни одинъ и въ свѣтлый Христовъ праздникъ не увидитъ у себя эдакаго кушанья... Сидоровна! обращался онъ къ женѣ:— вотъ ты все жаловалась, што я тебя дурно кормлю, а это нѣшь не скусно? показывалъ Максимъ птичью кость женѣ.— На-ка, Паранька, скорѣй огложи!

— Да чего тутъ ей глодать-то, вступилась Маланья Сидоровна:—одна голая кость?

— Какая ты у меня, право, неблагодарная, Сидориха, разшучивался все больше и больше Максимъ, искоса и будто ненарокомъ взглядывая на молча сидѣвшаго сына: — какимъ

ты ее дворянскимъ яствіемъ ни корми, все недовольна.... Гринь, а ты што не ѣшь? Смотри, братъ, отощаешь! мимоходомъ ввертывалъ Максимъ и опять продолжалъ свою рѣчь къ женѣ:—Видно, въ роду вашемъ ужь што ли такъ ведется: ничѣмъ никто не доволенъ и все печалятся да вздыхаютъ. Вотъ, примѣрно, покойникъ, твой родитель, лежитъ, бывалочи, на голбцѣ и по цѣльнымъ недѣлямъ только и дѣловъ дѣлаетъ, што все на судьбу свою жалуется да вздыхаетъ: не привелъ, говоритъ, Господь Богъ мнѣ и на старости моихъ лѣтъ отдохнуть и кусокъ хлѣба имѣть! А чего? Сухарь али корку дадутъ ему, старому, такъ онъ ихъ сосетъ-сосетъ и дососать не можетъ: на другое утро останется! Чудачекъ-таки не малый былъ покойникъ!...

— Ахъ, што ты говоришь, Иванычъ! всплеснулась Маланья Сидоровна.—Нѣшь можно черево покойника тревожить?...

— Вотъ и она въ покойника уродилась, не унимался Максимъ.—Ну, скажи, чѣмъ это крыло худо? показывая какое-то перо, спрашивалъ онъ у жены.—Сколько тутъ этого добра, мяса-то одного? Не покорыствуюсь! На, возьми, Маланья Сидоровна, кушай во славу Божію и себѣ на доброе здоровье!.. А вотъ эту, головищу-то, ловилъ Максимъ голову пичужки,—нѣтъ, ужь не отдамъ ни кому, ни за што! Самъ я ее осилю!.. Э-э-э! да осиливать-то должно не придется!..

Сынъ тихо и какъ-то горько усмѣхается.

— Да, право, ей-Богу! весело грохочетъ Максимъ.—Слава Богу! ѣдимъ чуть не по-барски—и все мы недовольны, все на Господа ропотъ производимъ.... Смотри, Маланья, не прогнѣви Бога!... Однако, съ разговорами-то этими веселыми я позабылъ себя—самое-то скусное да хорошее все по вамъ раздѣлилъ, а себѣ и не оставилъ ничего, заключилъ Максимъ, подымаясь изъ-за ужина.—Одно теперь осталось: кресты на лобъ!...

Чудакъ былъ большой этотъ Максимъ, разсказывали про него въ селѣ. Зналъ онъ самъ хорошо, что Парамонъ зубищи свои огромные на нихъ съ сыномъ такъ и оттачиваетъ, а ему и дѣла, какъ будто, до клыковъ бурмистра нѣтъ: знай себѣ воюетъ да отъ всего отшучивается. Особенно онъ это теперь, когда у него сынъ притихъ, много на себя веселости да храбрости принялъ.

— На свѣтѣ все пустое дѣло, говорилъ онъ сыну.—Надо только вольный духъ въ себѣ имѣть—и всякое горе тебѣ будетъ въ переносъ и жисть легка. Это я сужу такъ по себѣ: не будь у меня вольнаго духа, ну, и бѣда, сгинулъ бы человѣкъ; а вотъ какъ вольный-то духъ во мнѣ есть,—я и ничего, да еще какъ,—слава Богу! Пра-аво! Што кручиниться? о чемъ?... Пришла, было, дѣвка по сердцу, больно тебѣ приглянулась, да не судьба—ну и надо махнуть рукой, кручиной горю не поможешь, а себя изнадсадишь.... Што въ этомъ толку!

Молчитъ Григорій.

— Да и мало разѣ на свѣтѣ этого добра, бабья-то? утѣшалъ онъ сына.—Въ своемъ селѣ не найдемъ, поищемъ гдѣнибудь на сторонѣ. Вотъ, въ слободѣ, тамъ запрету нѣтъ отдавать дѣвокъ въ чужія деревни. А дѣвья тамъ этого—пропасть сколько, и одна къ другой на подборъ: все такія здоровыя, краснощекія да грудастыя!... Любо глядѣть!

— Да мнѣ то ужь не найти другой любой, вымолвилъ сынъ:—не забуду я въ жизнь Груняши!...

— Пустое!... Ты прими только на себя вольный духъ — и конецъ! Што тутъ жалѣть о чужой бабѣ? Знаешь пословицу: што съ возу упало, то пропало? Груняха теперь чужая жена, и Богъ съ ней, махни рукой и плюнь!... Отъ всякой дряни мы съ тобой, Гриша, отбивались, а ужь отъ бабы да и не отдѣлаемся?!... Да еще хоть бы своя была эта баба, тогда—лѣшій ее возьми!—по закону ты долженъ око-

лѣть, а то чужая жена и ты изъ-за нея же погибай?.. Не слѣдъ!.. Надо совсѣмъ изъ головы выкинуть.... Право!...

— Да ужь не въ заправду ли я порченый, батюшка? говоритъ въ какомъ-то раздумьѣ Григорій.—Помнишь Васю?... Умеръ онъ давно, а я и теперь его помню и люблю, какъ бы вотъ онъ сейчасъ живъ былъ и звалъ меня волчки по льду пускать.... Когда я встрѣчу гдѣ на улицѣ малышка, то вотъ мнѣ такъ и представляется Вася: и лицо его, и глаза и голосъ,—ну, живой Вася да и только! Всѣ исторіи, какія онъ, бывало, мнѣ разсказывалъ, я сразу тутъ вспомню.... Пустыню эту, пещеры... Такая вдругъ у меня жалость по немъ подымется, что я скорѣе бѣгу отъ ребенка, а то разревѣлся бы.... Такъ и съ Груняшею: люблю я ее, да и все тутъ!...

— Пройдетъ! Это все отъ молодости... Пустое! Главное—имѣй въ себѣ вольный духъ!... Погоди, ужо, эдакъ объ Рождествѣ, ты веселый-развеселый будешь, смѣяться надъ собою станешь. Вмѣстѣ тогда смѣяться будемъ!.. Ей-Богу!...

Но не пришлось Максиму смѣяться... Вотъ что вскорѣ затѣмъ случилось.

Уставилась зима, и Максимъ съ сыномъ, по примѣру прежнихъ годовъ, въ извозъ пустились: они изъ нашего города въ губернскій хлѣбъ доставляли, а изъ послѣдняго обратно желѣзо привозили. Наложили разъ, вмѣстѣ съ другими мужичками, они желѣзо на возъ и поѣхали. Обозъ собрался порядочный. Идутъ извощики по сторонамъ лошадей, похлопываютъ рукавицами да перекидываются словами, а кто и разсказываетъ что смѣшное. Идутъ. Показалось и село, въ которомъ останавливались кормить.

— Вонъ и кормешка близко, говорятъ извощики.—Поужинаемъ и чайку изопьемъ. Поди, дворникъ ужь давно запалилъ про насъ самоваръ?

— Какъ есть! Онъ ужь знаетъ, что извощикамъ согрѣться надо: самоварину эту живо оборудуетъ.

— А я, мужики, заговорилъ одинъ молодой парень,—какъ этого чайку понапьюсь, живой рукой на печь! Тамъ безпремѣнно теперича спитъ эта Акулина, дворникова работница: такъ я къ ней грѣться!

Взрывомъ здороваго хохота оглашается весь обозъ и ему не менѣе громкимъ хохотомъ откликается чернѣющаяся даль и сосѣдній лѣсъ.

— Экой чортъ! Молвитъ, вѣдь, како слово—животъ инды надорвешь хохотамши!

— Ужь онъ, Тришка-то, его на то и поискать! Мастеръ!..

— Такъ какъ ты сказалъ, Трифонъ, къ Акулинѣ грѣться?..

— Подъ тепленькій бочекъ къ ней, матушкѣ!...

Опять на все поле хохотъ, и опять поощренія.

— Врать онъ собаку съѣлъ!

Подъ самымъ селомъ была крутая и съ поворотомъ на половинѣ гора.

— Ну, теперь садись, робя: спускъ подошелъ!

Извощики сѣли на сани и начали спускаться. Вотъ тутъ-то и пришла послѣдняя бѣда Максиму. Какъ ни крѣпко держалъ онъ въ рукахъ возжи, разбѣжалась съ горы его лошаденка, раскатились сани на поворотѣ и возъ съ желѣзомъ перевернулся,—Максимъ былъ подъ возомъ. Закричали извощики, но лошади съ неудержимой быстротой неслись внизъ по горѣ, и подать помощь нельзя было раньше, пока спустились къ самому мосту. Первый кинулся на гору Григорій, за нимъ и другіе побѣжали. Кое-какъ приподняли сани и вытащили оттуда раздавленнаго Максима.... И въ то же мгновеніе, какъ эта высокая гора, съ ея темнѣющимися голыми кустиками по скату, такъ и спавшее по другую сторону рѣки село, услышали раздирающій человѣческую душу вопль:

— Батюшка!

Максимъ былъ раздавленъ, но еще дышалъ. Сынъ и извощики перенесли умирающаго на постоялый дворъ, гдѣ черезъ два-три часа и испустилъ свой вольный духъ этотъ никому невѣдомый въ божьемъ мірѣ воинъ.... Послѣдними словами Максима его сыну были:

— Умираю.... часъ мой пришелъ.... Охъ, Гриша!... Жаль мнѣ тебя.... Надежи.... ни на кого въ мірѣ!... Нѣтъ ни друзьевъ, ни пріятелевъ.... Въ петлю лѣзь — не вытащатъ, разѣ крѣпче захлестнутъ.... Однѣ деньги.... Не поддавайся!... Борись, пока силъ-мочи хватитъ.... Женись — все помога.... работница будетъ....

Перевелъ, разсказывали, Максимъ духъ да какъ вдругъ закричитъ:

— Звѣри! да пожалѣйте хоть вы сироту-то мово: ему мать и сестру кормить! Не поддавайся!... вольный духъ.... Гриша, да утри ты хорошенечко Парамошкѣ носъ.... Откозакаемся!...

Больше ужь ни слова не сказалъ Максимъ....

Вскорѣ послѣ святокъ, Григорій одинъ вернулся ко дворамъ. Опустились руки у Маланьи Сидоровны, когда она узнала про смерть мужа, и весь день изба не переставала слышать вопли и причитанія вдовы.

— Поилецъ ты мой и кормилецъ, на кого ты меня, сироту горемычную, съ малыми дѣтищьми покинулъ! голосила Маланья. — Кто о насъ позаботится, кто отъ людскихъ напастей намъ, сиротамъ, зашиту подастъ?... Максимъ Иванычъ, ба-а-тюшка!...

— Ай, ма-а-атушка, ай, роди-и-мая! помогала матери Паранька:—какъ мы безъ батюшки-то жить будемъ, што мы ѣ-ѣсть станемъ!...

Село тоже жалѣло о Максимѣ.

— Вотъ тебѣ и Максимъ: жилъ, жилъ да и померъ!

— Значитъ, судьба его такая! Кабы не извозничалъ, такъ, можо, и долго бы прожилъ. А съ извозомъ и живота вотъ рѣшился!...

— Да, православные, никто заранѣ не знаетъ, гдѣ кому какая смерть приключится.... Поди, покойникъ себѣ не чаялъ што его возомъ пришибетъ, а вотъ и пришибло до смерти.

— Ну, значитъ, отказакался!

Но больше всѣхъ сокрушался о покойникѣ Гаврилычъ.

— Никого онъ, царство ему небесное, такъ не уважалъ, какъ меня, отирая слезы, разносилъ по избамъ печаль свою Гаврилычъ. —Строптивый былъ человѣкъ, покойникъ, противъ всего міра шелъ и никого знать не хотѣлъ; а я, бывалочи, одно только слово молвлю: Максимушка.... «Ѳедоръ Гаврилычъ! ты.... да я тебя замѣсто брата, отца роднова.... Будь по твоему»! скажетъ и ужь безпремѣнно по-моему сдѣлаетъ, покойникъ....

— Што говорить! Отъ Максима тебѣ большой почетъ былъ! Знаемъ....

— Уважалъ меня покойникъ—страсть, не приведи Господи, какъ уважалъ и почиталъ!.. А за што, подумаешь? Што я за человѣкъ?... За умъ! Вотъ за што!... Жалѣю теперича я много объ одномъ, што Гришутку, сироту-то его, врядъ ли буду я въ силахъ справить: ужь очинно малый съ изъ-дѣтства поврежденъ и ничего съ нимъ подѣлать невозможно! А хотѣлось бы, больно хотѣлось, помнючи отца-покойника, какое добро и для сироты его сдѣлать! Да ничего не удумаешь, какъ ты умомъ своимъ ни раскидывай!...

— Это вѣрно. Гришка пропадетъ! Одинъ, круглый сирота!.. Гдѣ ему одному съ чѣмъ совладать?

Что о себѣ думалъ самъ круглый сирота—это никто постигнуть не могъ, только Богъ одинъ зналъ про эти сиротскія думы и мысли.... Еслибы мать и сестра Григорья умѣли читать по глазамъ, то вотъ что, можетъ быть, онѣ прочитали бы въ

этихъ кроткихъ глазахъ, смотрѣвшихъ на нихъ обѣихъ съ печалью и въ тоже время съ какимъ-то ободряющимъ выраженіемъ:

— Не опасайтесь, я ничего съ собою не сдѣлаю. Мнѣ васъ смертельно жаль, и я останусь живъ, даже не убѣгу никуда и стану работать, чтобы только всѣ были сыты да не побирались съ сумой по міру.

Но мать, какъ лишь замѣчала на себѣ этотъ взглядъ, скорѣе торопилась или отвернуться, или уйти за перегородку, это вѣрное прибѣжище для тихаго изліянія всѣхъ ея скорбей, сѣтованій и воздыханій. Разъ, увидавши, что сынъ не сводитъ съ нея глазъ, она хотѣла ужь, по обыкновенію, убраться; но сынъ остановилъ:

— Матушка, сказалъ онъ:—я хочу жениться.

Маланья Сидоровна осталась пришитою къ мѣсту.

— Теперь нельзя безъ хозяйки, продолжалъ сынъ:—придетъ лѣто, одни мы не справимся...

— Гдѣ справиться! вымолвила мать и вздохнула.

— Да и батюшкину волю хочу исполнить.... Благослови, родимая!

— Богъ тебя благословитъ, дѣтища!... У кого ты на примѣтѣ взять держишь?

— Да кто отдастъ—у того и возьму. По мнѣ теперь все равно!...

— Вѣстимо, голубчикъ, по сиротству, намъ ли ужь невѣстъ разбирать.... Всякой радешеньки будемъ!...

Не нашли, однако, во всемъ Егорьевскомъ невѣсты за сироту. Дѣвки, по себѣ, были бы отъ души ради выдти за Григорья, но отцы ихъ съ матерями воспротивились: «Какъ можно выдать свою дочь за круглаго сироту, да еще въ добавокъ и порченаго»! Такъ и не нашелъ себѣ невѣсты Григорій въ своемъ родномъ селѣ; взялъ онъ слободскую и передъ масляницей обвѣнчался.

Тихая, истинно сиротская была эта свадьба...

— Экіе на свѣтѣ есть родители, говорили у насъ тогда въ селѣ: — нисколечко имъ не жаль родной своей крови, выдали дочь за полоумнаго!... Бога-то въ нихъ нѣтъ! Сгубили дѣвку!...

X.

Тихая, безотвѣтная и работящая попала Григорью жена. Все она дѣлаетъ по дому, постоянно въ хлопотахъ и никто ее никогда не слышитъ, точно и работѣ она сообщала свою тихость. Къ свекрови была почтительна и ни въ чемъ ея не ослушалась, а съ золовкою жила въ полной дружбѣ, что очень рѣдко у насъ въ крестьянскомъ быту встрѣчается. Мужа своего она любила и часто глядѣла ему въ глаза, но и любила опять какъ-то тихо... Въ праздники по цѣлымъ днямъ молодые сидятъ другъ съ другомъ и молчатъ. Григорій посмотритъ на жену, и та на него взглянетъ, и такъ хорошо взглянетъ, ласково, и видно, что она любитъ своего Григорья.

— Какая она у меня тихая, думаетъ Григорій, и отчего-то ему вдругъ сдѣлается жаль своей молодой жены. — Дуняша, подойди ко мнѣ! зоветъ онъ жену.

Авдотья встанетъ съ лавки и тихо подойдетъ къ мужу. Тотъ посмотритъ ей съ доброй улыбкой въ лицо, погладитъ ее по русымъ волосамъ и промолвитъ:

— Голубка!...

— Радимый ты мой! отвѣтитъ она и тихо поцѣлуетъ мужа.

Минулъ великій постъ и наступила святая недѣля. Въ первый день свѣтлаго праздника пошелъ Григорій съ женою къ заутрени. Отстояли они службу и какъ-то тихо, радостно похристосовались и пошли изъ церкви. Не успѣли они пройти

ограды, какъ ихъ догналъ Никита Парамонычъ съ женою; бурмистровъ сынокъ гордо пронесся мимо скромной четы, а жена его остановилась, вынула изъ бархатной шубейки красное яичко и говоритъ:

— Христосъ воскресе, Гриша!

Григорья такъ и пошатнуло въ сторону.

— Воистину воскресе... Аграфена Петровна, едва проговорилъ онъ и поцѣловался съ нею три раза.

— Ну, давай и съ тобою, милая, похристосуемся, подошла Аграфена къ женѣ Григорья и съ ней поцѣловалась.

— Аграфена! чего ты стоишь? окликнулъ жену Никита. Ступай!

— Съ хорошими людьми повстрѣчалась и стою, отозвалась жена.—Вотъ гдѣ, для свѣтлаго дня Христова, пришлось мнѣ съ вами свидѣться, говорила бурмистрова невѣстка, любовно глядя на Григорья и его хозяйку.—Привыкаешь ли ты, милая, къ чужой семьѣ, не скучаешь ли по родительскому дому? спрашивала она и, при разцвѣтающемъ утрѣ этого великаго дня, озаряла Григорья лучезарнымъ взглядомъ своихъ черныхъ очей.

— Я давно привыкла, тихо отвѣтила Авдотья.

— Аграфена! Я коли одинъ уйду? снова крикнулъ Никита.

— Съ Богомъ! Кто тебя держитъ?

— Ну, ладно, я тятенькѣ на тебя пожалуюсь!

— Какая она у тебя тихая, говорила Аграфена, не отвѣчая на мужнину угрозу.—Такъ привыкла, ты говоришь? А вотъ я, милая, съ одного села взята, а привыкнуть никакъ не могу: день-ото-дня все противнѣе да постылѣе мнѣ домъ свекора...

— Ахъ, голубушка, тихо пожалѣла красивую молодицу Авдотья:—знать, тебѣ въ судьбѣ твоей не посчастливилось!

Аграфена шла между мужемъ и женою; одна рука ея незамѣтно сжимала руку Григорья.

— Помни.... Знать такъ, милая! громко отвѣчала Аграфена

фена:—не задалась мнѣ судьба моя... Ну, прощайте, мои родные! Дай вамъ Богъ счастья.... Гриша, прощай!

— Прощай, Груня!

Они разстались. Григорій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, обернулся и увидѣлъ стоявшую въ сторонѣ Аграфену, провожавшую молодыхъ своими черными глазами... Чудны показались Григорью эти глаза и чудны брови, изъ-подъ которыхъ они смотрѣли, и прекрасно было это печальное лицо при дивномъ и все больше разцвѣтающемъ утрѣ!..

— Такъ вотъ бурмистрова-то невѣстка, сказала мужу Авдотья—она не видала до сегодня Аграфены.—А какая она простая, добавила Авдотья: Гришей тебя называла и со мной такъ ласково обошлась...

Ни слова не промолвилъ въ отвѣтъ женѣ Григорій.

Послѣ Пасхи бурмистръ приказалъ Григорью, вмѣстѣ съ другими мужиками, кои на селѣ побѣднѣе, чинить на мостахъ гати, исправлять дорогу: Егорьевское наше на почтовомъ трактѣ стояло.

Лѣтомъ, въ самое рабочее время, Григорья то и знай донимали подводами. Не будь Авдотьи съ золовкою, не помогай онѣ,—бѣда Григорью!—сѣно все помокло бы, хлѣбъ на половину остался не убранъ и не обмолоченъ.... Только къ Покрову, и то съ большимъ трудомъ и на великую силу, кое-какъ Григорій съ бабами поуправился.

— Напалъ бурмистръ на Гришуху, напалъ! толковали между собою мужички.—Покойника-то, отца, тѣснилъ да и сына теперича всячески донимаетъ....

— Такъ ужь, видно, имъ планида: назначено маяться всю жисть и маются!... Да на грѣхъ сноха эта еще тутъ замѣшалась... Парамонъ и озлобился... Вотъ за што пуще всего взъѣлся онъ на сироту!..

Самъ Григорій никому не жаловался на свою злосчастную

судьбу и молча, терпѣливо, подобно отцу, несъ тяжелый свой крестъ...

— Не поддавайся! точно слышалось ему съ того свѣта, и онъ быстро поднималъ свою наклоненную невеселою думою голову и встрѣчалъ тихій, недоумѣвающій взглядъ жены, вытаращенные и прямо на него смотрящіе глаза сестры и слышалъ сдержанные вздохи матери изъ-за досчатой перегородки.

Просилъ, было, Григорій на сходѣ міръ, чтобы съ него сложили лишніе полтягла, но міръ при этомъ замялся, вдругъ съ чего-то закашлялся весь; а бурмистръ какъ напуститъ на просильщика.

— Да што ты выдумалъ? съ какой это стати? Нѣшь міръ плательщикъ за тебя? Эдакой парнище здоровый да отъ оброку отбиваться!... На што жь ты послѣ эвтаго годенъ, какой ты мужикъ! Што ты за крестьянинъ своему господину!..

Нашумѣлъ много бурмистръ, а Григорій слушалъ и стоялъ передъ нимъ все время безотвѣтнымъ...

Но врядъ ли только одни эти нападки бурмистра заставляли,порою, задумываться Григорья; таилось у него что-то другое въ широкой груди, что нагибало молодую голову и что пугало его домашнихъ.

— Матушка, да о чемъ онъ все кручинится? спрашивала у свекрови Авдотья.

— Ахъ, милая, милая! говорила Маланья Сидоровна, прикладывая руку къ щекѣ и съ жалостью смотря прямо въ лицо невѣстки.—Вѣдь, Гриша-то, еще робяткомъ малымъ поврежденъ, простодушно разсказывала она:—съ вѣтру на него злыми людьми было напущено.... Такъ вотъ, временемъ, на него, голубчика, это и находитъ!

Испугалась молодайка, и стала бояться мужа.

— Да чего онѣ всѣ такъ на меня глядятъ? спрашивалъ въ недоумѣніи себя Григорій.—Что онѣ во мнѣ находятъ?и онъ опять задумывался.—Тихая она.... оба мы безотвѣтные, говорили задумчивые глаза Максимова сына.—«Помни», сказала та... И

зачѣмъ она мнѣ руку сжимала?... Нѣтъ, это грѣхъ.... По закону, я долженъ любить жену... Пересилю... одолѣю себя!... Мнѣ не о томъ надо теперь думать... Дитя скоро будетъ... Отецъ....

Зимою Авдотья родила. Ребенокъ былъ мальчикъ и весь вылитый въ отца.

— Ахъ, безталанный! вскрикнула бабушка:—весь въ отца! Кабы въ мать—счастливый, а то.... Ахъ, грѣхи наши, грѣхи!..

Но зато какъ радъ былъ отецъ ребенку! Пока мать оправлялась, Григорій самъ ухаживалъ за сынишкою, качалъ люльку, безпрестанно заглядывалъ подъ холщевую занавѣску, покрывавшую жилище новаго человѣка, давалъ соску и поилъ съ рожка молочкомъ, когда тотъ просыпался и начиналъ горько на что-то жаловаться.

— Ну, пискунъ, развоевался! наклонясь радостнымъ лицомъ надъ краснымъ личикомъ сына,весело говорилъ молодой отецъ.— Вишь, какъ наморщился, старикъ!... Ну, бери соску!... Не хочешь? Вотъ, коли, тебѣ, молочка!... На, попей... Присмирѣлъ?... Что глядишь? Или отца узнаешь? Ахъ, ты дитя, божья душка!

Ребенокъ сладко засыпалъ и отецъ, на цыпочкахъ, отходитъ отъ люльки сына.

— Вотъ теперь и у насъ сыночекъ, Дуняша,говорилъ счастливый отецъ, ласково загляцывая въ лицо жены и не сводя съ нея нѣжнаго взгляда.—Не сироты мы теперь съ тобою, Дуняша: слава Богу, наслѣдникъ есть!

Больная силится улыбнуться, но вмѣсто улыбки что-то робкое и боязливое проглядываетъ въ ея глазахъ и лицѣ.

— Жаль, дѣдушка умеръ, продолжалъ Григорій:—посмотрѣлъ бы онъ на внучка. То-то бы у старика было радости!...

— А ты,Гриша, поменьше съ младенцомъ-то возись, тихо перебиваетъ мужа Авдотья:—матушка, али заловушка его ублажатъ!...

— Дамъ я кому за моимъ молодцомъ ухаживать! Пожалуй, уронятъ или накормятъ его такимъ, отъ чего ребенокъ помретъ!.. Знаю я, какъ онѣ умѣютъ ублажать!..

Оправилась послѣ родовъ Авдотья, и не отходитъ отъ своего ребенка, не спускаетъ его съ своихъ рукъ и прячетъ отъ отца.

— Ну-ка, Дуня, дай ты мнѣ подержать Максимушку! скажетъ иногда Григорій.

— Нельзя его трогать, онъ глазки скрымши—испугаешь, отвѣтитъ жена и торопится поскорѣе накрыть ребенка концами головнаго платка.

А возьметъ когда Григорій сына на руки, Авдотья и дѣлать не знаетъ что, и въ лицѣ мѣняется и дрожитъ....

— Отдай мнѣ ребенка, отдай! почти насильно она вырываетъ изъ рукъ отца своего дитятю.

Григорій не узнаетъ своей жены.

— Да что ты, Дуняша, не дашь Максимушкѣ у меня посидѣть? говоритъ онъ съ легкимъ укоромъ.

— Да не мужицкое это дѣло, съ ребенкомъ-то нянчиться, оправдывается жена и бѣжитъ съ младенцомъ въ уголъ или къ люлькѣ:—на то мы, бабы!... Усни, моя крохотка, усни!... У-у-у-у! У-у-у-у! Спи-и-и, за-а-асни...

Понялъ Григорій въ чемъ дѣло и поникъ головою...

— Вишь, милая, опять, опять на него, голубчика, находитъ! слезливо шептала надъ ухомъ невѣстки Маланья Сидоровна.

— Ахъ, боюсь я его, родимая! тѣмъ же шепотомъ отвѣчала Авдотья.

Прошла зима и снова повѣяло теплomъ; разцвѣло все кругомъ и ожило, запѣло и зазвѣнѣло чистымъ серебромъ подъ всевоскрешающими лучами вешняго солнца; громче на улицѣ говоръ, слышнѣе шумъ водяной мельницы и яснѣе всякій звукъ...

Опять сельскіе люди на полѣ, опять закипѣла работа и опять въ праздники на зеленомъ лугу раздаются пѣсни... Работаетъ Григорій, работаетъ до поту лица и всей рубашки и усталый,

позже всѣхъ, приходитъ домой. Перекуситъ на скорую руку хлѣба, запьетъ квасомъ и повалится на лавку. Какъ убитый спитъ Григорій. А утромъ, только свѣтъ проглянулъ—онъ ужь и на ногахъ: «пора»! говоритъ, бѣжитъ къ лошадямъ и спѣшитъ до солнышка выѣхать въ поле. Но нерѣдко и такъ случалось, что ночью, когда всѣ другіе спали крѣпкимъ сномъ, а полный мѣсяцъ, низко стоявшій надъ землею, лѣниво заглядывалъ въ окна избы, растилая по стѣнѣ и закоптѣлой отъ дыма печи блѣдно-золотыя полосы,—среди этаго соннаго царства вдругъ раздавался громкій голосъ: «проспалъ!» и Григорій вскакивалъ съ лавки.

— Съ нами крестная сила! пробуждаясь отъ сыновняго крика, творила молитву и крестилась Маланья Сидоровна.—Ахъ,грѣхи наши, грѣхи тяжкіе!..

Авдотья безшумно тогда подымалась съ пола и мгновенно выростала передъ люлькою...

Воскресенье Григорій отдыхалъ. Разъ, когда изъ бабъ никого не было въ избѣ и ребенокъ спалъ, онъ подошелъ къ колыбелкѣ и осторожно отодвинулъ занавѣску. Малютка не спалъ, лежалъ съ открытыми глазками и, при видѣ отцовскаго лица, улыбнулся и потянулся къ Григорью рученками. Радостно вынулъ отецъ изъ люльки своего ненагляднаго Максимушку и принялся съ нимъ по избѣ нянчиться; ребенокъ продолжалъ свѣтло улыбаться и хлопалъ рученками.

— Сыночекъ, Максимушка! А-гу! а-гу, милый! забавлялъ сынишка отецъ и вздымалъ маленькаго бутуза къ потолку.— Вишь, смѣется!...

Вдругъ ребенокъ заплакалъ и закатился. Не успѣлъ отецъ успокоить его, какъ въ отворенную дверь вбѣжала Авдотья, всхлопнулась руками и, точно ужаленная, кинулась къ мужу и выхватила у него всего покраснѣвшаго отъ плача сына.

— Што ты съ нимъ сдѣлалъ, злодѣй! вскричала жена, прижимая къ груди ребенка.

Григорій даже оторопѣлъ.

— Что я съ нимъ сдѣлалъ? почти машинально повторилъ онъ вопросъ жены.

— Повредилъ младенца!

— Господь съ тобою, что ты говоришь, сказалъ мужъ, приходя въ себя:—развѣ я не отецъ Максимушкѣ?!

— Отецъ да порченный!

— Дуняша! какое ты слово вымолвила! больше съ тоскою въ голосѣ, чѣмъ съ укоризною сказалъ въ отвѣтъ Григорій.—Мало я всего отъ чужихъ переносилъ, а теперь ужь вотъ и отъ своихъ, отъ жены, что слышу! Не ужь-то и въ родной семьѣ я только полоумный да порченный?! Горько мнѣ это, Дуня, горько!...

Плохо человѣку, когда ему нѣтъ ни въ чемъ задачи, а если къ тому да и близкіе-то люди на него же опрокинутся, то тутъ не то, чтобы молодому подняться и стать на свои ноги, но даже и тотъ, который ужь давнымъ-давно и крѣпко на своихъ ногахъ стоялъ—непремѣнно пригнется и низко, къ самой землѣ, присядетъ....

— Чужой я въ своей семьѣ! не безъ ужаса и гнѣва заслышали поле и лѣсъ жалобы Григорья. — Нѣту у меня ни одной родной души, всѣмъ я чужой!... Сына, Максимушку, отцомъ пугаютъ.... Грунюшка, одна ты мнѣ была родная, да и тебя у меня отняли!... Нѣту, никакой опоры у меня нѣтъ и не за што мнѣ ухватиться.... Не въ моготу больше... Одно теперь—погибать мнѣ пришлось!..

Высоко и грозно тутъ вздымалъ свой гнѣвъ темный лѣсъ, слушая эти отчаянные вопли человѣческой души и по всему широкому раздолью разносило свой ропотъ шумѣвшее колосьями поле. Только люди одни были глухи и безжалостны...

Маялся все лѣто Григорій... Какъ онъ ни бился, какъ ни старался, ни что ему не удавалось и самое дѣло какъ-то изъ

рукъ валилось. Подошла осень, а у него и денегъ нѣтъ въ оброкъ за первую треть.

— Ну, што-то теперича будетъ? переговаривались собравшіеся на сходъ мужики.—Бурмистръ ужь послалъ за Гришухою...

— Чему быть! Хорошаго не жди... Однако и лютъ этотъ Парамонъ, куда лютъ!..Много отъ него и міру всякаго зла ..

— Еще бы! Воротитъ себѣ, какъ вздумается ему и знать ничего онъ не хочетъ... Затылки-то не мало нашъ братъ отъ него чешетъ...

— Вѣрно. Чешемъ!...

— Да, глядѣть, еще и почешемъ?

— Пожалуй, еще и не такъ зачешемъ!..

— А, вѣдь, Гришухи нѣшь и жалко, братцы! заговорилъ кто-то на сходкѣ.—Парень онъ молодой, смирный и работящій. За што онъ больше другихъ терпитъ?

— Што же, православные, поднялъ голосъ одинъ старикъ:— малому надо защиту дать. Хоша Парамонъ и бурмистръ, но все же онъ не самъ помѣщикъ и притѣсненья ему спущать не слѣдуетъ. На то мы всѣ и собираемся, чтобы какъ по справедливости да безобидно все улаживать... На то мы и міръ, чтобы другъ за друга стоять, а нетокма што бы...

— Извѣстно! эвто ты вѣрно говоришь, дѣдушка Онисимъ! загалдѣлъ сходъ.—Міръ на все и во всемъ воленъ, супротивъ міра никто не можетъ!..

— Міръ—великъ человѣкъ!.. А вонъ и Гришукъ идетъ?

Поклонился міру Григорій и прислонился къ углу избы.

Явился вслѣдъ и бурмистръ. Міръ поднялся на ноги и снялъ шапки.

— Такъ какъ значитъ, мужики, затянулъ обычную канитель Парамонъ, усаживаясь важно на скамейку,— для бурмистра нарочно вытаскивали на улицу скамью,—у насъ теперича на міру безоброшные завелись, то выходитъ, какъ я у васъ отъ самого барина надъ всѣми поставленъ и въ лицѣ его со-

стою, собралъ нонича всѣхъ поголовно и вызвалъ безоброшнаго, Григорья, Максимова сына. Здѣсь Григорій?

Григорій выдвинулся.

— Почему ты за первую треть оброкъ не взнесъ?

— Деньгами не справился, отвѣчалъ Григорій, смотря въ землю.

— Хорошо. Міряне, нѣтъ ли изъ васъ у кого взаймы Григорью? обратился бурмистръ къ сходу.—Дайте, сдѣлайте одолженіе, онъ мужикъ хорошій, исправный, возвратитъ съ лихвой!.. Ну, кто жъ за него взноситъ оброкъ?

— Полно смѣяться, послышались голоса и смѣхъ въ сходкѣ.—У кого деньги лишнія? Мы, тоже сами... не много ихъ у себя держимъ...

— Да вѣдь человѣкъ-то какой вѣрный! смѣялся бурмистръ и посматривалъ на Григорья, по прежнему смотрѣвшаго въ землю...

— Ежели говорить по правдѣ да по божьи, заговорилъ старикъ Онисимъ,— то смѣяться-то, Парамонъ Иванычъ, надъ сиротствомъ намъ не приходится!

— Я и не думаю смѣяться! гордо отозвался бурмистръ.

— Оброкъ Григорій не по закону несетъ, говорилъ старикъ:—на нихъ, съ покойникомъ-то отцомъ, ты набавилъ тогда, а земли имъ не нарѣзалъ... Къ тому жъ и затаскали малаго, завсе его отъ работы отрывали...

— Што правда, то правда! заявилъ свое мнѣніе Гаврилычъ и сейчасъ же спрятался.

— Это што значитъ?! а? Да какъ вы осмѣлились? наступилъ на міръ бурмистръ.—Кто первый выскочилъ?..

— Не по божьи, Парамонъ Иванычъ, не по божьи!...

— Ну, я тебѣ, Онисимъ, по твоей старости, спускаю.... Но кто другой—съ тѣмъ я съумѣю поговорить...

— Согласны! закричали ужъ было голоса.

— А што на счетъ Безоброшнаго, то я свои мѣры приму:

я тебѣ дамъ, голубчикъ, безоброшничать да отъ работы отлынивать!.. Погоди! А теперь, міръ честной, я такъ полагаю, што на новый годъ намъ въ сотскіе ни кого другаго лучше не надо, какъ Григорья Максимыча? Онъ будетъ у насъ чиновной особою... Согласны?

— Согласны! дружно отозвался міръ.

— Ну и чудесно! Григорій Максимычъ, честь имѣемъ съ чиномъ вашу милость поздравить!..

Григорій медленно поднялъ глаза и глядитъ на міръ, точно бы спрашивая: что же, молъ, вы, православные, со мною дѣлаете?.. Но міръ чесалъ въ разныхъ мѣстахъ и помалкивалъ.

— Да хошь поблагодари, издѣвался бурмистръ:—тебя въ чинъ важный пожаловали, а ты стоишь оболтусомъ?

— А вотъ сейчасъ поблагодарю, проговорилъ Григорій и подошелъ къ бурмистру.—Позволь съ тебя начать!

Бурмистръ не успѣлъ глазомъ моргнуть, какъ руки пожалованнаго въ сотскіе такъ и вцѣпились въ бороду міроѣда...

— Душегубъ! загремѣлъ Григорій, весь бѣлый и дрожавшій, какъ осиновый листъ.—Мало ты изъ людей на своемъ вѣку крови повысосалъ, захотѣлъ теперь и крови невиннаго младенца напиться!.. Мать, старуху, по-міру вздумалъ пустить!. Такъ вотъ же тебѣ, вотъ!..

— Православные! взмолился бурмистръ. — Спасите!.. На жизнь покушается... Да отымите же, будьте отцы родные!

— Гришуха, што ты?!! Въ умѣ ли?!! раздались голоса.

— Ай, ай, ай! Какъ онъ за бороду-то теребитъ, такъ и куделитъ!..

— Православные!.. отымите! взывалъ бурмистръ.

— Да отстань, будетъ! останавливали съ міра.—Тебѣ говорятъ, аль нѣтъ... Полоумный!

Полбороды—гдѣ, гораздо больше!—вышло у Парамона за время тряски.

— Ну, а теперь меня берите, сказалъ Григорій и всталъ,

покорный передъ міромъ.—Это, вотъ, возьмите себѣ, годится бабамъ на мочалки! съ какимъ-то безумнымъ смѣхомъ заключилъ Безоброчный и бросилъ въ міръ бурмистрову бороду.

— Запереть его, запереть разбойника! кричалъ бурмистръ, держась обѣими руками за то мѣсто, гдѣ у него не задолго передъ этимъ красовалась густая и окладистая борода.—Ключъ мнѣ подайте! Завтра я порѣшу съ нимъ, мошенникомъ!..

Связали міряне Григорья и повели въ пустой амбаръ.

— Экой ты, парень, у насъ горемычный! запирая Григорья на замокъ, отъ души жалѣли міряне.—Ну, потаскалъ бы такъ легонько, а то, на-ка-сь, всю почитай бороду съ корнемъ!.. Нѣшь такъ возможно?!..

Положилъ къ себѣ въ карманъ суконной бекеши ключъ бурмистръ и пошелъ съ мірской сходки домой.

— Што-то завтра мы увидимъ? задавали себѣ вопросы мужички.—А нонѣ видѣли, слава Богу! довольно таки насмотрѣлись!..

— Пропалъ, бѣдняга! говорилъ дѣдъ Онисимъ.—Великъ на душѣ у міра останется грѣхъ, ве-е-ликъ!.. Не отмолить!..

— Да, завтра надо будетъ пораньше встать, а то—чего добраго!—проспишь и ничего не увидишь.

Но прежде, чѣмъ наступило утро, ночь сдѣлала то, что на другой день сельскому народу пришлось только руками развести и ахнуть...

Чуть ли не въ самую полночь, Григорій услышалъ звукъ повернувшагося ключа въ замкѣ; затѣмъ послышался скрипъ, какъ будто бы осторожно отворявшейся, двери амбара и на него понесло тонкой струею холоднаго осенняго воздуха; наконецъ изъ темноты раздался шепотъ.

— Гриша! тутъ ты?..

Григорій не узналъ голоса, но отозвался.

— Гдѣ ты?

— Грунюшка!...

— Болѣзный!..

Развязала Аграфена руки арестанту и начала его цѣловать...

— Грунюшка, загубили насъ съ тобою, родная! говорилъ вполголоса Григорій и прижималъ къ сердцу родную душу.— Не властны мы въ себѣ и нѣтъ у насъ своей волюшки— все отняли у насъ добрые люди и подѣлили по себѣ!.. На роду не писано намъ счастье!..

— Ахъ, болѣзный, болѣзный ты мой!...

— За что, за что казнитъ насъ эта подлая жизнь?!! Чѣмъ мы передъ ней провинились?.. Грунюшка!..

Слабо теплилась лампадка передъ образомъ въ избѣ Григорья. Спала или нѣтъ Авдотья, но вдругъ ей представилось, что кто-то неслышными шагами вошелъ въ избу и оснановился у люльки. Глядитъ Авдотья и видитъ: въ слабомъ мерцаніи свѣта наклонился надъ колыбелкою мужъ и креститъ спящаго младенца... Обмерла мать, вскочила и стала протирать себѣ глаза: нѣтъ мужа, ребенокъ спокойно спитъ и чему-то ангельски улыбается. Бросилась Авдотья въ сѣни, на крыльцо и смотритъ... Ни зги не видать, на дворѣ дождь, вѣтеръ гудетъ и точно бы до слуха доносится шлепанье по грязи быстро удаляющихся сапоговъ...

— Болѣзный, прости!... постышалось ей явственно среди непроглядной тьмы, и она встрепенулась.

Ни звука! Только льетъ по прежнему дождь, яростно свиститъ и рветъ вѣтеръ и все дальше, дальше отъ нея шлепанье удаляющихся ногъ...

XI.

Еще пять лѣтъ куда-то унеслось...

Не возвращался въ Егорьевское Безоброчный, и ни слуху, ни духу о немъ!.. Сгибъ, безъ вѣсти пропалъ человѣкъ... Вотъ ужь къ намъ и воля дорогая пришла, а Григорья нѣтъ какъ нѣтъ. У Парамона Иванова давно выросла новая борода, и самъ онъ уже не бурмистръ, а волостной старшина. Не измѣнился онъ нисколько, да и теперь мало въ немъ перемѣны: на головѣ и въ бородѣ стали пробиваться серебряные волосы—и все, а то нисколько не измѣнился и все такой же, какимъ и прежде его на селѣ знали. Даже и на мірской шеѣ онъ сидитъ также, какъ и въ бытность свою бурмистромъ.

Но не живутъ ужь въ нашемъ селѣ никто изъ родни Григорья. Жена, послѣ побѣга мужа, взяла съ собою ребенка и переселилась въ слободу, къ отцу; Параньку выдали куда-то за мужъ, а Маланья Сидоровна, когда ее изъ избы погналъ бурмистръ, возъимѣла благое намѣреніе отправиться въ столичный градъ Москву, на поклоненіе тамошней святынѣ, да такъ потомъ и не вернулась на свою сторону: будто бы, разсказывали на ярмаркѣ нашей пріѣзжіе купцы, побирается она тамъ христовымъ именемъ и за свои разсказы да вздохи частые въ милости большой у первостатейныхъ московскихъ купчихъ пребываетъ... Дай ей Богъ! старуха она хоть и глупая, но безъ злобы и чаи пить ей какъ разъ по душѣ будетъ у своихъ благодѣтельницъ. Избу съ огненнымъ пѣтухомъ Парамонъ Иванычъ взялъ за себя; онъ за одну треть помѣщику взнесъ оброкъ за Григорья, и потому совершенно справедливо прибралъ къ рукамъ все недвижимое Безоброчнаго. Въ эту избу бурмистръ выдѣлилъ изъ своей семьи Никиту съ женою: за непочтительность къ свекру Аграфены да тотъ, будто бы,

срамъ, какой она нанесла знатному роду Прамона Иваныча!.. Больше ничего, кажется, особеннаго не произошло у насъ за все это время. Все шло по старому, только вотъ новое— воля...

Должно быть вскорѣ послѣ того, какъ намъ манифестъ прочитали и въ Егорьевскомъ завелось волостное правленіе, народъ увидѣлъ разъ по улицѣ двухъ солдатъ съ ружьями, а между ними какого-то незнакомаго человѣка съ обритой головою и въ рваномъ балахонѣ. Пришли солдатики съ рваным балахономъ къ волостному правленію и спрашиваютъ, есть ли кто изъ начальства въ присутствіи. Мы очень въ ту пору заинтересовались этимъ рваным балахономъ и бритой головою; какъ только завидѣли, такъ и полетѣли за нимъ: ужь очень чуденъ онъ тогда намъ, ребятишкамъ, показался! Впрочемъ, къ воротамъ правленія собралось порядкомъ и взрослыхъ: тоже глядятъ, никогда не видывали въ селѣ такого человѣка!

— Да что же это начальство-то не идетъ? спрашиваютъ солдаты.

— А вонъ писарь! говорятъ на улицѣ, показывая на засланную фигуру вылѣзающаго изъ воротъ дѣтину.

— Что вы? по какому дѣлу? спрашиваетъ писарь.

— А вотъ, говорятъ христовы воины,—человѣка вамъ на руки велѣно сдать... Получите. Вотъ и книга для росписки!..

Писарь взялъ у солдата книжку, развернулъ и прочиталъ

— «Отсылается... полицейскимъ... для водворенія на мѣсто жительства... именующій себя... Григорьемъ Максимовымъ»... Что, мужички, находится у насъ какой Григорій Максимовъ въ бѣгахъ? спросилъ писарь у глядѣвшихъ на бритую голову и рваный балахонъ.

— Кто? всколыхнулись мужики.

— Григорій Максимовъ.

— Батюшки, да вѣдь это, балахонъ-то, никакъ и есть нашъ Безоброшный! вскричали разомъ нѣсколько голосовъ.

— Онъ, онъ! самый онъ и есть, Безоброшный! поднялось по всему селу.—Да какъ онъ, паря, весь оброс! Н-ну, уз нать человѣка невозможно, какая перемѣна съ нимъ большая произошла!..

— Такъ вы, господинъ писарь, извольте росписаться, что мы вамъ въ цѣлости его доставили, говорилъ одинъ солдатъ.— Надо бы, православные, съ васъ хоть чай спить! шутили солдаты.—Ей-Богу!.. Какого молодца мы вамъ преставили! Полюбуйтесь!

Смѣется село, смѣется и бритая голова въ рваномъ балахонѣ.

— Вотъ такъ красавецъ!

— Ну, а пока, надо его прибрать, впредь до распоряженія, сказалъ писарь и велѣлъ Безоброчнаго посадить въ свободный хлѣвъ, который у насъ при волостномъ правленіи замѣнялъ сибирку. Отвели туда Безоброчнаго. Народу, народу,—такъ и повалило со всего села, когда вѣсть о возвращеніи Безоброчнаго облетѣла сельскія улицы. У забора, въ которомъ изъ хлѣва было продѣлано на выгонъ маленькое окошко, безъ стекла, толпились мужики, бабы, дѣвки — словомъ всѣ, кто зналъ или слышалъ о Безоброчномъ. Всѣ такъ это и наровятъ въ окошечко-то взглянуть.

— Вишь, вишь, онъ поглядываетъ! указывали мы, ребятенки, на оконцо.—Теперь спрятался... А вотъ гляди: сейчасъ опять выглянетъ... Ей-Богу!.. Вотъ, видишь, носъ-то выставился!... Это его, Безоброчнаго носъ!..

— Да его ли, може, другаго кого? сомнѣвались нѣкоторые изъ насъ.

— Эка, я, чай, все время глядѣлъ на Безоброшнаго!..

— А бритую голову видѣлъ?

— Всю до одного волоска!

— Неужто и балахонъ?!..

— И балахонъ... Весь онъ у него рва-а-аной, худо-ой да въ заплаткахъ!..

Собрали сходъ. Велѣли привести Безоброчнаго. Привели. Оглядываютъ его со всѣхъ сторонъ.

— Ну, што онъ?

— Кажись онъ!

— Безоброшный!

Молчитъ.

— Гдѣ ты это столько годовъ пропадалъ?

Засмѣялся.

— А ты не дурачься, говори! што зубы-то скалишь! Безоброчный какъ пуститъ вдругъ пожеребячьему! Оглушилъ.

— Эка ржетъ, шальной!

— Ну, пріятель, дурью ты этой не отбудешь, заговорилъ старшина: — говори толкомъ, о чемъ у тебя спрашиваютъ?

— Вишь, полоумнымъ вздумалъ прикидываться? Каковъ!

— Да я, вѣдь, порченый! сказалъ Безоброчный.

— А! заговорилъ... Ну, другъ, прежде, это точно, былъ ты полоумнымъ, а теперича ты какъ есть настоящій человѣкъ...

— Настоящій! закричалъ безоброчный и пошелъ танцовать по всему правленію.

О чемъ у него тамъ ни спрашивали, толку никакого не добились. Скажетъ слово какъ слѣдуетъ, да потомъ и занесетъ, занесетъ чепуху — хоть святыхъ вонъ выноси!

Рѣшили: подвергнуть Безоброчнаго испытанію... Много ему было испытаній, и все-таки чего желали, не получили, да и чего хотѣли отъ него, кажется, сами православные не знали...

— Теперича я такъ буду думать, што Безоброшный никуда не годится, рѣшилъ старшина: — сдадимъ его, почтенное обчество, въ солдаты?

— Што жь, дѣло будетъ доброе, лишь бы только приняли.

Но и въ солдаты Безоброчнаго не приняли: не совсѣмъ въ здравомъ умѣ человѣкъ и членоповрежденіе у него большое нашли. Покончили съ Безоброчнымъ: «водворить» его, какъ сказано въ бумагѣ, и отвели ему для житья гдѣ-то забросовую

и развaленную банишку. Затѣмъ на остальное все махнули рукой,—и «обчество» совершенно успокоилось на счетъ Безоброчнаго.

И вотъ зажилъ въ селѣ новый человѣкъ, и пошелъ ходить по всему православному міру «безоброчный»!.. Сперва на него глядѣли, какъ на дурачка и сумасшедшаго; потомъ, когда замѣтили, что Безоброчный въ трескучіе зимніе морозы босикомъ ходитъ, стали называть его юродивымъ, и наконецъ, когда Безоброчный пустился въ предсказанія, чуть въ святые его не произвели. Гдѣ жилъ Безоброчный, когда спалъ и чѣмъ питался, никто не зналъ... Лютъ онъ сдѣлался, потерялъ всякій образъ человѣческой и глядѣлъ на весь міръ настоящимъ звѣремъ. Всѣхъ Безоброчный ругалъ и часто улица оглашалась его громкими проклятьями богачамъ и міроѣдамъ. Только съ ребятишками, которые не дразнили его и не пускали въ спину камнями, онъ всегда былъ ласковъ и добръ. Увидитъ, бывало, какого малышка, остановится и смотритъ на него такъ жалостливо, вытащитъ изъ подъ своей дерюги пряникъ и дастъ малышку.

— На-ка, съѣшь!..

Такъ и жилъ онъ цѣлые годы, пугая дѣтей и служа посмѣшищемъ какимъ-то да страшилищемъ для сельскихъ людей....

Пришелъ послѣдній часъ Безоброчнаго.

— Безоброшный кончается! возвѣстили селу ребячьи голоса, и всѣ малыши цѣлыми стаями куда-то понеслись.

Насилу мы тогда отыскали Безоброчнаго: жилъ онъ въ оврагѣ, по дну котораго протекаетъ свѣтлый ручей, и лежалъ теперь на право у самаго входа въ землянку. Лежитъ Безоброчный, глаза закрыты и словно ужь онъ недышитъ. Надъ головою у него тихо шумятъ зеленыя вѣтви березъ, а въ ногахъ весело журчитъ свѣтлый ручей. Лицо Безоброчнаго худое, покрытое морщинами и все обросшее волосами; но такое спокойное, тихое и ясное.

Ребятишекъ, ребятишекъ сколько кругомъ стояло и сидѣло на зеленой травѣ!.. Въ сторонкѣ притаился Гаврилычъ и украдкою отиралъ слезы. Пришелъ священникъ, въ рукѣ крестъ и евангеліе.

— Соберись съ силами... Ободрись! говоритъ батюшка и наклоняется къ умирающему.

Безоброчный открылъ глаза. Смотритъ... День такой стоялъ чудесный, на бѣлыхъ жестяныхъ крестахъ церкви играютъ лучи солнца, небо лазурное, чистое и такъ-то привѣтливо улыбающееся; а вблизи, кругомъ, стоятъ ребятишки и съ такимъ участіемъ выглядываютъ изъ за яркой зелени на Безоброчнаго. Смотритъ... Вдругъ у него улыбка такая радостная показалась на лицѣ.

— Вася, заговорилъ Безоброчный тихо.—Неужь-то это ты за мной пришелъ? Подойди ко мнѣ, не бойся!...

— Не желаешь ли исправиться? освѣдомился батюшка, опять нагибаясь къ больному.

— Желаю.

— Дѣти, отойдите дальше! приказалъ батюшка, и всѣ отступили.

Черезъ нѣсколько минутъ ребятки снова надвинулись.

— Теперь можно! разрѣшилъ священникъ, завертывая крестъ и, видимо, торопясь уходить.

Безоброчный лежалъ съ такимъ спокойнымъ и яснымъ лицомъ, какого мы никогда въ жизнь не видали.

— Батюшка, выговорилъ чуть слышно Григорій.—Я забылъ одно слово... Парамона... скажи... всѣхъ я прощаю... Максимушка, ангелъ божій!..

И умеръ Безоброчный!..

Такъ и пропалъ человѣкъ... И вѣдь сколько, какъ подумаешь, по нашимъ селамъ и деревнямъ гибнетъ хорошаго народа? Нѣсть числа!..

А отчего безслѣдно гибнутъ здоровыя силы на святой Руси? Подумайте-ка вотъ объ этомъ, добрые люди! Давно, давно вамъ пора обо всемъ подумать и поразмыслить...

Москва.
1871 года, декабря 18 дня.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ГОРЕ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ГОРЕ.

I.

НЕЧАЯННАЯ БѢДА.

Воскресенье послѣ Петрова дня. Время стоитъ жаркое. Въ деревнѣ Голопузовѣ давно ужь всѣ отобѣдали. У избы дяди Егора, что стоитъ на темной сторонѣ, собрались мужики и бабы. Мужики расположились на заваленкѣ и бревнахъ, а бабы выбрали себѣ мѣсто на травѣ, подъ тѣнью двухъ разросшихся ивъ. Двѣ изъ нихъ держатъ на рукахъ грудныхъ дѣтей. Тутъ же, высунувъ языки и тяжело дыша, лежатъ дворовыя собаки. Ребятишки забрались въ прудъ, полощутся тамъ, брызжутъ другъ другу въ лицо, кричатъ и заливаются звонкимъ смѣхомъ; а двое малышей забились за бревна, на которыхъ сидятъ мужики, и слушаютъ, о чемъ говорятъ большіе. Парней и дѣвокъ не видать: они всѣ отъ жара разошлись по сараямъ да по овинамъ... На бесѣдѣ идетъ разговоръ:

— Экую благодать Господь послалъ, говоритъ дядя Егоръ, мужикъ лѣтъ сорокъ за пять, посиживая на заваленкѣ и устремляя свои сѣрые глаза въ голубую высь. — Добре, кабы такъ подольше постояло: скоро бъ съ покосомъ управились

— Еще бы! отозвались другіе мужики.

— Каковъ-то завтра будетъ денекъ?.. Дай-то Богъ вёдрицо!

— Больно бы гожо!

— Теперича и въ одинъ день много сдѣлаешь, продолжалъ дядя Егоръ: ишь, вѣдь, нонѣ день-отъ какой, батюшка, стоитъ долгій! Не даромъ добрые люди баютъ: Петръ и Павелъ дня прибавилъ...

— А Илья пророкъ дня уволокъ, — добавила одна баба въ красномъ платкѣ.

— А ты сиди, тебя не спрашиваютъ, сказалъ ей мужъ, рябой мужиченко съ жиденькой бородкою.—Ты думаешь, съ твое здѣсь никто ни знаетъ? Знаемъ, побольше твово знаемъ.

Баба покачала головой и сказала:

— Да ужь не ты ли это много-то знаешь? Ахъ, ты, чучело гороховое! кто бы говорилъ, да не ты...

— Ну, ну, поговори у меня еще! запальчиво вскричалъ мужъ и соскочилъ съ бревенъ.

— А что ты со мною сдѣлаешь?

— Я?!

— Да ты, рябой!

— Я?.. А вотъ молви хошь слово, такъ и увидишь! и мужикъ опять залѣзъ на бревна.

Бабы засмѣялись.

— Сердитъ, да не силенъ...

— Матрешка!

— Полно, Иванко, што съ бабами связываться, вмѣшался сидѣвшій тутъ же на заваленкѣ старикъ, весь сѣдой, опираясь на клюку:—нѣшто умный мужикъ переспоритъ коли бабу? Ни въ жисть! Отвяжись лучше!

Къ бесѣдѣ подошелъ еще мужикъ, высокій, съ большой темнорусой бородой и благообразнымъ лицомъ.

— Миръ бесѣдѣ, сказалъ онъ, снимая поярковую шляпу.

— Здорово, Терентій Захарычъ! привѣтствовала новоприбывшаго вся бесѣда.

— О покосѣ что ли рѣчь ведете? спросилъ Терентій Захарычъ.

— Нѣтъ; вонъ у Иванки нѣшто съ бабами ладу нѣтъ!.- Страху передъ нимъ не чувствуютъ, ни въ чемъ уступить ему не хотятъ.

— Ну, ему въ бабьемъ царствѣ королемъ не быть, сказалъ Терентій Захарычъ и усмѣхнулся.—А я вотъ, православные, гулялъ все по задворицѣ да любовался, глядючи на богатства-то наши: сердце не нарадуется! Рожь по плечо, колосъ ужь налился, зрѣть принимается. Съ яровымъ мы теперь управились, завтра за покосъ примемся, а тамъ, не увидишь, какъ и жнитво подоспѣетъ! Коли Бога не прогнѣваемъ, такъ и будемъ съ хлѣбушкомъ на весь годъ... Молиться надо больше, православные!

Терентій Захарычъ былъ мужикъ грамотный. Онъ зналъ всю Библію и любилъ въ свободный часъ почитать книжку, но ханжей и буквоѣдомъ не былъ. За грамотность и за рѣдкую честность его уважали всѣ, не голько въ своей деревнѣ, но и по всему околодку. Одинъ только староста, Еремей Пахомычъ, по прозванью Стручокъ, терпѣть не могъ Терентія.

— Это ты вѣрно говоришь, сказали мужики, когда Терентій Захарычъ остановился:—молитва первое дѣло...

— А кому за попомъ гнать? спросилъ рябой мужиченка.

— За какимъ попомъ?

— Только какъ хочетъ міръ, а я не поѣду, хоша очередь и моя, сказалъ онъ вдругъ.

Мужики переглянулись.

— Што онъ?

— Не поѣду, еще рѣзче проговорилъ мужикъ.

— Да кто-тебя посылаетъ?

— Какъ же! Ты баешь: молиться надо. Міръ согласенъ. Значитъ, скачи за попомъ. А я въ экую жару не поѣду, да и лошаденка назавтрево мнѣ нужна... Провалиться сичасъ, не поѣду!

Тутъ не однѣ бабы, но и мужики всѣ засмѣялись.

— Эхъ, Иванъ Потапычъ, понапрасну ты только встревожился, сказалъ Терентій Захарычъ: — за попомъ міръ и не думаетъ посылать. А помолиться ты помолишься и одинъ, если у тебя будетъ усердіе. Помолится и всякой другой, что бы Господь, царь небесный, не оставилъ насъ своей милостью.

— Што ты съ нимъ, Терентій Захарычъ, разговоры-то эти ведешь, перебила жена Ивана Потапыча:—нѣшто онъ какъ и слѣдуетъ на человѣка похожъ? Вѣдь онъ...

— Матрешка!..

— Али ужь не сказывать, рябой?

— Скажи, скажи, такъ я те то сдѣлаю, чего ты и во снѣ николи не гадала!

Угроза однако не остановила бабу.

— Онъ, миряне, у меня по ночамъ...

— Матрешка, стерва!..

— Кочетомъ поетъ, добавила Матрешка и первая сама засмѣялась.

— Ахъ ты, стерва!

Дружно захохотала вся бесѣда, а два малыша, что сидѣли за бревнами, выскочили оттуда и кинулись бѣжать на прудъ.

— Дядя Иванъ кочетомъ поетъ, рябой Иванъ кочетомъ поетъ! кричали они на всемъ бѣгу, торопясь сообщить слышанную ими новость всему пруду.

На бесѣдѣ заговорили о другомъ.

— Не слыхалъ ли чего, Терентій Захарычъ, про андреевскихъ пастуховъ? спросилъ одинъ мужикъ.

— Шалятъ все, отвѣчалъ тотъ.—Говорятъ, намеднись къ нашему попу забрались: самоваръ утащили да матушкинъ салопъ на заячьемъ мѣху.

— Чай, попадья-то воетъ какъ! замѣтила жена дяди Егора.

— Завоешь, Ивановна, какъ другаго-то нѣту!

— Чудной нынѣ сталъ народъ, заговорилъ дядя Егоръ:— откуда только въ молодыхъ парняхъ такая вольность возьмется?

Ни передъ чѣмъ-то они ни остановятся, што ни задумали, то и дѣлаютъ, хошь послѣ нихъ трава въ полѣ не рости!

— Молоды очень, жить хотятъ въ весельи, Егоръ Кузмичъ, а достатковъ-то нѣтъ, ну и пускаются на легкій промыселъ, сказалъ Терентій Захарычъ.

— А и народъ эти пастухи—разлюбезный! восхитилась молодая бабенка и съ чувствомъ прижала къ себѣ груднаго младенца, который безмятежно спалъ на ея теплой материнской груди.

Старый дѣдъ, тряся своей сѣдой головой, медленно и съ разстановкой началъ:

— Врагъ человѣческій всему зло, врагъ... Онъ, лукавый, вѣдь силенъ: горами врагъ-то качаетъ... Ну, вотъ и смущаетъ онъ христіанскія-то душеньки, отъ него въ народѣ и бѣды всякія, и несчастія [illegible]...

При этой рѣчи стараго дѣда, со стороны бабъ послышались тяжелые вздохи.

— Такъ што ли, я баю? сказалъ дѣдъ, погодя.—Лютъ онъ, врагъ-то нашъ, заключилъ старикъ и поникъ головою.

— О-о-охъ! вздыхали на травѣ:—грѣхи наши, грѣхи!

— О чемъ вы? спросилъ ихъ дядя Егоръ.

— Какъ о чемъ? Чай, слышь, что дѣдъ-то баетъ!

— Дуры!

Съ пруда прибѣжала цѣлая ватага ребятишекъ. Всѣ они были мокры, волосенки на головахъ растрепаны, а на лицахъ у всѣхъ замѣтно было выраженіе сильнаго любопытства. Ватага остановилась за нѣсколько шаговъ отъ бесѣды и уставилась глядѣть въ толпу мужиковъ. Впереди стояли два малыша и тихо говорили:

— Вонъ онъ гдѣ! глядитка-те, какой онъ!

Ребятишки съ живымъ любопытствомъ глядѣли, куда указывали имъ два малыша...

— Да вы не врете-ли, парнишки, што рябой кочетомъ поетъ? усомнился мальчуганъ лѣтъ осьми.

— Ахъ, какой ты, Прошка! Што намъ врать-то, чай сама тетка Матрена, при всей бесѣдѣ, это сказывала!

— Какъ бы это онъ намъ спѣлъ што-нибудь по своему-то, по кочетиному! выразили нѣкоторые изъ малышей желаніе.

— А и то, ребятки! подхватили другіе.—Вонъ, Пашка, она у насъ смѣла, подойдетъ къ нему...

— И подойду! сказала Пашка, босоногая дѣвчонка въ одной рубашенкѣ съ открытою грудью, на которой болтался большой мѣдный крестъ.

— Ступай, Пашка! Мы те когда-нибудь гостинца за это дадимъ! пообѣщали ребятишки.

Пашка окинула своими свѣтлыми, весело смѣющимися глазами всю дѣтскую ватагу и смѣлой поступью пошла къ мужикамъ. Ребятишки тоже двинулись за нею, чтобы лучше слышать, какъ рябой станетъ пѣть кочетомъ.

— Дядюшка Иванъ, начала Пашка, остановившись передъ рябымъ мужиченкомъ, попрежнему все еще сидѣвшимъ на верхушкѣ бревенъ.

— Што те, парша? гордо спросилъ рябой.

Дѣвочка, закинувъ на мужика голову, продолжала:

— Ты, баютъ, гораздъ больно кочетомъ пѣть! Спой намъ!

— Ахъ ты, мразь! закричалъ мужиченка. — Вотъ я те!..

Пашка убѣжала.

Время шло незамѣтно. Жаръ спалъ и отъ пруда потянуло свѣжестью. Въ воздухѣ засновали стрижи, предвѣстники вечера. Скоро пригналось и стадо. Съ бесѣды всѣ разошлись по домамъ.

Теперь на гуменницу высыпала пестрая толпа парней и дѣвокъ. Поднялась бѣготня и игры. Молодые голоса и свѣжій дѣвичій смѣхъ не умолкаютъ ни на минуту. Изъ деревни не разъ присылали звать къ ужину. Никто и недумаетъ. Всѣмъ хочется играть, веселиться и тѣшиться... Веселись же, наша крестьянская молодость!..

— Степка, што ты это!.. раздается голосъ.

— Ничего, это я любя тебя, Дунька! говоритъ молодой парень, обнимая дѣвушку.

— Ребята! кричитъ другой парень.—Аленка Панкрашку по харѣ мазнула!

— Н-ну?

— Ей-богу! Онъ было къ ней, а она его—разъ! Такъ и отлетѣлъ!.. Потѣха!

— Это ей даромъ не пройдетъ, заговорили-было другіе ребята.

— Ну, вотъ еще! Пѣсню, братцы! крикнулъ Степанъ.

— А и то!.. Начинай, Степъ!

— Ну, дѣвки, въ груду!

И дѣвки, и парни сомкнулись въ одинъ кругъ. Степанъ вышелъ и сталъ въ середину. Вскинувъ кудрявыми волосами, онъ тихо и протяжно затянулъ:

«А-а-х-ахъ, ут-ка лу-го-вая,
А мо-лод-ка мо-ло-дая...»

Весь хоръ громко и сразу поднялъ:

«Гдѣ ты была, побывала,
Темну ночьку спала, ночевала?..»

И понеслась, и полилась звонкоголосая пѣсня по вечерней зарѣ... Встрепенулось все и ожило вдругъ кругомъ отъ этой пѣсни, и отозвалось, зазвучало со всѣхъ сторонъ на тысячи тоновъ и полутоновъ:

«Я гуляла во лужочкѣ,
«Ночевала во лѣсочкѣ,
«Подъ ракитовымъ кусточкомъ...»

Въ деревнѣ отужинали и легли спать. Но пѣсня не давала заснуть.

— Ну, теперича всю ночь пропоютъ! говорили по избамъ. Вѣдь и горюшки нѣтъ, што завтра на покосъ!

— Што имъ! А все это Степка всему затѣйщикъ! Эка, подумаешь, какъ здоровъ онъ, собака, эти пѣсни играть!

Иванъ Потапычъ говорилъ женѣ:

— Матрешь!

— Ну?

— Мнѣ больно хочется...

— Чаво?

— Къ ребяткамъ пойти... Слышь, какъ поютъ?

Матрена въ другой разъ непремѣнно выругала бы своего рябаго, но теперь и ея сердце помякло подъ вліяніемъ доносившейся пѣсни, въ которой слышалась ей золотая пора ея собственной дѣвичьей жизни, и она только сказала:

— Полно, глупый, куда тебѣ за парнями угоняться! тебя завтра и не добудишься... Усни лучше!..

Иванъ Потапычъ и не сталъ больше настаивать. Но, спустя немного, онъ тихо поднялся съ своей постели и на цыпочкахъ подошелъ къ маленькому оконцу, тихо открылъ его и просунулъ на волю свою голову. Онъ слушалъ и тихо улыбался...

А пѣсни все разливались, все гремѣли...

— Ахъ, Господи! проговорилъ онъ наконецъ сладкимъ шопотомъ и широко вздохнулъ.

Вотъ раздалась и хороводная:

«Какъ по-о-морю, какъ по-о-морю,
По синему, по Хвалынскому!..»

Долго пѣли на гуменницѣ парни и дѣвки. Только на разсвѣтѣ они угомонились. Послѣдніе звуки пѣсни волной пронеслись по открытымъ полямъ и замерли въ глубинѣ далекихъ лѣсовъ.

—

Еще до солнышка поднялась вся деревня. Утро было росисто и свѣжо, свѣжо, какъ лицо молодой крестьянки. Деревня все больше и больше обливалась яркимъ свѣтомъ отъ постепенно разгоравшагося востока. Пѣтухи громко привѣтствовали наступающій день. Мужики съ парнями возились около телѣгъ, мазали колеса, выводили лошадей.

— Степанъ! Што у те рожа-то? полюбопытствовалъ рыжій мужикъ, затягивая на лошади хомутъ.

— А што? отозвался парень.

— Не спалъ должно? Больно ужъ измята!

— Вотъ! сказалъ парень, встряхнувъ головою, и заворотилъ въ оглобли лошадь.

Но вотъ ужь и все готово. Вышли бабы и дѣвки, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, рубашкахъ. Мужики перекликнулись:

— Совсѣмъ?

— Готово!

— Ну, бабы, садись на заднія телѣги!

Мужики сняли шапки и начали креститься. У воротъ стояли старики, старухи и тоже набожно крестились.

— Трогать? крикнулъ мужикъ съ передней телѣги.

— Съ Богомъ! отвѣчали со всѣхъ телѣгъ.

— Гужомъ выѣхали изъ деревни мужики, за ними съ граблями и ворошниками потянулись бабы и дѣвки.

— Дай Богъ часъ добрый!—слышалось вслѣдъ уѣхавшимъ.

Деревня опустѣла: остались одни старые да малые.

На дорогѣ, по которой ѣхали голопузовцы, показался кабакъ. Цѣловальникъ стоялъ на крылечкѣ и самымъ пріятнымъ образомъ дѣлалъ призывные сигналы. Голопузовцы не замѣчали привѣтственныхъ знаковъ любезнаго человѣка и продолжали трястись во всю прыть. Уже половина крестьянскихъ подводъ проѣхала кабакъ, какъ вдругъ Иванъ Потапычъ, сидѣвшій на облучкѣ одной изъ заднихъ телѣгъ, закричалъ во весь голосъ:

— Стой! Сто-ой!

Подводы остановились.

Иванъ Потапычъ соскочилъ съ облучка и замахалъ шапкою.

— Православные! вѣдь это кабакъ!..

— Спѣсивы, спѣсивы нонича стали, господа голопузовцы! любезно упрекалъ цѣловальникъ, низко кланяясь мужикамъ.

— Да возьмите хоть полведерки, авось на столько-то васъ

хватитъ! добавилъ онъ съ улыбкою, доходившею до обворожительности.

Голопузовцы посовѣтовались и рѣшили взять ведро.

Цѣловальникъ не замедлилъ вытащить ведерный боченокъ.

— Самаго что ни есть первосортнаго! сказалъ онъ, опуская въ одну телѣгу боченокъ и слегка отдуваясь.—Станете пить-попивать да Ивана Николаева добромъ поминать!.

— Ужъ ты, анафемская душа! поблагодарилъ цѣловальника дядя Егоръ:—мало ты изъ насъ животовъ-то за цѣльный годъ повымотаешь!..

— Съ Богомъ, господа голопузовцы! Съ Богомъ! Счастливаго покосцу! желалъ цѣловальникъ, кланяясь и пріятно улыбаясь.

Вотъ и приходское село близко. Взошло солнышко и заиграло на бѣломъ жестяномъ крестѣ сельской колокольни... Опять молитва зашевелила крестьянскія губы и опять лица осѣнились крестомъ. Обогнувъ село, косцы поворотили вправо и черезъ нѣсколько минутъ подъѣхали къ оврагу, въ который и стали медленно и осторожно спускаться

Оврагъ былъ очень глубокъ и тянулся версты на полторы въ длину. Правая сторона его, отъ села, опускалась крутымъ обрывомъ, а лѣвая шла отлого и мѣстами дѣлала нѣсколько мелкихъ овражковъ. По самому дну оврага протекала рѣчка, выходившая голубой полосою изъ лѣса и терявшаяся вдали, между зеленѣющими лугами. Густой дубовый лѣсъ, поднимаясь по горѣ, замыкалъ конецъ оврага и придавалъ особенный характеръ мѣстности. Про этотъ оврагъ говорили, что въ немъ когда-то жили паны, въ подтвержденіе указывали на два кургана, возвышавшіеся на лѣвой его сторонѣ. Еще мужики знали, что въ немъ каждый годъ хорошая трава ростетъ—вотъ и все.

Голопузовцы, спустившись въ оврагъ, проѣхали нѣсколько вверхъ берегомъ и остановились, стали распрягать лошадей. Изъ дубоваго лѣса несло здоровой сыростью, а по густой и высокой травѣ разстилался тонкій и едва уловимый для глаза

туманъ. Правая сторона луга оживилась: показались шалаши, забѣлѣли женскія рубашки, послышалось ржаніе спущенныхъ на волю лошадей и засвистали въ травѣ косы. Подъ двумя телѣгами висѣли зыбки, въ которыхъ спали грудные младенцы. Время отъ времени на лугу слышалась шутка, а парни затягивали-было и пѣсню, но пѣсня не шла: начнется и—тутъ же сейчасъ и оборвется...

— Што же не поетё? спрашивали мужики.

— Голосу нешто нѣту, отвѣчали парни.

— Голосу нѣтъ. Тӧ-то, косить-то, видно, не корываны [1]) водить! Она, вѣдь, травка-то родимая, даромъ не очень любитъ даваться! За ней тоже надо походить да и походить!..

Изъ лѣса выпло солнышко и глянуло прямо въ лицо косцовъ.

— Глянька-те, братцы, какъ солнышко-то освѣтило!

— И то! экая благодать!..

Работа кипѣла. Сочная трава, срѣзанная подъ самый корень, падала рядами, тихо визжали и звенѣли острыя косы, ударяясь мѣстами о мелкіе камышки. Чѣмъ выше поднималось на чистомъ небѣ солнце, тѣмъ свѣтлѣе и ярче блестѣли на лугу косы, тѣмъ крупнѣе и обильнѣе лился съ лица потъ на землю и орошалъ зеленую траву...

Долго тянулось время. Наконецъ наступилъ и часъ обѣда. Близъ самой рѣчки, по желтому песку, усѣлись работники около небольшихъ котелковъ и принялись за кашицу, которая журчала и била со дна бѣлыми ключами.

— Вотъ такъ кашица! похваливали косцы, пробуя деревянными ложками изъ котла.

— У-у-у-у! запѣлъ вдругъ Иванъ Потапычъ, съ живостью отбрасывая отъ себя ложку.—У-у-у!..

— Аль обжегся? спросилъ дядя Егоръ.

— Вотъ такъ горяча, проклятая! выговорилъ мужикъ.

---

[1]) Корыванъ—хороводъ.

— А ты не кляни, вѣдь это даръ божій.

— Да ужь ошпарило больно, оправдывался Иванъ Потапычъ:—такъ все нутро и горитъ!

Котелки скоро опростались. Принялись за ржаныя лепешки съ квасомъ.

— Кабы говядины еще! пожелалъ рыжій мужикъ:—чудесное бы дѣло!

— А ты подожди маненько: вотъ заговѣнье придетъ, отвѣдаешь и говяденки!

— Да жди, коли оно придетъ!— сказалъ рыжій мужикъ и взглянулъ на сноху, молодую бабу, трудившуюся надъ лепешками.

Матрена замѣтила этотъ взглядъ.

— Ты еще чего не хошь ли, рыжій? спросила она насмѣшливо, глядя на мужика.

Молодая баба покраснѣла, а рыжій мужикъ всталъ.

— Пошла ты къ свиньямъ! проговорилъ онъ сердито и отошелъ,

— Ай не по вкусу? засмѣялась Матрена.

Послѣ обѣда одни прилегли отдохнуть, другіе пошли купаться.

Высоко стояло на небѣ солнце и палило землю своими огненными и жгучими лучами. Томилось и изнемогало, казалось, подъ ними все живое. Только міріады невидимыхъ созданій пѣли, стрекотали и жужжали вокругъ, не обращая вниманія на весь остальной міръ. Бабы и дѣвки расхаживали по лугу и ворочали траву. Бѣлыя рубашки на нихъ позеленѣли и до половины сдѣлались мокры. Дѣвки напѣвали про себя любезную свою пѣсенку:

«Травка-муравка зелененькая!
Тебя ли то, травка,
Высушимъ въ сѣнцо!
Мой любезный, мой родимый
Подарилъ мнѣ-ка кольцо.

Носи его, милая, носи, родимая,
Вплоть до самой нашей свадебки!»

Теперь дѣвки начали огребать траву и навивать ее на роспуски. Одна изъ нихъ, румяная, какъ маковъ цвѣтъ, завязала свою высокую грудь и такъ работала [1]). Забыла красавица, что не въ обычаѣ деревенскихъ нравовъ было работать съ подвязанной грудью, и не видѣла она, какъ всѣ изъ подтишка надъ ней посмѣивались. Василій, молодой парень, долго поглядывалъ на дѣвицу и все посмѣивался; наконецъ не вытерпѣлъ малый и, въ то самое время, какъ она захватила охапку зеленой травы, ударилъ ее сзади могучей рукой.

— Што ты, жидъ!—заорала дѣвка.

— Такъ, здорово, живешь, што въ гости не ходишь, къ себѣ не зовешь...

— Да што я те, пучеглазому, сдѣлала?

— Ничего. Я такъ-съ, Василиса Ивановна.

— То-то ничего!... Лѣшій ты эдакій!

Дѣвка не догадывалась.

— Послушай, дура, началъ Василій, ты рожать што ли собралась! Ишь брюхо-то подвязала? Знать хошь двойни — не держатся?

Застыдилась Василиса, еще пуще разгорѣлись ея щеки и она стала неловко рязвязывать платокъ.

— Вотъ давно бы такъ, сказалъ весело парень.—А то я мекалъ, што ты рожать на оврагѣ будешь!

Затѣмъ ужь послѣдовала полюбовная затрещина. Василиса засмѣялась.

Передъ вечеромъ пріѣхалъ самъ Еремей Пахомычъ, деревенскій староста.

— Богъ напомочь! сказалъ онъ.

---

[1]) Такъ, во многихъ мѣстахъ Владимірской губ., на покосѣ всѣ женщины работаютъ въ однѣхъ рубашкахъ.

— Богъ спасетъ!отвѣчали косцы.

Еремей Пахомычъ походилъ по лугу, поглядѣлъ, наказалъ, что нужно, своимъ работникамъ, и уѣхалъ обратно на село, въ гости къ старшинѣ.

— Што за жисть этимъ старостамъ! позавидовалъ Степанъ, когда Стручекъ удалился съ покоса.

Не завидуй, Степа, сказалъ Терентій Захарычъ, оттачивая свою зазубрившуюся косу.—Не гляди, что онъ бариномъ живетъ, да на совѣсти-то у него камень... А ты вотъ работаешь, даромъ что молодъ, за одно съ нами, пожалуй еще и получше большихъ, за то у тебя и на совѣсти чисто!

— Да вѣдь я это такъ, смѣясь молвилъ, Терентій Захарычъ, сказалъ парень:—што мнѣ завидовать Стручку! Слыхалъ я, какъ онъ наши-то мірскія слезы пьетъ... Одному я теперича дивлюсь, прибавилъ Степанъ:—какъ міръ давно его въ три шеи не прогонитъ? Вѣдь мы нонѣ вольные!..

— Всему время, промолвилъ серьезный мужикъ, пуская снова въ ходъ отточенную косу.—Міръ долго терпитъ, онъ привыкъ все терпѣть, потому—теменъ нашъ міръ! А настанетъ часъ воли Божіей, прозритъ міръ, ну, тогда и не сдобровать Стручкамъ... Всему время... Что это, опять на камень?

Терентій Захарычъ замолчалъ и сталъ поправлять косу. Но молодому парню по душѣ была рѣчь съ грамотнымъ мужикомъ, и онъ, немного погодя, снова заговорилъ:

— Хочется больно мнѣ, Терентій Захарычъ, грамоткой призаняться, началъ онъ.—Ужь очень я люблю, коли при мнѣ книжку читаютъ: такъ бы и слушалъ все!... Вонъ онамеднись племянникъ нашего попа книжку читалъ, такъ инды я и про корыванъ забылъ:—до того это все тамъ любопытно такъ!

— Что же, учись! Другой человѣкъ будешь, какъ выучишься.

— Я и то хочу, да теперича не свободно... Да што, Терентій Захарычъ, мужики у насъ говорятъ, што мнѣ ужъ поздно учиться? «Ты, говорятъ, вонъ какой шалаганъ, пора отцу женить тебя, а ты хочешь за азбуку!» Смѣются!

— Ну и пускай смѣются, а ты не гляди на нихъ. Знай свое дѣло — и конецъ! Учись, голубчикъ!..

День кончался, зажглись на лугу огни и опять принялись варить кашицу. Передъ ужиномъ выпили по стаканчику и какъ только поужинали, такъ мужики и бабы отправились по шалашамъ и телѣгамъ спать. Но парни и дѣвки спать не хотѣли; они гурьбой пошли къ лѣсу и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него разложили теплину.

На далекомъ западѣ догорала вечерняя заря. Кругомъ становилось все темнѣе и темнѣе. На небѣ одна за другой появились и замелькали серебряныя звѣздочки. Въ тепломъ воздухѣ разливался сильный запахъ свѣжаго сѣна. Съ юга дулъ тихій вѣтерокъ.

Вокругъ большой теплины сидѣла деревенская молодежь и глядѣла на разложенный огонь. Огонь то пробивался голубыми змѣйками сквозь сучья валежника, то вспыхивалъ яркимъ пламенемъ и несся кверху бѣлымъ столбомъ, то ослабѣвалъ и горѣлъ ровнымъ свѣтомъ. Лица сидѣвшихъ казались тогда какъ-то особенно блѣдны, почти мертвенно бѣлы.

— Какой лѣсъ-отъ черный! проговорилъ кто-то у огня.

— Ночь—оттого и черенъ, объяснилъ старостинъ работникъ, Панкрашка.

— Нѣтъ, это отъ огня больше, сказалъ Василій: — всегда онъ такимъ кажется, ежели сидишь около теплины... Это я не разъ замѣчалъ.

— А, чай, боязно теперетка въ лѣсу-то? спросила одна молодая дѣвушка, Паша.

— Говорятъ, онъ пужаетъ по ночамъ-то, сказала Дуняша.

— Што ему пужать-то! Онъ, поди, не колдунъ какой?

Степанъ молча слушалъ и подбрасывалъ въ огонь хворостъ.

— Слыхалъ што ли кто изъ васъ, робята, про курганы, што вонъ тамъ на оврагѣ стоятъ? спросила Василиса.

— Въ старину тамъ паны кочевали, отвѣчалъ Василій: — отъ нихъ и курганы эти.

— Это мы и сами давно знаемъ. А кто тамъ похороненъ?

— Ну, объ этомъ ты спроси у нашего пономаря, сказалъ Василій.—Онъ всѣ науки произошолъ и знаетъ, какъ свѣтъ зачался.

— Не-ужь знаетъ?

— Все! Особливо, ежели ты ему полштофъ сичасъ поставишь: такую онъ те премудрость тогда заведетъ, што голова даже помутится.

— Ну?!

— Вотъ-те и ну!

— Это Трифонычъ-отъ?

— Да, Трифонычъ! Вотъ ты и знай, каковъ онъ!

— Ахъ, матушки! удивлялись дѣвки.

Но Степанъ нашелъ, что и онъ не меньше Трифоныча можетъ удивить дѣвокъ. Онъ кинулъ еще на огонь сухую вѣтку и промолвилъ:

— А вотъ я и безъ Трифоныча знаю, што это у насъ въ оврагѣ за курганы. Хотите, разскажу?

— Разскажи, Степъ, разскажи! стали просить всѣ, не исключая и парней.

— Только ужь не больно ли страшно, такъ лучше не разсказывай! сказала Паша, дѣвушка не изъ храбрыхъ.

— Не бойсь, Пашутка! успокоилъ Степанъ. — Ну, теперича слушайте!

— Только ты, паря, не соври, сказалъ Василій: — ты, вѣдь, на это мастеръ!

Всѣ подвинулись къ молодому разсказчику.

— Давно это было, началъ Степанъ, пропуская мимо ушей

замѣчаніе пріятеля:—може годовъ сто, а може и двѣсти, а пожалуй и всѣ пятьсотъ—доподлинно не знаю. Только Росея наша и тогда ужъ была Росеей. Жили тогда господа, жили и мы, крестьяне,—только о тѣ поры всѣ крестьяне были господскіе... Ну, вотъ и жили они, а царемъ надъ ними въ то время былъ царь Навуходоносоръ.

— Какъ?

— Навуходоносоръ...

— Экое имя-то мудреное!

— Вотъ и царствовалъ этотъ Навуходоносоръ, продолжалъ Степанъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.—умный, робята, говорятъ, былъ этотъ царь Навуходоносоръ!.. Царствовалъ онъ такъ-то,—вдругъ на Росею нашу поляки! Ну, сичасъ же крестьянамъ объявили наборъ... Купцы и мѣщане понесли деньги, имущества... И поднялась тутъ, дѣвки, война,—страсть, какая война! Молите Бога, што васъ тогда тутъ не было—перемерли бы всѣ! Ну, вотъ война и пошла, и пошла... Пальба, дымъ—ничего не видать! Помѣщики всѣ испужались, барыни заплакали, барышни тоже... Только поляки на наше село Андреевское прямо! Ну, какъ тутъ быть? Бѣда! А ужь отъ царя Навуходоносора тутъ войско стоитъ: зналъ, што поляки на наше Андреевское пойдутъ. Поляки въ оврагъ, вотъ гдѣ мы теперича, засѣли тутъ и сидятъ... А въ то время, робята, близь Андреевскаго стоялъ господскій домъ, теперича его ужъ не видать, — большой домъ, ярусовъ въ шесть, а може и больше, весь каменный, со столбами. У барина этого находилась дочь. Раскрасавица, шельма, была эта барышня!

— А какъ ее звали? спросила Паша.

— Звали ее... Позабылъ, какъ ее звали! И сидѣла она, Настасья Васильевна,—да, вотъ она какъ прозывалась: Настасья Васильевна!.. И сидѣла она, Настасья Васильевна, въ самомъ верхнемъ ярусѣ и играла на варганѣ. Ну, а поля-

камъ въ оврагѣ смерть какъ соскучилось: все одни да одни, знакомства никакого, бабъ и дѣвокъ нѣту, кабакъ далеко, да и подойти къ нему никакъ невозможно. Ужь очень за него держались воины царя Навуходоносора! Вотъ, братцы, одинъ полячекъ, панокъ—молоденькій еще такой—и говоритъ: «пойду, говоритъ, я въ поле, разгуляюсь отъ скуки». Сказалъ это панокъ да и пошелъ гулять. А Настасья Васильевна такъ и заигрываетъ на варганѣ за версту все слышно. Услыхалъ панокъ, весь такъ и заторпыхался, захлопалъ это онъ въ ладошки и засмѣялся отъ радости. Настасья Васильевна къ окошечку, а панокъ скинулъ бархатный картузъ да ужь кланяется ей, да ужь кланяется! На другой день Настасья Васильевна опять играетъ на варганѣ. Панокъ тутъ! На третій день Настасья Васильевна опять играетъ на варганѣ... Панокъ тутъ!.. Ну и такъ они тутъ слюбовались, што ужасти! Баринъ ничего не знаетъ... Войско Навуходоносора все у кабака,—тоже ничего не замѣчаетъ... Придетъ ночь, те-м-мно!.. Барышня выбѣжитъ къ панку въ одномъ платьецѣ, да и гуляетъ съ нимъ, обнявшись, по полямъ да лугамъ. И смѣются оба, и цалуются, и плачутъ, ровно малые робятки! «Паночка моя, говоритъ панокъ нашей барышнѣ, я безъ тебя жить не могу». «И я, говоритъ наша барышня, умру, если ты покинешь меня»! Такъ они и любилися, а жениться имъ нельзя было: разной вѣры—она расейской, а онъ нѣмецкой... Только поляки сидѣли-сидѣли это въ нашемъ оврагѣ, да видятъ, што ничего не дождешься, и задумали дать тягу. Панокъ испужался, весь побѣлѣлъ, какъ полотно, и побѣжалъ къ барышнѣ. «Паночка, говоритъ, мы уходимъ отсюда!» Барышня наша, какъ услыхала это, кинулась на шею панку и обмерла вся... А погодя и говоритъ: «увези меня съ собой, панокъ! я помру безъ тебя»! Панокъ схватилъ ее въ охапку—она легонькая была, и кинулся съ ней въ лѣсъ бѣжать.

— Зачѣмъ въ лѣсъ? спросилъ Василій.

— А затѣмъ, што отъ своихъ панокъ отсталъ, и если бы онъ къ нимъ пришелъ, то они его убили бы за измѣну, не запинаясь, отвѣтилъ разсказчикъ.—Ну, и поселились они на время въ нашемъ лѣсу. Дома хватились барышни: гдѣ, гдѣ—нѣтъ нигдѣ! Баринъ разослалъ повсюду погоню... Войско Навуходоносора ударило въ барабаны, затрубили въ трубы... Мужики въ Андреевскомъ всѣ перепужались, бросились бѣжать въ пещеры: «погибаемъ! кричатъ:—нашихъ поляки берутъ»! А панокъ съ барышней живутъ въ лѣсу. Объ недѣлѣ, видно, эдакъ, панокъ получилъ отъ сродственниковъ письмо.—«Што ты, пишутъ ему сродственники, позабылъ насъ совсѣмъ! Мы по тебѣ соскучились, пріѣзжай какъ можно скорѣй домой»... Панокъ съ барышней и стали потихоньку выбираться изъ лѣсу... Идутъ, дѣвки, они оба ручка въ ручку, а на встрѣчу имъ старый баринъ съ ружьемъ. «А, такъ это ты, басурманъ, мою дочь загубилъ!» закричалъ баринъ и выстрѣлилъ изъ ружья прямо въ панка... Панокъ тутъ же такъ и упалъ, бѣдняжка, и ни однова не пикнулъ! Барышню старый баринъ схватилъ за косу и потащилъ домой, а панка велѣлъ зарыть въ оврагѣ, гдѣ кочевали паны...

— Ай, какъ жалостно! воскликнула Паша.

— Врешь все, Степка! сказалъ Василій, которому разсказъ показался не совсѣмъ правдоподобнымъ.

— И не зналъ, што дѣлать, старый баринъ, съ своею дочкой, продолжалъ Степка, не моргнувъ глазомъ. Сидитъ барышня ровно убитая; сама не плачетъ, а разводитъ только свои бѣлыя рученьки и такъ тяжело вздыхаетъ!.. Отецъ ей и пряниковъ, и орѣховъ каленыхъ—ништо не помогаетъ! Придетъ это ночь, улягутся всѣ, а она черезъ окошко да прямо въ лѣсъ. Ходитъ тамъ одна, горемычная, да и причитаетъ: «панокъ, родимый мой панокъ, милый!» Да такъ жалобно это она причитаетъ. А то заплачетъ, горько заплачетъ и зальется вся! И говорятъ, дѣвки, што весь лѣсъ тогда

плакалъ и жаловался—ужасть всѣхъ брала, кто слышалъ! Въ томъ же году барышня скончалась: сама ли она на себя руки наложила, али ужь такъ съ тоски померла,—Христосъ ее вѣдаетъ! Старый баринъ похоронилъ ее рядомъ съ панкомъ. И это вотъ на ихъ могилкахъ курганы-то стоятъ.

Степанъ кончилъ и всталъ.

— Все?

— Все. А разѣ вамъ мало еще?

— А што съ другими-то панами сталось? спросилъ Панкрашка.

— Домой всѣ ушли. «Царь Навуходоносоръ—говорятъ—силенъ: съ нимъ ничего не подѣлаешь». Взяли да и ушли.

И, сказавъ это, Степанъ пошелъ отъ теплины въ сторону.

— Да ты куда?

— Сичасъ вернусь. Посидите маленько!

Разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Всѣ сидѣли и молчали, долго молчали. Василій, менѣе другихъ довѣрявшій разсказчику, и тотъ не устоялъ, поддался общему впечатлѣнію. Такова ужь сила чудеснаго!

— Неужто все это и правда? спросила Дуняша.

— Надо полагать, все правда, отвѣчала Паша.

— Не думаю, чай, вретъ все, какъ сивый меринъ! сказалъ Василій.

Опять всѣ замолкли.

Степанъ не возвращался.

— Подемте спать, позвалъ Панкрашка, зѣвая во весь ротъ.

— А Степки нѣтъ?

— Придетъ.

— Да што онъ долго?

— А шутъ его знаетъ!

— Покличьте!

Кликнули. Отвѣта нѣтъ. Опять кликнули, тоже нѣтъ отвѣта.

— Куда онъ запропастился? заговорили тревожно парьни.

— Ужь не повстрѣчалось ли чего съ нимъ?

— Какъ жутко, дѣвоньки, произнесла Паша.

Въ лѣсу какая-то птица крикнула. Всѣ невольно вздрогнули.

— Ухъ, какъ лѣсъ-отъ страшно глядитъ! вскрикнула Паша и, поблѣднѣвъ, вся задрожала.

Лѣсъ дѣйствительно глядѣлъ теперь страшно. Весь черный и высокій, стоялъ онъ неподвижно надъ оврагомъ, какъ исполинъ какой, и словно грозилъ чѣмъ...

На нѣсколько секундъ у всѣхъ остановилось дыханіе. Слышно было, какъ слабо потрескивалъ на огнѣ сухой хворостъ да журчала рѣчка, струясь и ниспадая по камышкамъ. Вдругъ, посреди этой невыразимой тишины, раздался въ лѣсу жалобный дѣвичій плачъ.

— Што это? чуть слышно вырвалось у нѣкоторыхъ.

Плачъ въ лѣсу постепенно усиливался, становился все громче и громче, наконецъ перешелъ въ рыданія и всѣмъ ясно послышалось: «панокъ, родимый панокъ, милый панокъ!»

Всѣ моментально вскочили. Дѣвокъ била лихорадка, а парни съ ужасомъ глядѣли другъ на друга и не знали, что дѣлать.

— Господи, да гдѣ Степка-то у насъ? проговорилъ Василій.

— Степанъ! крикнулъ онъ громко.

Дѣвичій голосъ въ лѣсу замолкъ... Вдругъ черный лѣсъ весь захохоталъ и грянулъ: «Сте-е-панъ!».

Съ крикомъ и визгомъ кинулись всѣ отъ огня и побѣжали внизъ по рѣкѣ, а грозный лѣсъ гремѣлъ, хохоча имъ вслѣдъ: «держи ихъ, дер-ж-жи!»

Какъ добѣжали перепуганные и обезумѣвшіе отъ страха до того мѣста, гдѣ стояли телѣги и шалаши, такъ и грянулись всѣ на траву, и долго пролежали въ безпамятствѣ. Когда же очнулись, то къ ужасу увидѣли подъ одной телѣгой Степана, который спалъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ.

На другой день всѣ знали о ночныхъ чудесахъ лѣса. Ут-

ромъ на лугу только и разговоровъ было, что про страшный лѣсъ.

— Вотъ такъ лѣсокъ, говорили мужики: — што онъ творитъ!

— Да, лѣсокъ, нечего сказать!

— Теперича намъ, бабамъ, и подойти-то однѣмъ къ нему будетъ страшно, сказала сноха рыжаго мужика.

— Гдѣ однѣмъ теперича! Умрешь съ ужасти! рѣшили другія бабы.

Одинъ Терентій Захарычъ отнесся скептически къ ночнымъ продѣлкамъ лѣса. Онъ не вѣрилъ, чтобы какая-нибудь нечистая сила водилась въ лѣсу и пугала крещеный людъ. А Степка все что-то улыбался про себя и говорилъ вслухъ:

— Да, нечистъ у насъ этотъ лѣсокъ, нечистъ!

Но отъ Терентія Захарыча не ускользнуло Степкино коварство. Замѣтя, что тотъ все улыбается, онъ сказалъ:

— Степанъ!

— Ась?

— Вотъ что: вѣдь это твои штуки-то въ лѣсу были...

Степанъ разсмѣялся.

Но никто и вѣрить не хотѣлъ Степану. Всѣ крѣпко стояли на томъ, что съ молодежью чортъ такъ пошутилъ, а не Степка: гдѣ ему, молокососу!

— Да вѣдь ты дрыхнулъ вчера, какъ мы прибѣжали, допытывался Василій.

— Вона! смѣясь, говорилъ Степка: — я, поди, видѣлъ, какъ вы всѣ бросились, ровно безумные! Я тоже кинулся вамъ по слѣдамъ, прибѣжалъ къ телѣгамъ, а вы ужь вверхъ рѣшкой лежите. Я тихимъ манеромъ и залѣзъ подъ телѣгу, да и притворился, што сплю.

— Ахъ, чортъ!

Мало по малу однако повѣрили и другіе.

— Ай да Степка! хвалили удалаго парня мужики. — Задалъ всѣмъ страху! Молодецъ!

— Ну, штуку же ты съ нами удралъ! съ тономъ укоризны говорили товарищи, но въ то же время какъ будто и удивлялись ему, думая: «тебя на что, чорта, не станетъ!»

— И про пановъ, Степка, ты выдумалъ? захотѣла узнать Паша.—Все, значитъ, не правда?

— Нѣтъ, тутъ отъ слова до слова все правда! сказалъ Степка:—это еще мнѣ покойница баушка Мавра разсказывала. Она—царство ей небесное!—много всего про старину знала...

На селѣ ударили въ большой колоколъ. Глухо отозвался этотъ ударъ въ оврагѣ и заставилъ мужиковъ уронить косы. Вздрогнули мужики и перекрестились.

— Должно, попы обѣдню собрались служить, проговорилъ лысый мужикъ, обтирая травой косу.

— Да што, робя, какой нонѣ праздникъ-отъ?

Никто не зналъ, какой праздникъ.

Иванъ Потапычъ выбѣжалъ изъ оврага, поднялся наверхъ, взглянулъ въ сторону родной деревни и увидѣлъ надъ ней облако дыма. Подкосились ноги у Ивана Потапыча и зашатался онъ наверху, точно пьяненькій...

— Православные! Мы... горимъ! прохрипѣлъ онъ задыхающимся голосомъ и покатился внизъ.

Кинулись всѣ изъ оврага. Кто успѣлъ,—сѣлъ на лошадь, кто не успѣлъ—такъ бѣжалъ. Жена дяди Егора вскарабкалась на кругь оврага, охнула да такъ тутъ и осталась: отъ испугу потемнѣло у ней въ глазахъ, а ноги отказались бѣжать.

А пожаръ въ Голопузовѣ между тѣмъ усиливался. Едва пламя обхватило крышу первой избы, какъ огонь перебѣжалъ къ сосѣду; только-что занялась сосѣдняя изба, а пламя уже перемахнуло на середину посада и загорѣлась новая изба... Вотъ, точно свѣчка, затеплилась избенка Ивана Потапыча, тутъ запылалъ высокій съ подклѣтомъ домъ зажиточнаго мужика, а тамъ ужь огонь пошелъ гулять и по всему посаду. По нагрѣвшейся соломѣ быстро пробѣгало пламя, а изъ со-

ломенныхъ крышъ выскакивали огненные языки и словно дразнили кого... Вверху надъ самымъ пожаромъ кружились голуби и не знали, куда летѣть; они долго кружились, всѣ бѣлые и облитые яркимъ свѣтомъ: то скроются, пропадутъ изъ глазъ за облакомъ дыма, то опять покажутся и заблестятъ, засіяютъ въ поднебесьи. А въ озаренной пожаромъ улицѣ все пустынно, все безмолвно... Однѣ собаки, взрывая подъ собою землю, поднимутъ на пожаръ головы и завоютъ. На противоположной сторонѣ виднѣлись въ кучкѣ ребятишки, съ нѣмымъ ужасомъ глядѣвшіе на страшную картину деревенскаго бѣдствія. Какъ привидѣнія, мѣстами возставали передъ огнемъ старческія фигуры, въ безсиліи размахивая дряхлыми руками...

Но вотъ деревня стала наполняться живыми людьми. На помощь со всѣхъ сторонъ бѣжалъ и скакалъ народъ. Поднялся крикъ, вой, стонъ.. Ребятишки, заслыша бабъ, тоже принялись ревѣть. Всѣ бѣгали, суетились и ничего не дѣлали.

— Купину, Купину! закричалъ рыжій мужикъ, къ избѣ котораго огонь начиналъ ужъ подступать.

— Тащите мученика Трифона! слышались голоса.

Терентій Захарычъ, Степанъ и другіе парни кинулись по избамъ таскать имущество. Бабы вынесли иконы: Неопалимую Купину и мученика Трифона. Онѣ тихо рыдали и молились вслухъ:

— Трифонъ мученикъ... Матушка, Купина! . Помилуй насъ, Купина!.. Угодникъ Божій, Трифонъ!.. Купина преподобная!.. Антипій, зубной исцѣлитель!.. Господи!..

Мужики ужь больше не бѣгали и не суетились; они молча стояли и глядѣли, какъ пламя разрушаетъ ихъ богатство — избы. Еремей Пахомычъ, въ качествѣ старосты, напрасно возвышалъ свой голосъ:

— Што жь вы, православные, стоите? Спасайте имѣнье-то!

Никто ни слова.

— Што-же? Али и для себя нѣтъ охоты постараться!

— Да што тутъ стараться-то, отвѣчали мужики:—домовъ мы не спасемъ, а прочее-то што!..

— Матушка Купина! Чудотворецъ Трифонъ... отврати... Ангелъ Хранитель... Честная Купина!.. Никола... Трифонъ! молились бабы и глотали катившіяся по лицу слезы.

Вдругъ дядя Егоръ, взглянувъ на свою уже объятую пламенемъ избу, страшнымъ голосомъ вскрикнулъ:

— Батюшки! вѣдь у меня въ избѣ-то ребятишки!

Всколыхнулись всѣ отъ голоса дяди Егора. Мужики кинулись въ разныя стороны, закричали, замахали неистово руками—и только...

— Родимые, болѣзные, умолялъ прерывающимся голосомъ Егоръ,—спасите!.. Погибнутъ... Сгорятъ!..

Мужики изъ кожи лѣзли вонъ, стараясь помочь грозившей бѣдѣ: они еще пуще стали кричать, заметались изъ стороны въ сторону и даже въ попыхахъ опрокинули бабу съ мученикомъ Трифономъ...

— Ай! взвизгнула баба.

— Спасай, робя, спасай проворнѣй!

Кто-то притащилъ кочергу, выброшенную изъ избы, другой лѣстницу, третій ведро съ водой...

— Ну, лѣзь! раздались голоса, когда лѣстницу приставили къ избѣ.

— Лѣзь! Да какъ ты полѣзешь? говорилъ мужикъ, стоявшій у лѣстницы. — Чай, тамотка огонь: поди спалитъ всего!

— Ахъ, лѣшій! Много тебя спалитъ: обожжетъ малость какую, и все!

— Ладно! Полѣзай это самъ, коли есть охота.

Дядя Егоръ стоялъ какъ одеревенѣлый и не понималъ, что около него происходитъ. Однако при послѣднемъ словѣ онъ пришелъ въ себя.

— Господи! простоналъ мужикъ и повалился на землю.

Явился Степанъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ вырвалъ у Еремея Пахомыча топоръ, бросился къ лѣстницѣ, проворно взобрался, вышибъ раму и пропалъ въ окнѣ. Минуты черезъ двѣ Степанъ снова показался въ дыму, держа въ охапкѣ мальчика и дѣвочку.

— Примите! крикнулъ онъ.

Къ нему на помощь явился Василій. Сдавъ ребятишекъ, Степанъ опять исчезъ. Между тѣмъ, крыша на избѣ давно прогорѣла, сгнившій потолокъ не вынесъ тяжести и обрушился. Густой дымъ такъ и повалилъ изъ прошибеннаго окна.

Съ покоса притащилась жена Егора. Поглядѣвъ на кучку ребятишекъ, стоящихъ особо отъ большихъ, она съ неимовѣрной быстротой проскользнула сквозь толпу, кинулась къ лѣстницѣ и хотѣла уже лѣзть. Но тутъ выискались смѣлые мужики, которые оттащили ее и указали на спасенныхъ дѣтей. Мать и дѣти радостно и съ плачемъ кинулись другъ къ другу.

— Мамка!

— Сердечные вы мои... Живы!

Пожаръ не утихалъ. Ужь половину деревни обхватило огнемъ, пламя такъ и рвало, такъ и метало. Народъ сгрудился передъ Егоровой избой и ждалъ, когда вылѣзетъ на волю Степка. Изъ прошибеннаго окна по прежнему валилъ густой черный дымъ. Степанъ не показывался.

— Што онъ тамъ замѣшкался? послышалось въ толпѣ.

— Эй, Степанъ, а Степанъ! начали звать мужики: — пора!... Вылѣзай!.. Сгоришь вѣдь, чортъ ты эдакой!...

Но Степанъ не вылѣзалъ.

Въ толпѣ опять заговорили:

— Пропалъ, видно!

— Задохся парень!

Постояли еще, поглядѣли и махнули всѣ рукой.

— Царство ему небесное! проговорили мужики и принялись креститься.

— Примите святыню! раздался голосъ изъ окна и затѣмъ въ дыму показалась фигура Степана. Одной рукой парень закрывалъ глаза, а другой придерживалъ двѣ иконы. Мужики встрепенулись.

— Глянька, вѣдь это Степка!

— И то! Не сгорѣлъ, значитъ!

Степанъ спустился на землю.

— Ай да Степка, молодецъ!

— Э! да какъ у те рожа-то вся потускла!

— Святыню захотѣлось спасти, промолвилъ опаленный малый, дуя изо всей силы на обожженныя руки.

Обгорѣвшія избы обрушивались. Черезъ полчаса пожаръ кончился: огонь дошелъ до широкаго переулка и остановился на крайней избѣ.

Тутъ раздался скрипъ телѣги и передъ глазами всей деревни явилась пожарная труба, которую везли на одной высокой и до невѣроятности чахлой лошади. Какъ въѣхала пожарная команда въ деревню, десятскій, стоявшій у трубы, во весь голосъ грянулъ:

— Воды, воды скорѣе!

— Опоздалъ, Никифорычъ, опоздалъ, заговорили мужики.

— Ничего! Мы свое еще успѣемъ сдѣлать... Воды, воды скорѣй! кричалъ Никифорычъ.

II.

ПОСЛѢ ПОЖАРА.

Горько плакалась на судьбу свою Матрена; лежала она на потоптанной травѣ и громко жаловалась:

— Охъ-охъ, житье наше безталанное!.. Куда мы головушку свою дѣнемъ?.. Ничего, ничего-то у насъ нѣту-ти! Охъ, горькіе мы, горькіе!..

Отъ крестьянскихъ избъ остались однѣ головешки, которыя продолжали еще дымиться, да кое-гдѣ стояли наполовину уцѣлѣвшія печи, казавшіяся такими печальными да тоскливыми. Мѣсто, гдѣ прошелъ огонь, превратилось въ черный пустырь. Вездѣ лежала раскиданная движимость, состоящая изъ разнаго тряпья, рѣшетъ, кадокъ, иконъ, съ нераспознаваемыми на нихъ ликами святыхъ, и пр. Бабы разбирались въ этомъ добрѣ и выли. Мужики столпились около пожарной трубы.

— Ни спала, ни видѣла, какъ снѣгъ на голову бѣда пришла, убивалась Матрена. — Охъ, што намъ теперича дѣлать!

Она хотѣла встать, но опять повалилась, сѣла, прижала къ колѣнямъ голову и все-то жаловалась, и не знала, какъ помочь лютой своей бѣдѣ.

Иванъ Потапычъ подошелъ къ женѣ. Его рябое лицо, и безъ того худое, вовсе теперь осунулось и вытянулось, жиденькая бороденка висѣла сосульками, а на щекахъ не пропали еще пятна отъ недавнихъ слезъ. Онъ зашелъ спереди Матрены и остановился; въ рукахъ у него была мутовка. Долго стоялъ рябой передъ женою, оплакивавшей свою злую судьбу; наконецъ собрался онъ съ силами и заговорилъ:

— Матрена... Матрешь, полно!.. Ну, што ревѣть-то, дура?.. Будетъ!

Слова мужа еще подлили горечи.

— Охъ, Господи! надсажалась Матрена.—Бѣлянушка, голубушка! придешь ты ужо изъ стада, гдѣ тебѣ, кормилицѣ, ночь ночевать будетъ?

— Ну, да што... пра, говорю, перестань! успокоивалъ Иванъ Потапычъ.

Матрена вскинула голову, поглядѣла на мужа и съ такимъ порывомъ отчаянія снова опустила ее, что даже слышно было, какъ голова стукнулась о колѣни.

— Ничего... поправимся, утѣшалъ мужъ.—Еще слава Богу, осталось кое-што .. Глянь-ка ты, што я те покажу!

Матрена подняла голову.

— Мутовочка! сказалъ Иванъ Потапычъ, показывая женѣ мутовку, и сказалъ такимъ голосомъ, что словно у него въ рукахъ не вѣсть какое сокровище.

— Ахъ, да уйди ты съ глазъ моихъ! вскинулась на него баба.—Господи! да за што ты это только меня наказываешь?..

Десятскій Никифорычъ, стоя у пожарной трубы, говорилъ мужикамъ:

— Ежели бы теперя не я, да не энта самая машина, — прощай Голопузово!—ни единаго то есть кола бы не осталось! Сичасъ издохнуть!

— Ну, это ты, братъ, врешь, сказалъ лысый мужикъ.— Ты коли пріѣхалъ? добавилъ онъ, обращаясь къ Никифорычу.

— Это все едино: коли не пріѣхалъ, да пріѣхалъ! А вамъ не грѣхъ бы меня водочкой поподчивать.

— За што?

— Какъ за што? А кто деревню-то спасъ?

— Не ты ли ужъ это спасальщикъ-атъ?

— А то кто же? Извѣстно я! Вы теперь, міряне, какъ думаете на счетъ эвтово дѣла, повелъ рѣчь Никифорычъ ко

всѣмъ мужикамъ: — нѣшто ножаръ бы притихъ, ежели бы я съ огнегасительной не пріѣхалъ? а?

— Да вѣдь погорѣло ужь все, какъ ты наѣхалъ, отвѣтилъ одинъ изъ пожарныхъ, по прозванью Зайчикъ.

— Какъ есть все! подхватили мужики.

— То-то вотъ и дѣло, што вы ничего не понимаете, просвѣщалъ Никифорычъ мужиковъ. — Разѣ вы никогда отъ ученыхъ людей не слыхали, што какой-бы гдѣ страшенный пожаръ ни былъ, а какъ только эвту огнегасительную двинутъ съ мѣста,—хоть бы она за десять верстъ была отъ пожара,— тою же минуту пожаръ кончится: огонь ее по вѣтру слышитъ.

— Не слыхали, диковина! говорили мужики.

— А ты, Никифорычъ, по вѣтру, али другимъ манеромъ слышишь водку? вставилъ свое слово Степанъ.

— Мало тебѣ, Степка, рожу-то опалило! накинулся десятскій на Степана.—Погоди, сгоришь еще коли-нибудь, подлецъ!

— А ты на што? Чай, дашь, вѣдь, помощь-то по вѣтру!

— Отъ чего это у насъ деревню спалило? слышались голоса.

— Да глядѣть, подложили со стороны?

— Безпремѣнно. Кромѣ—не отъ чего!

Терентій Захарычъ разговаривалъ съ дядей Егоромъ.

— Плохо дѣло, Егоръ Кузьмичъ, говорилъ онъ погорѣвшему мужику:—остались безъ ничего... Ты ребятокъ своихъ веди ко мнѣ въ избу, да и скотинку-то вели на мой дворъ загнать. А тамъ, послѣ покоса, и самъ просимъ милости-мѣсто будетъ!

— Спасибо, Терентій Захарычъ, промолвилъ дядя Егоръ.— Сами-то мы пока какъ-нибудь перебьемся, а ребятишекъ-то ужь не оставь... Эхъ, наказанье Божье!.. Скажи, Терентій Захарычь, за што это насъ Богъ наказываетъ?

— Богъ ни кому зла не дѣлаетъ, отвѣчалъ Захарычъ:—

онъ щедръ и многомилостивъ... Правда, безъ власти Господней ни единъ волосъ съ головы человѣческой не спадетъ, вездѣ Его святая воля!

— Не ребятенки ли ужь, какъ играючи, подожгли? пускалась въ догадки жена Егора.

— Нѣту, тетушка, мы огнемъ не играемъ, вступилась за всѣхъ случившаяся тутъ Пашка: — мы все въ прятки да въ ловички играемъ!

— Это, я полагаю, пастухи, сказалъ рыжій мужикъ:— отъ нихъ, шельмовъ, скоро житья намъ не будетъ. Глядѣть, они-то и подожгли.

— Ну, имъ поджоги нашто дѣлать, замѣтилъ Терентій Захарычъ.

— Нѣтъ, ужь это вѣрно, настаивалъ рыжій.

Дѣйствительно, трудно было узнать о причинѣ пожара. Загорѣлась изба, въ которой не было ни души, и понятно, что голопузовцы, послѣ разныхъ догадокъ и соображеній, пришли къ тому, что былъ поджогъ, и ни отъ кого, какъ отъ пастуховъ.

— Такъ неужели же, братцы, за всѣ мои старанія, отъ васъ и награжденія мнѣ никакого не будетъ? продолжалъ усовѣщивать Никифорычъ.

— Прохъ Никифорычъ, заговорилъ нетерпѣливо мужикъ, пріѣхавшій съ пожарной трубой изъ Андреевскаго,—поѣдемъ! Ты знаешь, какая нонѣ пора-то: всякій часъ дорогъ. Поѣдемъ!

— А для меня разѣ не дороги часы-то, а? началъ строго Никифорычъ, обращаясь къ мужику.—Да ты какъ же однако смѣешь такъ говорить со мной? продолжалъ десятскій.—Ты нѣшто не знаешь, што начальство всегда почитать должно? За грубости эвти повиненъ ты теперя мнѣ полштофъ купить!

— Ладно, полштофы-то мы и сами тоже любимъ, отвѣчалъ мужикъ.

— О тебѣ и словъ нѣтъ. Мнѣ долженъ выставить!

— Выставлю, только, сдѣлай милость, поѣдемъ въ село поскорѣе!..

Но на счастье Никифорыча, половина голопузовцевъ рѣшили, что сегодня о покосѣ и думать нечего: что Богъ дастъ завтра, а сегодня надо идти провѣдать хорошаго человѣка, Ивана Николаева.

— Можетъ, што тамъ и узнаемъ про поджогъ, говорили нѣкоторые.

— А больше всего выпить надо, напрямикъ объявили другіе.

— Безпремѣнно надо! весело ободрялъ благое намѣреніе мужиковъ десятскій.—Какже послѣ такой страшенной планиды, да и не выпить? Садись, кто слабже ногами, ко мнѣ на машину! Подвезу!

На предложеніе Никифорыча мужики всѣ полѣзли на телѣгу.

— Нехристи! озлился на голопузовцевъ мужикъ, исправлявшій обязанность возницы: — нѣшто экой грузъ подъ силу животу-то? Слѣзьте!

— Ничего, всѣхъ свеземъ! кричалъ Никифорычъ.

— Эко, Никифорычъ, какъ ты падокъ на чужое-то винище, замѣтилъ Степанъ:—радъ лошаденку замучить, благо не своя. И не совѣстно тебѣ опивать погорѣлыхъ?..

— Ну, ужь ты, Степка, погоди, я тебѣ припомню! Помяни ты мое слово: пропадешь, сгоришь, подлецъ! грозилъ Никифорычъ.

Былъ полдень. Весело сіяло на небѣ солнце, разливая по всей землѣ ослѣпительный свѣтъ и оставаясь безучастнымъ къ людскому горю. Бѣлыя облака, насквозь пронизанныя солнечными лучами, стояли на прозрачномъ голубомъ небѣ; незамѣченныя они пришли откуда-то и остановились, стали неподвижно на мѣстѣ, какъ будто застыли; а вдали, на самомъ

краю горизонта, поднималась цѣлая группа большихъ облаковъ, но уже не бѣлыхъ, а темныхъ и хмурыхъ.

Цѣлая ватага, предводительствуемая Никифорычемъ, ввалила въ кабакъ. Съ выраженіемъ сердечнаго соболѣзнованія встрѣтилъ голопузовцевъ цѣловальникъ, Иванъ Николаевичъ.

— Ахъ, какое несчастіе! Ахъ!... зачастилъ цѣловальникъ.—Садитесь, садитесь, мужички! Что же это за напущеніе божеское на васъ? Вдругъ, нечаянно... Ахъ, Создатель! И въ какое время-то, въ самый покосъ!.. Вамъ винца што ли? Извольте, извольте!.. Экое несчастье!.. Ахъ, господа голопузовцы...

— Сколько же вы, міряне, полагаете взять? прервалъ сердечныя изліянія цѣловальника Никифорычъ.

— Да сколько, промолвилъ лысый мужикъ:—надо четверку. Отпустишь, Иванъ Миколаичъ?

— Съ моимъ удовольствіемъ! Извольте... Деньжонки сичасъ отдадите, или послѣ?

— Вѣстимо, послѣ. Какія тебѣ теперича деньги!

— Міряне, возьмемъ-те полведерка, посовѣтовалъ десятскій.— Ей Богу, вамъ теперя, при этакой-то горести большой, и полведра не хватитъ!

— Ну, сперва четверку-то разопьемъ.

Въ кабакѣ сидѣлъ какой-то посѣтитель. На видъ ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ загорѣлымъ лицомъ, съ длинными русыми волосами, на которыхъ лежалъ слой пыли, и такою же бородою; одѣтъ былъ незнакомецъ въ длинный нанковый кафтанъ, значительно пострадавшій отъ долговременнаго ношенія, и подпоясанъ кожанымъ ремнемъ. На столѣ передъ нимъ стояла косушка, подлѣ которой лежала суконная шапочка и кожаная съ ремнемъ котомка.

Рыжій, взглянувши на незнакомаго посѣтителя, отозвалъ въ сторону цѣловальника и тихо спросилъ:

— Штѳ это у тебя, Миколаичъ, за человѣкъ тутъ сидитъ?

— А Богъ его знаетъ! Должно быть, прохожій какой... А что?

— Такъ... Глядѣть, это поджигатель-отъ самый и есть, рѣшилъ вдругъ рыжій.

— Какой поджигатель! Да онъ и идетъ-то не со стороны вашей деревни, а отъ Андреевскаго.

— Ну, значитъ, не то... Однако, надо его повыспросить.

Голопузовцы ужь присусѣдились къ четвертной посудинѣ. Никифорычъ успѣлъ стаканчикъ выпить.

— Гаврилычъ, поди! кликнули рыжаго мужики.

Странникъ вылилъ изъ стклянки остатокъ водки въ стаканъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, неторопливо выпилъ и тяжело вздохнулъ. Затѣмъ съ грустью возвелъ онъ свои очи на четвертную посудину и испустилъ новый вздохъ.

— О чемъ, странній человѣкъ, вздыхаешь? обрадовался случаю рыжій мужикъ, чтобы начать выспрашиваніе незнакомца.

— Охъ! вздохнулъ снова странникъ:—скорблю я и сѣтую, человѣкъ честной, о напастяхъ и невзгодахъ людскихъ, сказалъ странній человѣкъ и поникъ головой.

Мужики оборотились всѣ къ страннику и уставились на него глядѣть, а Никифорычъ, пользуясь столь благопріятнымъ случаемъ, незамѣтнымъ образомъ изловчился не въ очередь налить себѣ стаканъ и выпилъ.

— Божій человѣкъ, значитъ! сказалъ онъ вслухъ и тутъ же сейчасъ убралъ цѣлый огурецъ.

— Съ чего же ты печалишься? спросилъ рыжій у странника.

— Какъ съ чего, человѣче?!.. востосковался божій человѣкъ, вознося свое скорбью исполненное лицо то на мужиковъ, то на посудину:—страна наша часъ отъ часу нищаетъ, грады и веси огнемъ попаляемы, нивы и злаки добрые градомъ побиваетъ... Охъ, могу ли я не скорбѣть и не сѣтовать! заключилъ странникъ и испустилъ вздохъ на весь кабакъ.

Мужикамъ становилось жалостно, но никто ничего не понималъ.

— Божій человѣкъ! проговорилъ Никифорычъ, нагнувшись къ собесѣдникамъ. — Наливай, Иванъ Потапычъ, наливай! присовокупилъ онъ тоже не безъ грусти, видя, что изъ сосуда все убываетъ.

— Откуда же ты, добрый человѣкъ, путь держишь? продолжалъ спрашивать Гаврилычъ, но далеко уже не такъ подозрительно, какъ сначала.

— Былъ я, человѣче, во славномъ градѣ Костромѣ, поклонился тамъ чудотворной иконѣ Ѳеодоровской Божьей матери, а теперь направляю грѣшныя стопы своя во святой градъ Іерусалимъ. Слыхалъ ты, рабъ Христовъ, про сей великій градъ?

— Какъ не слыхать, слыхалъ. А ты въ первой туда идешь?

— Нѣтъ, Царь небесный ужь дважды сподобилъ меня посѣтить градъ Христовъ, а теперь гряду въ третій. О-охъ!

— Сысой Гаврилычъ, заговорилъ таинственно Никифорычъ, вытягиваясь черезъ столъ и нагибаясь къ рыжему мужику:—какъ же эвто мы сидимъ, бражничаемъ, а Божій человѣкъ—онъ може въ святые скоро угодитъ!—сидитъ тутъ въ одиночествѣ и глядитъ на насъ съ печалью? Надо ему поднести!

— И то дѣло, согласился Гаврилычъ. — Странній человѣкъ! не хочешь ли ты съ нами выпить?

Странній человѣкъ съ кротостью взглянулъ на предлагавшаго и смиренно отвѣчалъ:

— Богъ спасетъ, рабъ Христовъ, на твоемъ предложеніи брашна. Выпилъ я здѣсь двѣ малыя чарочки, и довольно...

— Ахъ, што ты, Божій человѣкъ, говоришь! возопилъ Никифорычъ, приходя въ отчаяніе за новую четверть.—Да ты знаешь ли, може черезъ тебя Господь намъ милость великую пошлетъ? Какъ же ты отказываешься? Подойди и выпей.

Странникъ приподнялся.

— Велику ты, человѣче, честь воздаешь мнѣ! съ должнымъ смиреніемъ произнесъ онъ, приближаясь къ брашну:— недостоинъ я, грѣшный, токовыхъ похвалъ ниже отъ человѣковъ, ниже отъ скотей и всякой твари земной... Да будетъ по глаголу твоему, прибавилъ странникъ, принимая стаканъ и обращая глаза на образъ, свѣтившійся въ переднемъ углу.

Никифорычъ торжественно обвелъ глазами компанію и проговорилъ:

— Божій человѣкъ!

— Присядь къ намъ, странній человѣкъ, сказалъ Гаврилычъ, давая мѣсто рядомъ съ собою.

Странникъ молча поклонился и присѣлъ.

— Міряне честные, заговорилъ нѣсколько нерѣшительно Никифорычъ,—съ нами теперя сидитъ человѣкъ, кой всю святую землю своими ногами исходилъ. Потребуете другу четверть?

— Што-жь, можно и другую.

— Иванъ Миколаичъ! еще четверку! велѣлъ Сысой Гаврилычъ.

Иванъ Николаичъ, несмотря на то, что мужики у него пили въ кредитъ, не отказалъ въ требованіи гостей: онъ хорошо зналъ, что его никогда и ни за кѣмъ не пропадетъ.

— Закусочки тоже, Иванъ Миколаичъ, подай, распоряжался Никифорычъ: — огурчиковъ, капустки, ну и рыжиковъ, али груздочковъ, ежели у тебя есть!..

Сельскій мужикъ, также не забытый погорѣлыми, вспомнилъ однако, что пора отправляться въ Андреевское.

— Прохоръ Никифорычъ, поѣдемъ! сказалъ онъ десятскому.

— Што ты, што ты, нечестивецъ, говоришь! почти съ испугомъ закричалъ на мужика десятскій.—Къ намъ въ компанью такой человѣкъ вошелъ, а ты вздумалъ домой звать? Поѣзжай, коли хочешь, одинъ, а я—гори тамъ все Андреевское!—ни за што теперя не поѣду.

— Ну, такъ я одинъ поѣду. Прощайте, добрые люди!

— Ты только, смотри у меня! осторожнѣе будь, наказывалъ десятскій возницѣ. — Боже тебя сохрани, ежели ты да какъ попортишь эвту огнегасительную! На вѣки пропала твоя голова!

Вторая четверть пошла по рукамъ. Голопузовцы забыли про недавнюю бѣду, водка на время выгнала тяжелое воспоминаніе изъ головъ, всѣ бесѣдовали съ самымъ беззаботнымъ видомъ и слушали печальника за землю русскую. Одинъ Иванъ Потапычъ, успѣвшій скоро захмѣлѣть, подперъ обѣими руками свою горемычную голову и безсмысленно глядѣлъ на столъ. Въ открытое окно кабака несло, точно изъ раскаленной печи.

—... И плыли мы по морю-окіану, рабы Христовы, разсказывалъ странникъ, пропустивъ уже стакана три.—На кораблѣ все были странники и богомольцы. Плыли мы два мѣсяца денно и нощно и не видѣли передъ собою ни единаго клочеца земли — кругомъ одна вода, вездѣ окіанъ-море. Плыли еще долго и увидѣли, что нашъ корабль въ пучину морскую несетъ. Восплакали тогда всѣ странники и богомольцы.—Господи, не дай ты намъ, грѣшнымъ, безъ покаянія погибнуть, возопили на кораблѣ всѣ гласомъ великимъ... Охъ, рабы Христовы, страшно, вельми страшно!

— Выпей, Божій человѣкъ, выпей! торопился утѣшить скорбь странника Никифорычъ, наливая ему стаканъ, при чемъ не забылъ и себя.

Странникъ перекрестился и выпилъ.

— И бысть тьма на окіанъ-морѣ, продолжалъ странникъ,—такая тьма, что ни единаго лица человѣческаго невозможно было разсмотрѣть на кораблѣ... Поднялась ужасная буря, загремѣлъ по всему небу громъ и забушевало окіанъ-море. Всѣ мы тутъ, грѣшники, пали ницъ и съ часу на часъ ждали себѣ лютой смерти... Вдругъ ударила молнія, разверзлись небеса и послышался намъ гласъ самого Саваоѳа: «воз-

станьте, окаянные!» Но ни одинъ человѣкъ не дерзнулъ главы своя подняти: всѣ лежали ницъ, яко мертвые. Тутъ,—не сочтите, рабы Христовы за похвальбу или кичливость,—гласъ Саваоѳа, сугубо возгремѣлъ: «Хотѣлъ, говоритъ,—погубить васъ, злоязычное племя Каина, но ради единаго праведника моего, Иларіона, помилую всѣхъ!..» И ту же минутую, рабы Христовы, все утихло, просіялъ свѣтъ и корабль нашъ присталъ къ святому граду Іерусалиму...

— Кто же такой это былъ у васъ Ларивонъ? спросилъ рыжій мужикъ,

Странникъ потупился.

— Меня, грѣшника, симъ именемъ нарицаютъ, съ невыразимымъ смиреніемъ и кротостью отвѣтилъ странникъ.—Только я, по грѣховности своей, не смѣю сей гласъ божій на свой счетъ принять, добавилъ смиренный Иларіонъ.

Всѣ выпучили глаза на праведника. А цѣловальникъ, прислушивавшійся къ разговору, махнулъ рукою за перегородку женѣ.

— Божій человѣкъ, праведникъ! закричалъ внѣ себя Никифорычъ:—пей, пей ты больше! Никто изъ васъ, слушаючи такія слова, теперя не достоинъ пить съ тобою...

И Никифорычъ, превратившись весь въ самоотверженіе, подъ вліяніемъ благоговѣйнаго чувства къ праведнику, стремительно налилъ стаканъ и, позабывшись, моментально выпилъ самъ.

Цѣловальникъ, когда къ нему вышла изъ-за перегородки жена, въ полголоса сказалъ:

— Послушай-ка, жена! давишній прохожій какія исторіи разсказываетъ... Я полагаю, что, ради этихъ исторіевъ, голопузовцы скоро затребуютъ еще четверть: ужь очень они занялись прекрасно. Присядь немного да послушай: ужь очень любопытно!

— Что ему не разсказывать, проговорила цѣловальничиха,

посмотрѣвъ на водку и закуску, стоящую передъ мужиками: — вѣдь около этого вина куда хорошо!.. Вишь, какъ раскраснѣлся, ровно зарево! прибавила она, взглянувъ на странника.

А странникъ разсказывалъ все про святыя мѣста, какія онъ посѣтилъ, да различныя чудеса, очевидцемъ которыхъ Господь сподобилъ его быть въ сей грѣховной жизни. И по мѣрѣ того, какъ передавались чудеса, странникъ глубоко вздыхалъ и прикладывалъ десницу къ стклянницѣ, въ чемъ онъ превзошелъ всѣхъ голопузовцевъ, которые до того заслушались сладкихъ разсказовъ, что даже позабыли и про водку. Одинъ Никифорычъ, видя, какъ подвизается великій праведникъ, подвизался и самъ: онъ то и дѣло наливалъ стаканъ и безпрестанно твердилъ:

— Божій человѣкъ, Божій человѣкъ!

— Ну, а какъ много мощевъ въ Ерусалимѣ? освѣдомился рыжій Сысой.

— Много, много и честныхъ мощей во святомъ градѣ, отвѣчалъ странникъ.—Одни угодники опочиваютъ на вскрытіи, другіе—подъ спудомъ. Великое благоуханіе отъ нихъ исходитъ.

— Слышишь? шептались за стойкою.

— Слышу!

— Какіе же тамъ угодники опочиваютъ, странній человѣкъ?

— Разные... разные святители и сподвижники, кои вели свою честную жизнь по заповѣдямъ Господнимъ. Пребываютъ въ нетлѣніи мощи архангела Гавріила... Жаль, рабы Христовы, одно только правое крыло осталось на вскрытіи, а прочее все отъ мерзостей человѣческихъ паки въ землю изыде и теперь подъ спудомъ. Удостоился я грѣшный видѣть и часть лѣствицы Господней, по которой сходилъ Богъ во снѣ къ праведному Іакову въ пустынѣ. И нынѣ на приступочкахъ видны стопы ногъ Божіихъ. Также почиваетъ въ нетлѣніи и египетская тьма... О-охъ!..

— Больно бы гожо къ нимъ приложиться, проникся усер-

діемъ лысый мужикъ.—Чай, отъ нихъ, батюшковъ, исцѣленіе есть!

— Великое исцѣленіе! При мнѣ одна прокаженная, вся изъязвленная и покрытая власами, яко звѣрь въ лѣсу дикій, прикладывалась къ столбу Даніила пророка. Въ мгновеніи ока исцѣлилась!

Зайчикъ, услыхавшій про лѣсъ и любившій самъ въ тихомолку съѣздить за деревцомъ въ сосѣднюю рощу, по причинѣ малаго запаса дровъ, вздумалъ навести справки о состояніи лѣсовъ во святой землѣ.

— А каковы въ той сторонѣ лѣса, странничекъ? спросилъ Зайчикъ.

— Лѣса?.. большіе лѣса!

— Ну, а какъ, примѣрно, береза, али сосна больше? продолжалъ допытываться Зайчикъ.

— Нѣтъ, такихъ деревьевъ тамъ мало. Больше произрастаютъ кедры ливанскіе и дубы, отвѣчалъ странникъ, приближая къ себѣ сосудъ.

— А крупное дерево?

— Да такое крупное, человѣче, что ты себѣ и въ помышленіи не можешь представить! Въ толщину каждое дерево будетъ аршинъ двадцать, а въ вышину и измѣрить невозможно...

— Го-го-го! вотъ куда съѣздить-то! Знатную бы тогда избу себѣ выстроилъ...

— Дерева важныя! позавидовали и другіе мужики.

— Што-жь, поди, въ тамошнихъ лѣсахъ сторожа вездѣ поставлены? добивался до послѣдняго Зайчикъ.

— Сторожей тамъ нѣтъ, человѣче, отвѣчалъ странникъ:— лѣса вольные, кто имѣетъ потребу въ древѣ, тотъ пріѣзжаетъ и рубитъ.

— Съѣзжу, безпремѣнно съѣзжу! одушевлялся Зайчикъ.

— Одно только повѣдаю вамъ, рабы Христовы, что и лѣса въ святой землѣ чудеса разныя совершаютъ, продолжалъ

странникъ, обтирая бороду и обводя глазами пріятную компанію.—Разъ вошли мы въ такой-то лѣсъ, вошли,—и конца нѣтъ тому лѣсу! Поднимешь глаза кверху—и неба не видно, посмотришь вокругъ — мракъ и тьма, яко нощь во дни. И узнали мы, что нѣтъ-то ни единаго способа выйти намъ изъ того лѣса. Горько восплакали тогда всѣ и стали молиться... Прошелъ часъ,—и другой... Поднялъ я главу свою на древо и вижу: сидитъ на верху древа птица большая и вельми красна. Узрѣла и меня сія птица, узрѣла и заговорила: «ты ли это, праведникъ Иларіонъ?» Содрогнулся весь я отъ сего гласа и отвѣчалъ со смиреніемъ: «азъ, грѣшный!» А птица паки возглаголетъ: «Гряди, праведникъ!» Смотримъ, — а лѣса и нѣтъ, исчезъ, стоимъ мы передъ Іосафатовой долиной и на близкомъ разстояніи отъ насъ протекаетъ священная рѣка Іорданъ...

— Ахъ, Божій человѣкъ! воскликнулъ Никифорычъ.

— Какая же это птица была, что по человѣчьему умѣетъ говорить? полюбопытствовалъ рыжій мужикъ.

— А птица эта называется Ибрагимъ-птица.. Много въ лѣсахъ святой земли сей птицы обитаетъ...

— Удавлюсь! закричалъ вдругъ Иванъ Потапычъ и вскочилъ съ мѣста, страшно поводя кругомъ широкими зрачками.

Никифорычъ, испугавшись и не помня себя, схватилъ Ивана Потапыча за волосы.

— Што ты, што ты, шальной, выдумалъ? закричалъ десятскій, когда опамятовался, тряся изъ всей мочи рябаго мужиченку и пригибая къ скамейкѣ.—Здѣсь праведникъ Божій про Ибрагима чудотворца разсказываетъ, а ты вздумалъ давиться. Выпей поскорѣе, выпей! Исцѣленье получишь!

Иванъ Потапычъ послѣдовалъ совѣту Никифорыча, взялъ стаканъ, поднесъ къ губамъ, но, не отпивъ и половины, судорожно отбросилъ отъ себя.

— Што же ты льешь, свинья? крикнулъ на него де-

сятскій.—Коли не хошь самъ, другіе выпьютъ... А то, натка, льетъ, рябая рожа!

— Господи, што за жисть моя! выговорилъ рябой и закрылъ лице руками.

Странничекъ, съ большимъ прискорбіемъ взирая на горемычнаго мужика, вздыхалъ и пилъ.

— Поддержи себя, человѣче, поддержи! ободрялъ странникъ Ивана Потапыча.—Въ унынiе христіанину не подобаетъ вдаваться, ибо унынiе есть грѣхъ смертный. Воспряни духомъ и здравъ будеши тѣлесы своими! прибавилъ странникъ и налилъ стаканъ.

— Да ты что же, Божій человѣкъ, за всѣхъ пьешь? не вытерпѣвъ наконецъ, замѣтилъ Никифорычъ.

Странникъ посмотрѣлъ на своего обличителя, испустилъ тяжелый вздохъ и прорекъ:

— О человѣче! почто ты порицаеши мя? Или не видишь, злонравный, что я скорблю и сѣтую за убогаго брата моего?

— Скорбѣть ты воленъ, сколько хошь, а вино одинъ не пей!

Мужики вступились за странняго человѣка.

— Што у тебя за ненасытная утроба, Никифорычъ? Пьешь, пьешь, а все те мало, все не доволенъ!

— Божій человѣкъ! да ты што же однако дѣлаешь? не глядя на мужиковъ, выходилъ изъ себя Никифорычъ, видя, что странникъ снова берется за посудину.—Не стерплю,—съ мѣста не сойти!—не стерплю такой обиды!.. Всю бороду тебѣ, Божій человѣкъ, измочалю!..

— Ну, шалишь, за странняго-то человѣка и мы те бока пощупаемъ, заговорили мужики.

По всей вѣроятности, борода странника пострадала бы отъ руки Никифорыча, пострадалъ бы и самъ Никифорычъ отъ рукъ погорѣльцовъ, начинавшихъ чувствовать хмѣль въ головѣ,

еслибы въ это самое время не вбѣжалъ въ кабакъ мужикъ и не крикнулъ:

— Што вы тутъ сидите! За овинами поджигателя видѣли!

Эта вѣсть пріостановила въ самомъ началѣ имѣющее произойти побоище. Голопузовцы быстро поднялись, а Иванъ Потапычъ открылъ лицо и проговорилъ:

— Поджигатель?.. Убью...

— Сичасъ ребятенки на деревню прибѣжали и сказывали, продолжалъ мужикъ.—Они играли на задворкахъ и примѣтили, что по овинамъ шныряетъ какой-то человѣкъ.

— Такъ бѣжимъ проворнѣй, закричалъ рыжій Сысой:— а то улизнетъ какъ разъ!

Странникъ, находя настоящую минуту какъ нельзя болѣе удобною для спасенія своего грѣшнаго тѣла, прошмыгнулъ къ столу, за которымъ бесѣдовалъ до прихода голопузовцевъ, схватилъ котомку съ шапочкой и, не говоря слова, пяткомъ, пяткомъ и прямо въ двери—только его и видѣли!

— Не много же у васъ осталось, промолвилъ мужикъ, принесшій вѣсть о поджигателѣ, тряся посуду и выливая послѣдки въ стаканъ.

— Божій человѣкъ! да гдѣ же ты? хватился странника Никифорычъ. — А! убѣгъ... Догоню, — утроба моя тресни!— ежели не догоню... Ахъ, подлецъ! и Никифорычъ, слегка пошатываясь, отправился догонять божьяго человѣка.

Голопузовцы тоже удались изъ кабака вслѣдъ за Никифорычемъ.

— Хорошо, что пришелъ этотъ мужикъ, сказала по уходѣ гостей цѣловальничиха,—а то исполосовали бы они другъ дружку... Досталось бы и прохожему!... Трезвы,—сидятъ мирно, а выпьютъ—и пойдутъ себя уродовать да кровянить. Не надивлюсь я, глядючи, на этихъ мужиковъ!

— Хошь ты дивись, не дивись, а выпили бы они еще четверку, еслибы не прибѣжалъ этотъ мужикъ, — сказалъ

Иванъ Николаевичъ. — Поставь-ка, жена, самоварчикъ, прибавилъ онъ и полѣзъ поправлять свѣтильню въ лампадкѣ, висѣвшей передъ образомъ.

—

Тихо стояла высокая рожь въ полѣ; налившійся колосъ словно заснулъ и не шелохнется. Въ знойномъ воздухѣ ничто не дунетъ, ничто не пахнетъ. Солнце такъ и палитъ, такъ и обливаетъ. Порой наплыветъ на него облачко и скроетъ на время, но потомъ оно снова выглянетъ, опять все выйдетъ и сильнѣе, ярче обольетъ землю своими золотыми лучами. Вдали задымилась черная туча. На селѣ благовѣстятъ къ вечернѣ.

На задахъ деревни Голопузова, у овиновъ, толпится народъ. Человѣкъ двадцать, большихъ и малыхъ, съ кольями и лопатами, ходятъ изъ одного овина въ другой и выслѣживаютъ поджигателя.

— Да куда онъ, проклятый, дѣвался? говорили мужики.— Ищемъ, ищемъ и найти его не можемъ!

— Смирнѣй, православные, смирнѣй, предостерегалъ толпу дядя Егоръ.—Экъ станете кричать, онъ пожалуй и зароется гдѣ, тогда совсѣмъ ужь не сыщемъ.

— Ужь только бы намъ найти его!

Не находятъ однако и слѣдовъ.

— Гдѣ вы видѣли-то его, сопливые? спрашиваетъ лысый мужикъ у ребятишекъ.

— Здѣся-тка, отвѣчаетъ одинъ:—вонъ тута-тка все шмыгалъ! показываетъ мальчуганъ на овины.

— Весь онъ черный да шаршавый! пояснялъ другой.

Только успѣлъ проговорить мальчуганъ, какъ изъ овина выбѣжалъ какой-то мужиченка безъ шапки, весь лохматый, въ

худомъ зипунишкѣ и въ дырявыхъ лаптяхъ; онъ увидѣлъ передъ собой грозную силу и кинулся во всю прыть бѣжать.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! закричали ребятенки.

— Лови, лови! заревѣли всѣ и бросились за бѣглецомъ.

— Ты што за человѣкъ, а? строго началъ допрашивать рыжій Сысой, ухвативъ мужиченку за шиворотъ.

— Пустите меня къ нему! кричалъ Иванъ Потапычъ, прорываясь сквозь толпу и насучивая кулаки.

— Подожди! остановилъ рябаго дядя Егоръ:—сперва надо узнать, што онъ за человѣкъ!

— Што жь ты молчишь! Говори:—кто ты такой? спрашивалъ Сысой.

Мужиченка трясся и не отвѣчалъ ни слова.

— Не говоритъ? Ну-ка, обыщемъ его, Гаврилычъ! сказалъ дядя Егоръ.

Мужиченка тотчасъ былъ обысканъ. За пазухой у него нашли коробку спичекъ и паклю.

— Поджигатель! заревѣлъ Сысой.—Это што у тебя, подлецъ, а? и затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, рыжій хватилъ поджигателя по затылку.

Иванъ Потапычъ выпрянулъ изъ толпы и прямо на мужиченку; вцѣпился рябой въ лохматую голову и посинѣлъ отъ злости.

— Ты... извергъ! шипѣлъ онъ въ бѣшенствѣ, вырывая цѣлые клочья изъ головы мужиченки.—Ты избушку мою спалилъ!... Бобыль я теперича сталъ...

Другой мужикъ хватилъ поджигателя лопатой.

— Православные, погодите! сталъ унимать начинавшую свирѣпѣть толпу дядя Егоръ.—Отведемъ его въ деревню, тамъ и расправа ему будетъ.

— Нѣтъ! я... загрызу его, прошепталъ рябой, съ налившимися кровью глазами и пѣною у рта.

Съ большимъ трудомъ оттащили рябаго.

Повели въ деревню.

Ребятишки первые туда прибѣжали. Сильно запыхавшіеся, они кричали:

— Мужика... ведутъ! чужаго... мужика ведутъ!

— Ай! это поджигателя-то видно? спрашивали мужики.

— Да, его!..

Между тѣмъ черная туча незамѣтно росла, раздвигалась во всѣ стороны и медленно подходила къ Голопузову. Солнце по прежнему сіяло.

Толпа съ кольями и лопатами вступила въ деревню.—Поджигатель! поджигатель!.. какимъ-то зловѣщимъ гуломъ переносилось съ одного конца улицы на другой.

Густой массою обступили лохматаго мужиченку.

— Апаѳема! што ты съ нами сдѣлалъ? голосили бабы.

— Отдайте намъ его! кричали другія: — мы съ нимъ по своему распорядимся!

Рыжій Сысой допрашивалъ поджигателя.

— Сказывай передъ всѣмъ міромъ: по своей ли ты волѣ поджегъ деревню, али подослалъ тебя кто? Ну, говори!

Мужиченка, блѣдный и дрожащій отъ страха, все молчалъ и такъ глядѣлъ на допросчика, что у дяди Егора невольно вырвалось:

— Господи! да што онъ такъ глядитъ?!.

— Врешь, подлецъ, не разжалобишь! рычалъ огненный Сысой.

— На колъ его, на колъ!

— Дайте намъ волю надъ нимъ! упрашивали бабы.—Мы знаемъ што съ нимъ, анаѳемой, сдѣлать.. Дайте!

— Да говори же, дьяволъ!,.

— Притворился, злодѣй! Молчитъ!..

— Братцы! въ воду его!

— Нѣтъ, православные, не дѣлайте этого! испугался дядя Егоръ..

Но толпа расвирѣпѣла.

— Въ воду! въ воду!..

— Топить его я не дамъ, выступилъ Степанъ, молча до того слѣдившій за ходомъ дѣла.

— Не дашь? Великъ ты человѣкъ: не дашь!..

— Не дамъ! повторилъ Степанъ и загородилъ собою мужиченка.

— Послушайтесь его, православные! упрашивалъ дядя Егоръ,—не берите вы на душу такого грѣха!

Напрасно. Степаново заступничество окончательно привело толпу въ неистовство.

— И Степка съ нимъ за одно! Ахъ, воръ! Мошенникъ!..

— Што вы, міряне, онъ у меня не таковскій! вступился было отецъ за Степана.

— Знаемъ мы: не таковской! По рожѣ его, по рожѣ!

Принялись за Степана. Послышались удары...

— Такъ чортъ съ вами, олухи! проговорилъ избитый со злостью и вышелъ изъ толпы.

Управившись со Степкою, толпа снова принялась за поджигателя.

— Тащи его въ прудъ, въ прудъ!

— Въ воду, въ воду!

Мужиченку поволокли къ пруду.

— Ну, бери его за руки да за ноги!

Взяли, связали веревкой по рукамъ и ногамъ и, поднявъ на воздухъ, бросили на землю.

Поджигатель силился что-то сказать, лицо судорожно задергало, губы шевелились и ротъ искривлялся, но ни одного слова, ни одного звука не произнесъ несчастный.

— Раскачивай!

Подняли опять мужиченку и стали раскачивать. Еще минута—и опъ былъ бы на днѣ пруда. Но тутъ вдругъ грянулъ сзади голосъ Терентія Захарыча.

Всѣ оглянулись; мужики, раскачивавшіе поджигателя, опустили руки. Терентій Захарычъ былъ весь блѣдный и встревоженный.

— Что вы дѣлаете?! крикнулъ онъ.

— Поджигателя хотимъ топить!

— Да если вы его утопите, то всѣ до одного на каторгу пойдете! Подумали-ли вы объ этомъ, или нѣтъ?

Слова Терентія Захарыча нѣсколько образумили толпу.

— И то, въ воду его не слѣдъ! заговорили голоса.

— Што же дѣлать-то съ нимъ? вѣдь онъ поджигатель!

— А вы навѣрно знаете, что онъ поджигатель? сказалъ Терентій Захарычъ.

— Какъ же! его поймали въ нашихъ овинахъ... Спички и паклю при немъ нашли...

— Ну что же? паклю со спичками можно найдти и не у поджигателя!.. Что, онъ вамъ самъ сказывалъ, что поджогъ деревню?

— Нѣтъ, онъ, иродова душа, нѣмоту на себя напустилъ, молчитъ.

Терентій Захарычъ подошелъ ближе къ мужиченкѣ, нагнулся и заглянулъ въ лицо.

— Царь небесный! выговорилъ Захарычъ и отступилъ назадъ:—вѣдь это нищій изъ Замятихи, онъ нѣмой отъ рожденія...

— Ну?!

— Загляните-ка ему въ ротъ!

Нищему открыли ротъ. Оказалось, что языкъ у него приросъ къ нижней челюсти.

Мужики такъ и ахнули, а нѣкоторыхъ по кожѣ даже морозъ подралъ.

— Да, такъ и есть, заговорили нѣкоторые: — нищій изъ Замятихи! Да какъ же мы его, жида, не узнали?

— Вотъ такъ отмочили было штуку! Кабы не Захарычъ, быть бы ему въ прудѣ, ловить бы рыбку! стали говорить.

— Съ этой рыбки глаза бываютъ прытки, заключилъ Терентій Захарычъ: — такую бы уху сварили, что и вѣкъ бы не расхлебали! Развяжите его, бѣднягу, да отпустите засвѣтло въ свою деревню,—вишь вѣдь что на небѣ-то собирается! прибавилъ онъ и пошелъ тихо домой, вполнѣ увѣренный, что нищему больше не предстоитъ никакой опастности.

Дѣйствительно, нищаго развязали и хотѣли было ужь отпустить, какъ рыжій мужикъ остановилъ:

— Отпускать не слѣдъ, сказалъ онъ: — надо его допытать, може и узнаемъ што! Може, нѣмой постухами подосланъ!

— А што ты? пожалуй и такъ! согласились нѣкоторые.— Поведемъ его къ амбарамъ!

Отъ пруда всѣ отхлынули и повели нищаго къ амбарамъ.

Грозная туча все ближе и ближе подходила къ деревнѣ. Слышались уже глухіе удары грома и по временамъ на почернѣвшемъ небѣ сверкала молнія. Кругомъ все стемнѣло, насупилось какъ-то. Мѣсто пожарища глядѣло угрюмо и мрачно. Бабы на деревнѣ трепетно крестились, а ребятишки торопились скорѣе убраться съ улицы, чтобы забиться куда нибудь подальше, къ кому нибудь на полати или на печь.

— Какая воля-то Господня находитъ! говорили по оставшимся избамъ, глядя на тучу.—Труба-то закрыта ли у насъ?

И всѣ спѣшили осмотрѣть печи, закрыть въ трубахъ заслонки, перекрестить выходы, двери, отдушины и окна.

Нѣмаго привели къ амбару.

— Какъ же мы изъ него выпытаемъ? заговорили мужики.

— Надо прежде его привязать, а тамъ и станемъ пытать. сказалъ Сысой.

Привязали нищаго къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ навѣсъ амбара, и начали выпытывать посредствомъ знаковъ. Мужикамъ только хотѣлось узнать, въ сообществѣ ли онъ съ пастухами. Для достиженія этой цѣли, они принялись

за выдѣлываніе разныхъ штукъ: махали руками, кивали головой, показывали въ сторону Андреевскаго и ревѣли коровами. Нищій глядѣлъ на мужиковъ своимъ безнадежнымъ, страдальческимъ взглядомъ, хныкалъ и время отъ времени жалобно вздыхалъ.

— Кабы пастушій рогъ, али трубку какую: сичасъ бы узнали! сказалъ рыжій Сысой.—Да постойте, я придумалъ: становитесь вы, ребя, на кукурдышки да жохомъ, а я приставлю къ губамъ кулаки и буду трубить. Эдакъ, може, скорѣе узнаемъ!

Половина мужиковъ повалилась на землю и стала на четвереньки. Сысой, какъ сказалъ, приставилъ оба кулака къ губамъ и принялся выводить нѣчто на подобіе настоящей трубы.

Нѣмой неподвижно уставилъ глаза на новое зрѣлище, потомъ закрутилъ головой и промычалъ:

— Тю-мо-мо...

Только этого и нужно было, — мужики совершенно убѣдились въ сообществѣ нѣмаго съ андреевскими пастухами.

— Бить его, колотить опять надо! закричали мужики, какъ только услыхали мычаніе нѣмаго.

Но въ ту же самую минуту блеснула огненной змѣею молнія и раздался страшный ударъ грома.

Всѣ остановились и стали креститься.

Въ улицѣ поднялась пыль, закрутилъ страшный вихорь и снова ударилъ громъ, снова засверкала во всѣхъ сторонахъ молнія и загѣмъ, наконецъ, хлынулъ дождь.

Мужики разбѣжались по избамъ, а нищій остался привязаннымъ у столба.

Гроза разыгривалась: молнія то упадетъ на землю и освѣтитъ цѣлую улицу, то сверкнетъ ослѣпительной стрѣлкой въ воздухѣ, мгновенно разорветъ на двѣ половины небо и разомъ обдастъ его бѣлымъ свѣтомъ огня: и кажется, что все небо тогда горитъ и трепещетъ. Потомъ настанетъ темнота

и ничего невидно. Слышенъ только глухой ливень дождя, да отдаленный гулъ громовыхъ раскатовъ... Но вотъ опять сверкнуло, опять зіяетъ небо и опять съ оглушительнымъ трескомъ раздается ударъ надъ самой головою.

— Какъ освѣчаетъ, Господи! говорили по избамъ.—Экая планида божья!

— Святъ, святъ, святъ! молились всѣ и спѣшили осѣнить себя крестомъ при всякомъ новомъ ударѣ.

Въ избахъ свѣтло безъ огня.

— Помилуй Богъ, какъ бы опять пожара не случилось. Ишь, вѣдь, молынья такъ и палитъ!

— Долго ли до грѣха! Избави только, Владыко милостивый!

— Батюшки! ужь не свѣта ли представленіе? Все небышко горитъ пламенемъ!

— Святъ, святъ, святъ!..

Черезъ часъ гроза прошла. Дождь унялся и небо очистилось: въ деревнѣ посвѣтлѣло. Ребятенки, какъ увидѣли, что дождя нѣтъ, выбѣжали на улицу, чтобы пробѣжаться по дождевымъ лужамъ и поглядѣть, сколько воды прибыло въ прудѣ. Вышли и мужики посмотрѣть, что сталося съ поджигателемъ.

Поджигатель, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ привязаннымъ къ столбу, какъ былъ привязанъ. Одеженка измокла на немъ до ниточки, съ бороды и волосъ текла вода, а зубы стучали одинъ объ другой.

Поглядѣли жужики.

— Ну, теперича и колотить его жалко!

— Убогой онъ человѣкъ, прибавилъ Зайчикъ.—Отпустимъ его, православные! Пашка! крикнулъ мужикъ босоногой дѣвчонкѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди:—бѣгай домой да тащи сюда краюшку хлѣба!

Нищаго отвязали.

— Ступай домой, Христосъ съ тобой, оглашенный! сказалъ рыжій Сысой.— Грѣха только съ тобою мы приняли на свою душу...

Нищій не понималъ и стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Што глазища-то выпучилъ? Поди домой... Туда! знаешь?.. и мужикъ замахалъ рукой по направленію къ деревнѣ нищаго.

Нѣмой должно быть догадался. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, пріостановился, оберпулся и сталъ глядѣть на мужиковъ, не погонятся ли за нимъ.

— Поди, поди! Только, смотри, впередъ не моги бродяжничать! наказывалъ Сысой и махалъ рукой.

Нѣмой совсѣмъ понялъ и хотѣлъ пуститься, но къ нему подлетѣла Пашка и протянула большой ломоть хлѣба.

Нищій выхватилъ изъ рукъ дѣвочки хлѣбъ, закивалъ ласково Пашкѣ головою и ударился бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Ишь, какъ обрадовался, говорили мужики, провожая глазами нищаго: — откуда ноги взялись! Удираетъ, што твоя лошадь добрая!

Съ дороги нищій еще разъ оглянулся.

— Валяй, валяй съ Богомъ! махнули ему голопузовцы.

Нищій скоро совсѣмъ изъ вида скрылся.

— Што-то съ нашимъ сѣнцомъ теперича дѣлается, проговорилъ одинъ мужикъ:—поди, все взмокло?

— Какъ есть! Да, чай, и рожь-то всеё повалило? Бѣда наша!

— Э-эхъ, жисть, жисть! со вздохомъ заключилъ рыжій Сысой и пошелъ спать въ сарай, куда переселилась вся его семья послѣ пожара.

Наступила ночь. Надъ деревнею, на небѣ, все чисто и мелькаютъ чуть видимыя звѣздочки. Въ сторонѣ чернѣетъ уносящаяся туча. Гдѣ-то далеко виднѣется зарево, слышны унылые, слабые удары доносящагося набата. Земля какъ будто стонетъ и жалуется...

—

Къ утру опять собрался дождь и весь день лилъ: перестанетъ на время, и опять пріударитъ. Небо заволокло густыми массами сѣрыхъ облаковъ; вѣтеръ ревѣлъ въ улицѣ и завывалъ въ трубахъ. Ненастье грозило разойтись надолго. Хлѣбъ въ поляхъ лежалъ поваленный, трава мокла и бурѣла...

Повѣсили головы мужики; глубоко запала въ сердце кручина и сказалась она бѣлому дню тяжелымъ вздохомъ.

— Пропали наши головы, пойдемъ всѣ по міру! печалилась деревня.

— Видно, зиму-то придется ѣсть магазейскій хлѣбъ! говорили одни.

— А, може, какъ и поправимся... Богъ не безъ милости! обнадеживали себя другіе.

— Знамо дѣло: не безъ милости! Што говорить!

— Што это дождь-отъ какъ льетъ? Коли онъ перестанетъ?

— А Богъ его вѣдаетъ!..

По сараямъ, гдѣ помѣстились погорѣвшіе, говоритъ опять тоже горе:

— Вездѣ пролило! Мѣста нигдѣ сухаго не найдешь... Хоть бѣги!

— Матвѣюшка, слышится старческій голосъ изъ угла:— нѣтъ ли чѣмъ одѣться? Нѣшто знобитъ всего...

Раздается кашель, плачутъ грудные дѣти...

— Господи, што за жисть наша разнесчастная! вопитъ баба.

На слѣдующій день къ старостѣ, Еремѣю Пахомычу Стручку, пріѣхалъ чиновникъ.

— Здравствуй, здравствуй, Пахомычъ! здоровался чиновникъ съ отвѣшивающимъ поклоны старостою, проворно вбѣгая въ просторную избу міроѣда.— Что, у васъ пожаръ былъ?.. Жалко!.. Самоварчикъ поскорѣе, самоварчикъ!.. Брр!.. Озябъ!

Еремѣй Пахомычъ помогъ чиновнику стащить шинель и почтительнымъ образомъ просилъ его благородіе садиться.

— Хорошо, хорошо, сяду! говорилъ чиновникъ.—Да ты не забудь чего-нибудь, эдакъ сердцекрѣпительнаго къ чайку-то подать! Видишь, какъ всего вымочило!.. Эхъ, служба! въ дождь и слякоть—нѣтъ тебѣ покою!.. А! много, однако, у васъ сгорѣло, прибавилъ чиновникъ, заглядывая въ окно.

— Да порядкомъ-таки, отвѣтилъ изъ-за перегородки староста, распоряжаясь на счетъ самовара и сердцекрѣпительнаго.

Спустя полчаса, чиновникъ сидѣлъ за самоваромъ и бутылкой рома. Изба была полна народа. Чиновникъ, согрѣваясь пуншемъ, производилъ слѣдствіе о пожарѣ.

Мужики сильно робѣли.

— По своей неосторожности, или кто поджогъ? спрашивалъ онъ у мужиковъ.

— Не можемъ знать, ваше благородіе! отвѣчали передніе.

— Какъ не можемъ? вѣдь отчего же нибудь да сгорѣла деревня?

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Ну, какая же причина?

— Неизвѣстно, ваше благородіе!

Чиновникъ взъѣлся.

— Черти! я васъ спрашиваю: отчего загорѣлось?

Мужики не отвѣчали.

— Да говорите же: отчего?

— Я знаю! вырѣзался Иванъ Потапычъ.

Мужики со страхомъ оборотились на рябаго, нѣкоторые стали его дергать за одежонку.

— Знаю! повторилъ рябой.

Чиновникъ ласково спросилъ:

— Отчего, любезный, скажи!

— Отчего? переспросилъ Иванъ Потапычъ.—Отъ огня! прибавилъ онъ и посмотрѣлъ на чиновника прямо.

— Ахъ, Боже мой! крикнулъ чиновникъ:—что за дурачье

набитое! Я самъ знаю, что отъ огня, а не отъ черта. Да кто огонь-то подложилъ?

Иванъ Потапычъ замолкъ.

— Этого мы не знаемъ, ваше благородіе, отвѣтили другіе мужики.

— Боже! простоналъ слѣдователь и началъ съ отчаянія хлѣбать пуншъ.

Успокоившись, чиновникъ опять принялся за слѣдствіе:

— Мирно вы живете другъ съ другомъ?

— Ничего, слава Богу! у насъ всѣ живутъ смирно... Дракъ нѣтъ, смертоубійствъ тоже.

— Ни на кого изъ своихъ подозрѣнія не имѣете?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Стало, поджогъ со стороны былъ?

— Надо полагать такъ, ваше благородіе.

Слѣдователь опять прихлебнулъ изъ стакана.

— На кого же вы думаете?

Мужики переглянулись.

— Ни на кого не думаемъ, ваше благородіе...

— Ахъ, Боже мой! огорчился чиновникъ.

Выступилъ дядя Егоръ.

— Прямо мы не можемъ указать, ваше благородіе, началъ онъ: — мало ли со стороны лихихъ людей, а кто,—какъ ты спознаешь? Попапрасну мы не хотимъ на человѣка клепать...

Чиновникъ видимо омрачился.

— Ну, однако же, есть на примѣтѣ лихой человѣкъ? спросилъ онъ, подумавъ.

— Не можемъ знать.

— Я знаю! высунулся въ другой разъ рябой мужиченка.

Слѣдователь съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на знающаго.

— Я тебя велю вытолкать, животное! сказалъ онъ. — Староста!

— Здѣсь, ваше благородіе.

— Знаю! не унимался рябой, выступая всей своей фигурой впередъ.

Слѣдователь остановился въ распоряженіи.

— Постой!.. сказалъ онъ старостѣ.—Ну, говори, если знаешь?

Иванъ Потапычъ не заставилъ себя долго ждать.

— Поджогъ сдѣлалъ нѣмой...

— Какой нѣмой?

— Мы вечоръ его поймали... Безпремѣнно онъ и спалилъ!

— Гдѣ-же поджигатель?

Егоръ не далъ продолжать Ивану Потапычу.

— Это вечерось мы нищенькаго одного нашли, ваше благородіе, отвѣчалъ дядя Егоръ:—по своему незнанью, и приняли было его за поджигателя. А онъ ходитъ по деревнямъ, Христовымъ именемъ побирается...

— Онъ содержится у васъ!

— Попридержали-было, да отпустили...

— К-а-акъ?! Отпустили поджигателя!

— Какой поджигатель, ваше благородіе! Онъ и безъ того обиженъ отъ Бога, безъ языка и безъ разума, а тутъ еще поджигать станетъ!

Но чиновникъ и слушать не хотѣлъ.

— Да какъ вы только смѣли это сдѣлать? Скрывать преступленіе? Отпускать мошенниковъ, разбойниковъ, поджигателей! кричалъ слѣдователь, колотя себя въ грудь и топая ногами.—Ну, дружки, попались! Теперь я васъ всѣхъ подъ судъ упеку!

Мужики не знали, что говорить, перепугались и молчали. Иванъ Потапычъ удралъ изъ избы.

— Ваше благородіе! началъ Егоръ, собравшись съ духомъ:—нѣмой живетъ въ Замятихѣ, его можно оттолѣ сейчасъ, коли вашей милости онъ нуженъ.

— Стану я время терять? Что разъ сдѣлали, того ужь не воротишь, сказалъ чиновникъ.—Ну, да я зла не хочу вамъ

дѣлать. Собирите мнѣ сейчасъ по двугривенному съ дому—и Богъ съ вами!

Мужики задумались. Хоть не велика контрибуція, а все жаль: двугривенный на землѣ не поднимешь.

— Нельзя ли какъ поменьше, ваше благородіе, заговорили они.

— Неблагодарныя свиньи! упрекнулъ слѣдователь. — Вы должны молить Бога, что я больше не потребовалъ! Знаете ли вы, какое дѣло-то вы сдѣлали! Уголовное!

Мужики чесались.

— Оно такъ, ваше благородіе... Да мы нонѣ сами погорѣлые... Не грѣхъ и сбавочку сдѣлать...

— А я развѣ бы взялъ съ васъ по двугривенному, если бы не зналъ, что вы погорѣли? Не разговаривать больше!.. Вонъ!

Голопузовцы повалили за двугривенниками.

Терентій Захарычъ во время слѣдствія былъ на мельницѣ. Возвращаясь домой, онъ увидѣлъ на улицѣ мужиковъ, бѣгущихъ къ старостиной избѣ.

— Куда вы, православные?

— А! Терентій Захарычъ... Скорѣй бери двугривенный да неси къ старостѣ... Слѣдователь велѣлъ! Скорѣй! отвѣчали не останавливаясь мужики.

— Постойте, постойте!

Одинъ мужикъ пріостановился.

— За что двугривенный? спросилъ у него Терентій Захарычъ.

— А за пожаръ-то!

Чиновникъ, собравъ двугривенные, вышелъ на крыльцо и велѣлъ подавать лошадей.

Подъѣхала тройка.

Чиновникъ закурилъ папиросу, сказалъ Стручку: «Прощай, Еремѣй Пахомычъ!» и взобрался на телѣгу.

— Здравствуйте, ваше благородіе, сказалъ подошедшій Терентій Захарычъ.

Слѣдователь взглянулъ на мужика.

— Ты что же мнѣ двугривенный не принесъ?

— Виноватъ, ваше благородіе, не принесъ, отвѣтилъ Терентій Захарычъ.

— Почему?

— Да потому, что не резонъ вамъ обирать нашего брата! Эхъ, ваше благородіе! и не грѣхъ вамъ послѣднія нитки съ погорѣлыхъ тянуть? Премудрый Еклезіастъ сказалъ...

— Ка-а-къ? заревѣлъ чиновникъ, не давъ окончить, что сказалъ премудрый Еклезіастъ, — Оскорбленіе начальства! въ тюрьму!

— Никакой тюрьмы не боюсь, ваше благородіе: не стращайте! спокойно отвѣтилъ мужикъ.

— Сейчасъ актъ составлю! Бумаги и перо! приказывалъ возмущенный чиновникъ.

Староста кинулся исполнять приказаніе.

Терентій Захарычъ и того не испугался.

— Пишите, а мы къ отвѣту явимся. За правду не боюсь.

Староста возвратился съ бумагой и чернилицею.

— Извольте, ваше благородіе!

— Хорошо... Ну, да не надо, Пахомычъ! Я этого мерзавца и такъ доѣду.—Жди черезъ недѣлю бумаги отъ высшаго начальства, прибавилъ чиновникъ и велѣлъ ямщику ѣхать.

— Слушаю ваше благородіе! насмѣшливо отвѣчалъ Терентій Захарычъ.

Колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Ахъ, это мужичье необразованное! говорилъ чиновникъ, перекидываясь съ стороны въ сторону въ телѣгѣ. — Каковы! Съ ними скоро житья не будетъ нашему брату... Да нѣтъ же, утѣшалъ онъ себя, — такихъ немного. Одинъ такой! А

что одинъ сдѣлаетъ? Ничего! Слава Богу, что другіе-то баранье... Ямщикъ, пошелъ скорѣе!..

Голопузовцы провожали глазами чиновника. Когда тройка скрылась, многіе заговорили:

— Напрасно ты, Захарычъ, эдакъ-то съ нимъ говоришь... Загубитъ онъ тебя, да и намъ достанется.

— Ничего онъ не сдѣлаетъ, нонѣча ужь не тѣ времена стали, чтобы ни за что человѣкъ пропадалъ...

— Это неизвѣстно. Пришлетъ онъ те эту бумагу-то, и увидишь! Сгніешь въ острогѣ...

— Никакой онъ бумаги не пришлетъ... Эхъ, православные, ничего-то вы не вѣдаете! Темны вы! заключилъ Терентій Захарычъ и пошелъ въ огородъ.

Мужики говорили:

— Удивленье, братцы, што это за мужикъ у насъ Тереха!

— Што и говорить: одно слово,—голова мужикъ!

— Говоритъ мало, за то што ни слово—все дѣло!.. Помните, какъ онъ тогда съ посредственникомъ-то рѣзался?

— Еще бы! Кабы не онъ, половина бы луговъ совсѣмъ отъ насъ отошла!..

— Ловко онъ тогда посредственнику сказалъ: «вы, говоритъ, свѣчка, у васъ мечъ, вы на правду представлены...»

— Тереха—голова съ мозгомъ, грамотей!

— Онъ во всѣхъ наукахъ искусникъ. Попы и тѣ не могутъ его загнать, а на што ужь, кажись бы, они сильны въ эвтихъ наукахъ-то! Сила мужикъ!

— Сила!..

Мужики призадумались надъ силой Терехи.

— Даромъ отдали по двугривенному.

— Извѣстно, даромъ!

— Кабы не рябой, ничего бы не взялъ, сказалъ рыжій Сысой:—рябой всему причина.

— И то! Ахъ, онъ подлецъ. Онъ вѣдь первый-то вызвался: «я знаю!»

— Вѣрно!... Подемте колотить Ваньку!

— Подемте!

И пошли колотить рябаго.

1868 г.

ИВАНЪ ВОИНЪ.

ИВАНЪ ВОИНЪ

I.

Деревня наша не то что большая, но и не маленькая: дворовъ сорокъ, или больше, всего наберется. Прозывается она Никулихою. И нельзя сказать, чтобы деревня совсѣмъ глухая была, нѣтъ; только отъ села далеко и никакой по ней большой дороги никуда не проходитъ. Но случается, что и мимо насъ когда пройдутъ добрые люди—на богомолье, сказываютъ, идутъ да прошиблись съ большой дороги и вышли не нашу деревню. Еще аккуратно два раза въ годъ заходятъ къ намъ офени владимірскіе съ товарами: одинъ по веснѣ, а другой по осени. Вотъ отъ нихъ-то да отъ богомольцевъ мы и знаемъ, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. И чего-чего они не поразскажутъ намъ: и про войну нашего царя съ невѣрными, и про знаменія, какія гдѣ по небу ходятъ, и про чудеса угодниковъ,—словомъ про все извѣстимся! Одного только они никакъ повѣдать не могутъ: скоро ли намъ жить будетъ лучше. Какъ ужь мы ни разспрашиваемъ объ этомъ усердно, всякій разъ отъ нихъ одно и тоже слышишь: «эвто, говорятъ, мы не можемъ знать. А по примѣтамъ глядѣть, не къ лучшему, а къ худшему дѣло идетъ.» Ну, въ этомъ немного новаго: у самихъ все передъ глазами. Наѣзжаютъ, правда, иногда къ намъ становой съ

исправникомъ, да ихъ пріѣзду мало кто обрадуется, и всякій открещивается, какъ заслышитъ по дорогѣ колокольчикъ: ужь очень послѣ нихъ чисто вездѣ сдѣлается, точно кто по всей деревнѣ съ метлой пройдетъ. Ну, о батюшкѣ попѣ говорить нечего, онъ у насъ свой человѣкъ: праздникъ ли большой, или треба какая—онъ и тутъ, рѣдко когда запоздаетъ. А чтобы пропустить со святой водой когда придти, избави Боже!

Долго что-то нынѣшней весной ждали у насъ владимірца. Думали, что совсѣмъ не придетъ: либо грѣхъ съ нимъ какой на дорогѣ повстрѣчался, либо стороною гдѣ прошелъ. Только передъ Николинымъ днемъ глядимъ, а онъ и идетъ, и телѣжку позади съ двумя коробами везетъ, да и не одинъ везетъ, а съ товарищемъ какимъ-то. Такъ всѣ на деревнѣ обрадовались приходу офеней, что и сказать невозможно!

— Прохоръ Васильичъ, Прохоръ Васильичъ! кричатъ совсѣхъ сторонъ владимірцу,—долгонько нѣшто ты къ намъ нынѣче не жаловалъ! Здоровъ ли, пріятель?

— Все, слава Богу, говоритъ владимірецъ.—Вы здѣсь какъ, всѣ ли по добру и по здорову живете, мужички?

— Ничего, Богъ грѣхамъ пока терпитъ, всѣ живы...

— Ну и слава Богу: эвто главное, что всѣ живы, а прочее все пустяки. .

— Не больно пустяки, говорятъ мужики,—прошлый годъ хлѣбушка плохъ уродился, осенью солдата поставили, Семенъ, Петра племянникъ, въ бѣга ушелъ...

— Пустяки, сущіе пустяки! Стоитъ вамъ воззвать къ Всевышнему, съ полнымъ и чистымъ усердіемъ помолиться Ему, и все сторицею заразъ вамъ отъ Господа воздастся, говоритъ владимірецъ, а самъ коробъ проворно развязываетъ.—Ну, говоритъ, молодушки, бѣлыя лебедушки, и вы красныя дѣвицы, товаровъ я вамъ всякихъ новомодныхъ привезъ, чай, вы такихъ-то и отъ роду своего никогда невидывали!

А молодухи съ дѣвками давно обступили коробъ и говорятъ:

— Какихъ же ты товаровъ привезъ, Прохоръ Васильичъ. Кажитка ты ихъ намъ скорѣе!

— Да такихъ я нынѣшній годъ товаровъ привезъ, что и въ Москвѣ эдакихъ надо поискать; на рѣдкость, гдѣ сыскать, говоритъ Прохоръ Васильичъ.—Оттого я и запоздалъ къ вамъ, что двѣ недѣли лишнихъ въ Москвѣ прожилъ, ждалъ, когда подвезутъ эвти самые товары изъ азіатскихъ странъ. Вотъ у меня товары-то какіе!

И точно, какъ развязалъ офеня свой коробъ, выложилъ передъ дѣвками и молодухами всякихъ сортовъ ситцы, да серьги и кольцы съ камнями разноцвѣтными, глаза у всѣхъ такъ и разбѣжались во всѣ стороны и никто не знаетъ, за что взяться, что купить—все бы,кажется, закупилъ, если бы деньги были. Старостиха первая сдѣлала зачинъ: выбрала себѣ на платье.

— Цвѣтенъ ситецъ, больно мнѣ любъ, говорила она:— одного боюсь, Васильичъ, не полинялъ бы онъ какъ? Ты мнѣ по совѣсти продай!

— А я вотъ тебѣ какъ продамъ, Маремьяна Тихоновна, сказалъ владимірецъ:—носи ты платье годъ, носи два, и если въ два года ты износишь, назадъ возьму и деньги всѣ сполна тебѣ возвращаю. Эвтотъ ситецъ, я тебѣ скажу, настоящій аглицкій, издѣлія ивановскихъ мануфактуръ. Только одно тебѣ посовѣтую: осторожность наблюдай, до воды много не допускай, ну и солнца онъ не оченно любитъ.

Бабы товары закупаютъ, а мужики все на счетъ новостей къ офенямъ пристаютъ:

— Ну-ка, Прохоръ Васильичъ, разсказывай, разсказывай скорѣе! Что тутъ съ бабами!..

— Все разскажу, мужички, только дайте немножечко сроку, говоритъ офеня,—торговля ужь оченно замяла... Эй, дѣвка, ты мокрыми руками за платокъ не берись: видишь, онъ какой нѣжный! Осторожнѣй!..

— А у него какіе товары? спрашиваютъ про другаго офеню, что съ Прохоромъ Васильичемъ пришелъ.

— Я съ божьимъ милосердіемъ, говоритъ тотъ.—Кому потребуется изъ васъ божьяго милосердія? У меня всякаго много.

Оказалось, что у всѣхъ божьяго милосердія своего было вдоволь, а потому и не потребовалось новаго.

— Да вы не покупайте, а только посмотрите, говоритъ офеня.—Благо я такой человѣкъ, што за показъ ни съ кого денегъ не беру; а то нашему брату и за эвто не мало въ другихъ мѣстахъ платятъ!

— Точно, по-многу имъ платятъ! говоритъ и Прохоръ Васильичъ.

Ну, отчего не поглядѣть: на святыню всегда пріятно взглянуть. Офеня началъ изъ короба выкладывать одинъ за другимъ всякихъ угодниковъ и святителей.

— Вотъ эвтотъ угодникъ, говорилъ онъ,—прозывается Тихономъ Задонскимъ,—слышали чай, мощи его, святаго отца, недавно въ Задонскѣ открылись? А другой—Иванъ воинъ. Поглядите, какое письмо, ровно живой, праведникъ Божій, стоитъ, и оружіе въ десницѣ держитъ!.. Дорогово эвтотъ образъ стоитъ!.. Вотъ Егорій храбрый на конѣ, а на горкѣ-то, вонъ тутъ, дѣвица—царская дочь, которую онъ отъ змѣя удава острымъ копьемъ спасаетъ... Никола чудотворецъ, великомученикъ Христофоръ. .

— Постой, милый человѣкъ, перебилъ владимірца мужикъ Лука:—скажи, отчего у этого мученика Христофора голова не похожа на человѣческую? Нѣшто вживѣ онъ съ эдакой головой ходилъ?

— Нѣтъ, сперва онъ имѣлъ голову, какъ слѣдуетъ, человѣчью и былъ изъ себя красоты непомѣрной, но видя, што женскій полъ съ лица его прекраснаго очей не сводитъ, и многія жены и дѣвицы, купеческаго и дворянскаго званія, возъимѣли къ нему любовь грѣховную и стали предлагать сокро-

вища разныя, онъ возскорбѣлъ своимъ честнымъ сердцемъ, и къ Богу со слезами обратился: «Господи! говоритъ,—не хочу я губить родъ Еввинъ, дай Ты мнѣ голову лошадиную!» Богъ услышалъ его праведную молитву и въ нощи съ ангеломъ послалъ ему голову лошадиную. Вскорости онъ тутъ и смерть мученическую за Христа принялъ.

— Экой угодникъ Божій!

— А отъ чего ему молятся-то, батюшкѣ? спросила одна баба.

— Отъ всего, а больше отъ родовъ...

— Иванычъ, купи ты мнѣ этого мученика! стала просить баба своего мужа.

— На что онъ тебѣ? Вѣдь ты и такъ рожаешь?

— А може онъ, батюшка...

— Перестань!

Переказалъ ходебщикъ все божье милосердіе, а тамъ сталъ опять укладывать.

— Ничего, говоритъ,—што покупщиковъ на мой товаръ не выискалось,—я и тѣмъ доволенъ, што вы поглядѣли. По правдѣ сказать, я весь почитай товаръ на мѣсто несу, запроданъ онъ у меня, — въ селѣ Хомутовѣ церковь недавно отстроилась, такъ для иконостаса.

— Эвто точно, — къ нему самъ преосвященный владыка писалъ на счетъ церкви, сказалъ Прохоръ Васильичъ.

— А далеко отсюда село Хомутово? спросилъ кто-то изъ нашихъ.

— Не близко, — въ Астраханской губерніи, отселѣ верстъ пятьсотъ, близь самаго моря.

— Какъ далеко!

Прохоръ Васильичъ сбытъ порядочный сдѣлалъ: — товаровъ его накупили почти всѣ на деревнѣ. Хотя деньгами онъ и получилъ только, что съ одной старостихи, — за недѣлю мужики подати вносили, — но холстовъ и полотенъ деревенскихъ много онъ завязалъ въ свой коробъ.

— Плохи наши дѣла по нонѣшнимъ временамъ, сказалъ Прохоръ Васильичъ: — гдѣ ни ходишь, вездѣ все денегъ нѣтъ!.. Скоро, я полагаю, придется совсѣмъ прекратить комерцію, — въ убытки себѣ торгуешъ!

Такія слова отъ него не въ первый разъ ужь приходится слышать: — какъ у насъ ни запомнятъ его въ деревнѣ, онъ изъ году въ годъ все одно и то же говоритъ, а торговлю не бросаетъ, ходитъ....

II.

Близко вечеръ. Молодухи и дѣвки ходятъ по деревнѣ, показываютъ старшимъ свои покупки: кто ленту алую, кто ситецъ цвѣтной, кто другое что. Старики ничего, хвалятъ, а молодымъ то и любо, на душѣ весело. Еще бы не весело имъ было, когда черезъ три недѣли Троицынъ день: каждая въ церковь Божію въ обновкѣ выйдетъ и будетъ въ чемъ передъ добрыми людьми показаться, да передъ парнями въ хороводахъ покрасоваться. Бѣдно у насъ въ деревнѣ живутъ, а порядиться тоже ихъ-какъ любятъ!

Офени хотѣли пуститься въ дорогу, да забоялись, что до села засвѣтло не добредутъ, а ночной порой идти проселкомъ опасно, и рѣшили переночевать на деревнѣ, въ Лукиной избѣ. Мужиковъ къ нимъ набилась полна изба, даромъ что въ избѣ духота стояла и всѣ ручьями обливались отъ пота,—ужь очень хотѣлось послушать, что станутъ офени про новости разсказывать. И староста нашъ, хотя онъ былъ мужикъ и гордый, тоже пришелъ къ Лукѣ. На столѣ, за которымъ сидѣли офени и староста съ первыми на деревнѣ мужиками, стоялъ большой жбанъ съ пивомъ.

— Въ Россеѣ нонѣ все пошло по новому, разсказывалъ Прохоръ Васильичъ. — Вотъ теперича вездѣ новые суды

заводятся,—чай, скоро и у васъ будутъ. Денегъ приказные, какъ прежде бывало, ни съ кого не берутъ, а все такъ, безъ копѣечки дѣлаютъ...

— Это ладно! говорятъ мужики.

— Какъ же такъ, за дѣло поди тоже и они берутъ? спросилъ староста.

— Ни, Боже мой, — строго на строго отъ самаго Императора запрещено! Ежели кого только замѣтятъ,—прямо, безъ всякаго суда, въ Сибирь ссылаютъ!

— Трудно же имъ стало!

— Это по новому, а допрежде не такъ шло: бывало, нашего брата, какъ не дашь приказнымъ, безъ вины лишали родной сторонки! сказалъ Матвѣй, мужикъ ужъ не молодой и знакомый съ судами по нашему городу.

— И зовутся они теперича не приказными, продолжалъ разсказывать Прохоръ Васильичъ,—а также по новому: мировыми судьями, авокатами, да секретарями и членами разными. Къ примѣру сказать, я провинился въ чемъ нибудь; меня зовутъ на судъ. Прежде што? провинился ты, али подозрѣніе только какое пало, засадятъ тебя на два, али на пять годовъ въ острогъ, послѣ вызовутъ на судъ—и пропалъ на вѣки человѣкъ! А нонѣ не такъ. Хоша и посадятъ меня въ острогъ, только я завсегда оправдаться могу. Возьму я себѣ авоката, защитника значитъ; приведутъ меня въ судъ. Сперва ведутъ тебя по мраморной лѣстницѣ; позади тебя идутъ вѣжливо солдаты, али жандармы, а тамъ и введутъ прямо въ присутствіе, гдѣ сидятъ всѣ начальники и члены эвти съ судьями. Комната, гдѣ самое присутствіе, больше вашей церкви, и вездѣ чистота непомѣрная, а кругомъ все народъ сидитъ, публика значитъ, слушаетъ, по закону ли будутъ судить тебя. Вотъ сичасъ мнѣ главный начальникъ допросы почнетъ дѣлать: кто я, какой вѣры, сознаю ли себя виновнымъ. Я говорю: нѣтъ, ваше сіятельство, я невинно страдаю...

— А онъ за такія слова въ рыло не заѣдетъ? спросилъ Лука.

— Ни, Боже мой, строго на-строго запрещено! И не то, штобы драться, слова браннаго никто не скажетъ. Самый главный начальникъ только и говоритъ: «вы,» «Прохоръ Васильевичъ» — я эвто говорю къ примѣру, какъ дѣло ведется, а самъ я не былъ...

— Понимаемъ!

— Главный начальникъ даже вѣжливѣе, чѣмъ простой солдатъ. Вотъ снимутъ съ меня допросы; тутъ поднимется другой начальникъ, членъ большой, и почнетъ говорить противъ меня, обвиняетъ, значитъ. Ну, тутъ сердце и дрогнетъ: по его словамъ, я прямо, значитъ, въ каторжную работу долженъ идти. Стоишь, читаешь молитву. Вдругъ встаетъ авокатъ, защитникъ-то мой, и принимается говорить,—эвто ужь за меня, значитъ. Говоритъ онъ, говоритъ, — ни слова ты тутъ не понимаешь, потому мудрено, а судьи и члены эвти все понимаютъ и публика тоже, значитъ, понимаетъ, слушаетъ... Тутъ еще говорятъ: и тотъ, што противъ меня, и авокатъ мой. Долго говорятъ; потомъ устанутъ оба, вытрутся декосовыми платками и замолчатъ. Главный начальникъ опять спроситъ меня: што я могу сказать въ оправданіе свое? Я говорю: ничего, ваше сіятельство. Онъ за колокольчикъ, позвонитъ, и всѣ судьи и начальники съ членами уйдутъ въ другую комнату. Погодя выдутъ, бумагу съ собой вынесутъ и прочитаютъ: никакой вины за Прохоромъ Васильичемъ нѣтъ и онъ свободенъ идти, куда ему угодно...

— Такъ и отпустятъ?

— Безъ всякаго слова.

— Чудеса!

— Ахъ, какъ бы намъ такой-то судъ!

— Будетъ и у насъ, сказалъ староста.

Мужикамъ всѣмъ, какъ нельзя больше, по душѣ пришелся новый судъ.

— Стало, тамъ ужь никого теперя и въ Сибирь не ссылаютъ? спросилъ Матвѣй.

— Какъ не ссылать? Ссылаютъ, даже не впримѣръ больше, чѣмъ прежде!

Матвѣй посмотрѣлъ на владимірца.

— Да вѣдь авокаты, ты говоришь, какіе-то есть?

— Што за дѣло, што авокаты? Авокаты только тѣхъ оправдываютъ, кто не виноватъ, да кто можетъ заплатить имъ за себя деньги?

— А они нѣшто не даромъ?

— Чуденъ ты, я погляжу на тебя, Матвѣй Сидорычъ, съ насмѣшкой сказалъ Прохоръ Васильичъ:—развѣ станетъ кто для тебя задаромъ што дѣлать? Ну, подумай ты надъ эвтимъ хорошенько: ты человѣкъ самъ съ головой.

Матвѣй подумалъ.

— Вѣрно говоришь, сказалъ онъ, и опять къ владимірцу съ вопросомъ:

— Ну, я думаю, теперя въ той сторонѣ, гдѣ суды-то эти новые, скоро и ссылать ужь будетъ некого, всѣхъ разбойниковъ и воровъ поуничтожатъ и ни одного не останется?

— Эвто неизвѣстно, отвѣчалъ Прохоръ Васильичъ. — Слышно только, што годъ отъ году больше воровства и разбоевъ вездѣ разводится; скоро нигдѣ проходу и проѣзду не станетъ.

— А народъ тамъ лучше нашего живетъ?

— Ахъ, какой ты смѣшной, Сидорычъ! засмѣялся опять владимірецъ и такъ чудно засмѣялся, что вся борода у него затряслась.—Што спрашиваетъ—лучше? Да съ чего ему лучше-то жить? Поди нужду-то, да бѣдность все ту-же вездѣ терпятъ!

— Ну, а я думалъ, што тамъ лучше, промолвилъ Матвѣй,

— Впередъ не думай. Не токма што лучше, а въ десять разъ хуже вашего по другимъ-то мѣстамъ народъ живетъ! Вы еще што, — у Христа за пазушкой живете, — а то такіе-ли есть люди, живутъ не то въ избенкахъ какихъ, не то въ пещерахъ, до половины въ землѣ у нихъ хижины сидятъ и вмѣсто оконъ дыри подѣланы, ѣдятъ хлѣбъ пополамъ съ мякиной, а скотины домашней только и держатъ, што кошку, али собаку.

— Не много. Ну, а исправники тамъ со становыми есть?

— Есть.

— Што же они не берутъ?

— Эвто неизвѣстно. Вотъ о письмоводителяхъ, што при мировыхъ судьяхъ, слышалъ: тѣ рѣдко кого такъ съ пустыми руками отпустятъ.

— Ну, а ежели такъ, такъ поди ихъ много и въ Сибирь посослали?

— Не слыхать... Да отстань ты отъ меня, смертъ надоѣлъ!

Матвѣй понурился; а, спустя минуту, поднялъ голову, посмотрѣлъ въ глаза владимірцу и спросилъ:

— Такъ неужто тамъ и земство есть?

— Опять? Ахъ, Господи! Чего ужь не знаетъ: эвто, чай, всякій малый ребенокъ знаетъ, што нонѣ вездѣ по Россеѣ земство завелось!

Не мало еще разговоровъ у насъ было съ офенями; много поразсказали они намъ о разныхъ диковинкахъ на вольномъ свѣтѣ. Говорилъ больше Прохоръ Васильичъ, а другой, что съ божіимъ-то милосердіемъ пришелъ, развѣ такъ изрѣдка какое слово вставитъ, а то сидитъ все молча и попиваетъ изъ жбана пиво. Наговорились и стали расходиться.

— Прощай, Прохоръ Васильичъ!

— Прощайте, добрые люди! Богъ дастъ, какъ на тотъ годъ я къ вамъ опять приду, такъ може што и хорошенькое

для васъ принесу, говорилъ владимірецъ.—По зимѣ мы хотимъ въ Питеръ—понавѣдаться, такъ тамъ, ходя около министровъ-то близко, може што и про важныя дѣла узнаемъ? А главное, мужички, молитесь больше Всевышнему!

— Похлопочи! мы сами не забудемъ твоей услуги.

Ушли всѣ, одинъ староста остался.

— Прохоръ Васильичъ, сказалъ онъ,—мнѣ надобно съ тобой слово перемолвить; староста подвинулся ближе къ офенѣ.—Ты вотъ ходишь вездѣ, все знаешь и во всемъ понятіе имѣешь. Не можешь ли ты сказать, какое есть лѣкарство отъ живота?

— У тебя што-же съ животомъ-то, Карпъ Петровичъ: ростетъ онъ што-ли?

— Нѣтъ, пока этого, ровно бы, незамѣтно; а такъ нѣшто болитъ...

— Колетъ, али схватываетъ?

— Нѣтъ, колотья и схватокъ не чувствую. Только по временамъ будто бы што тамъ на колесахъ начнетъ кататься, а то вдругъ урчанье большое поднимется.

— Ахъ, счастливъ ты, Карпъ Петровичъ, што сказалъ мнѣ: эвто у тебя грыжа!...

— Грыжу я знаю: та наружѣ бываетъ, а у меня на видимости ничего нѣтъ.

— Ничего не значитъ! Говори: давно ли эвто у тебя такъ съ животомъ?

— Годъ, а то и больше.

— Ну, моли Бога, што не запустилъ, а то бѣда бы твоя: у тебя нутряная грыжа, и никакія лѣкарства не взяли бы ее, если бы мѣсяцъ еще пропустилъ. Сичасъ я тебѣ на полтинникъ нашатырнаго спирту отолью,—сыщи только посудину,—и отъ натиранія передъ сномъ вся боль пройдетъ!

— Не врешь?

— Што ты? Да разѣ я такой человѣкъ!.. Може, народу

отъ эвтой болѣзни я ни вѣсть што вылѣчилъ, и отъ пяти помѣщиковъ благодарность себѣ получилъ... А ты што говоришь!

Другой офеня подтвердилъ.

— При мнѣ случилось, какъ одна женщина въ эвтой же самой болѣзни каталась по избѣ, на крикъ кричала. Васильичъ съ разу ее на ноги поставилъ. И по сіе время отблагодарить его не знаетъ какъ!

— Да вотъ и онъ свидѣтель былъ, какъ я эвту бабу отъ лютой сметри избавилъ... Я вѣдь и по эвтой части ходокъ, рѣдкую болѣзнь не вылѣчу!.. Вотъ тебѣ и лѣкарство.

Староста заплатилъ деньги и пошелъ къ двери.

— Постой, Карпъ Петровичъ! воротилъ его владимірецъ.— Позабылъ слово тебѣ одно сказать. Вотъ што: при моемъ лѣкарствѣ не забудь о молитвѣ; оно съ молитвой скорѣе подѣйствуетъ! А если гдѣ по близости васъ есть икона чудотворная, али явленная—сходи завтра-же: недѣлей вся болѣзнь кончится!

Староста на это даже вздохнулъ глубоко и сказалъ:

— То-то и бѣда наша, Прохоръ Васильичъ, што ближе двухъ сотъ верстъ никакой такой иконы нѣтъ! Собираюсь давно съѣздить, да времени-то никакъ не улучу по своей службѣ: ужь очень загоняла меня должность-то эта, покою себѣ просто не знаю!...

Нельзя сказать, чтобы староста нашъ по службѣ своей когда утруждалъ себя, нѣтъ; но онъ любилъ немного прихвастнуть, особенно передъ чужими людьми.

Какъ староста ушелъ, хозяева и офени легли спать. Бабкѣ Лукиной — она была у него старуха вѣтхая и хворая —всю ночь не спалось, и она слышала, какъ одинъ ночлежникъ осторожно выходилъ изъ избы и что-то долго не возвращался со двора.

— Знать и тебѣ, косатикъ, неможется, спросила она у

офени, когда тотъ вернулся: —который ты разъ на дворъ выбѣгаешь?

— Да, што-то не совсѣмъ здоровится, баушка, отвѣчалъ иконопродавецъ: — вѣрно съ дороги эвто меня прихватило... Надо у Васильича спирту взять.

— Нѣшто, кормилецъ... А я вотъ и за все такъ-то не сплю по цѣльнымъ ноченькамъ: все ломитъ да вездѣ болитъ... О-о-хо-хо! Скорѣе бы хоть смерть-то што ли за мной приходила, а то жизни своей не рада.

Утромъ, вмѣстѣ съ солнышкомъ, ходебщики поднялись и пустились въ дорогу. На прощаньѣ, Прохоръ Васильичъ далъ старухѣ нашатырнаго спирта.— «Три, говоритъ,—какъ можно сильнѣе по тѣмъ мѣстамъ, которыя у тебя болятъ, и годовъ двадцать смѣло еще проживешь, старуха!» Съ тѣмъ и ушли.

III.

И великое чудо у насъ тутъ случилось.

Солнышко ужь высоко поднялось надъ деревнею. Зеленые всходы въ поляхъ казались еще зеленѣе, еще ярче, точно они радовались, что солнце обливаетъ ихъ своими лучами; вверху, надъ всѣмъ этимъ зеленымъ полемъ, раздавалась веселая пѣсня жаворонковъ, а изъ чащи молодаго березника, что начинался позади деревни, лились ужь цѣлыя сотни разныхъ пѣвчихъ голосовъ и будто въ самую глубь души они вливались. Хорошо! И въ деревнѣ тоже свѣтло, радостно...

Хотя день стоялъ и праздничный, воскресенье, но въ деревнѣ никто не спалъ и давно всѣ были на ногахъ. Человѣкъ шесть пошли въ село къ обѣднѣ. По настоящему, слѣдовало бы всѣмъ идти; да у насъ не всякій охочь за десять верстъ въ храмъ Божій ходить; развѣ очень праздникъ большой, ну тогда пойдутъ и всѣ. Къ тому же и Николинъ день рукой

подать: всего черезъ два дня. На деревнѣ принялись завтракать.

Лука сидѣлъ въ своей избѣ и ѣлъ горячія ржаныя лепешки, жена возилась передъ печкою, а старуха безпрестанно натиралась спиртомъ и пуще охала.

— Что, баушка, аль нѣтъ легче-то? спрашивала у бабки Лукина жена.

— Како легче! простонала старуха.—Трусь, трусь, а боль ничуть не унимается, ровно хуже еще стало... А вонища-то какая—духъ захватываетъ!

— Что дѣлать, потерпи, сказалъ Лука:—ты человѣкъ старый, баушка. Васильичъ вонъ что говоритъ: въ костяхъ говоритъ, болѣсть-то у твоей бабки, скоро нельзя ждать, чтобы она прошла.

Только онъ это успѣлъ вымолвить, какъ дверь отворилась и въ избу ввалились ходебщики: на обоихъ лица нѣтъ...

— Дома, слава Богу! проговорилъ съ иконами и прямо къ Лукѣ.—У насъ до тебя, хозяинъ, дѣльцо небольшое есть...

Лука какъ ѣлъ лепешку, такъ и остался на мѣстѣ въ томъ положеніи: половину лепешки въ рукѣ держитъ, а другая изорта глядитъ.

— Ты погоди пужаться-то, началъ Прохоръ Васильичъ:—мы тебѣ зла не пожелаемъ, коли самъ не захочешь. Мы, видишь, одни пришли и десятскаго съ собой не захватили...

— Не виноватъ! душа вонъ, не виноватъ! закричалъ Лука и вскочилъ съ лавки.

Жена стояла у печки, глядѣла во всѣ глаза и ничего не знала, что дѣлать: бѣжать ли ей куда, или поднять ревъ на всю деревню. Робкій у насъ народъ!

— Слушай, Лука Митричъ, сказалъ Прохоръ Васильичъ:—отдай ты намъ безъ разговору, и Богъ съ тобой, мы и не скажемъ никому!

— Чего отдать? Я ничего не бралъ!...

— А ты полно, не доводи себя до грѣха—вѣдь нечего ужь запираться, по всему видно, что твое дѣло...

— Коли такъ не хошь отдать, возьми за мѣсто его любаго угодника, сталъ упрашивать и другой офеня:—я тебѣ отдамъ мученика Евстафія Плакиду. Не хошь? Возьми, пожалуй, Христофора, вчера баба какъ добивалась, она у тебя купитъ его!

Лука пришелъ въ себя.

— Ну, право, въ толкъ не возьму, чего вы отъ меня хотите?... Развѣ спиртъ этотъ... да вѣдь ты же самъ, Васильичъ, далъ его баушкѣ.

— Не о спиртѣ рѣчь, Митричъ; мы про Ивана Воина говоримъ. Скажи, по чистой правдѣ: ты взялъ его, праведника?

Лука и руки растопырилъ.

— Господь съ вами, да я нѣшто такими дѣлами занимаюсь!..

— Отчего же ты давѣча, какъ мы вошли, испужался такъ? спрашиваетъ Прохоръ Васильичъ.

— Да и самъ не знаю, чего испужался. Не во гнѣвъ будь вамъ сказано, по рожамъ давѣ вы показались мнѣ за разбойниковъ...

— Добрый человѣкъ! говоритъ офеня: — мало тебѣ одной иконы, я дамъ тебѣ еще Анику Воина, тутъ его и житіе все описано. Отдай мнѣ только Ивана Воина!

Лука божится и клянется, что нѣтъ у него никакого Ивана Воина.

— Ежели вы не вѣрите, обыщите, сказалъ онъ:—даю вамъ свободу вездѣ искать!

Офени перемолвились что-то по своему, по офенски между собою и говорятъ:

— Веди насъ къ той бабѣ, что вчера у мужа просила купить мученика Христофора: може не она ли, по ошибкѣ, замѣсто мученика Христофора, взяла эвтого угодника. А ежели

тамъ не найдется, тогда не взыщи, Митричъ: сходимъ за десятскимъ и обыскъ у тебя съ понятыми сдѣлаемъ!

— Свести я васъ сведу, только врядъ ли толкъ какой бусетъ: у насъ въ деревнѣ не то, что на святыню, а и на простую вещь никто руки не наложитъ.

— Тамъ увидимъ! Веди.

Пошли. На дорогѣ встрѣтились кое съ кѣмъ изъ деревенскихъ.

— А, купцы владимірскіе, вы опять къ намъ съ товарами?

— Не до товаровъ, когда несчастье большое случилось, говоритъ Прохоръ Васильичъ:— вотъ у мово товарища икона пропала, да и икона-то какая? что ни есть дорогая! Нарочно и воротились!

— Какъ же она пропала-то?

— Христосъ ее вѣдаетъ! Дошли до села, тамъ купецъ проѣзжій въ кибиткѣ ѣдетъ. Увидалъ насъ и кричитъ: «торговцы, торговцы!» Мы подошли. — «Что вашей милости?» А онъ: «нѣтъ ли, говоритъ, у васъ картины о страшномъ судѣ Христовомъ, гдѣ бы я могъ видѣть муки грѣшниковъ, кто за какую вину мученье какое на томъ свѣтѣ долженъ принять.» — Есть, говорю. Развязалъ коробъ, сталъ выкладывать иконы,— картины у меня внизу подъ иконами лежатъ,—глядь, а Ивана-то Воина и нѣтъ! Завязалъ я наскоро коробъ,—не до продажи ужь,—и ударились съ Васильичемъ назадъ бѣжать...

— Не потерялъ ли дорогой?

— Гдѣ потерять! Коробъ здоровый и накрѣпко веревками завязанъ...

Говорятъ они такъ-то, вдругъ, глядимъ, къ старостиной избѣ народъ что-то побѣжалъ... Слышимъ,—кричатъ.

— Икона явленная, икона явленная!

— Гдѣ, гдѣ?

— У старостина сарая, на березѣ!

Всѣ туда хлынули.

IV.

На задахъ у старосты, гдѣ стоялъ его большой сарай, росла высокая береза. Почти-что на самой верхушкѣ, между распускающимися почками, стоитъ на вѣточкѣ явленная икона и покачивается, отъ вѣнчика сіяніе кругомъ... Дивились не мало у насъ, какимъ только чудомъ держалась она, на такой тонкой вѣточкѣ!

Вся деревня собралась къ березѣ. И офени подошли. Мужики стоятъ безъ шапокъ, бабы крестятся, плачутъ отъ радости, а ребятишки, закинувши свои головенки, стараются понять, что за чудо такое сдѣлалось, что никогда никто не ходилъ изъ нихъ къ этой березѣ, а теперь весь народъ тутъ и всѣ глядятъ на самую верхушку: нѣсмысли, ничего то они не понимаютъ!

— Что же намъ дѣлать, міряне, говоритъ староста:— самимъ ли намъ ее, матушку, съ березы-то снять, или въ село за священникомъ послать, онъ съ молебствіемъ ее сниметъ?

— За попомъ лучше послать, говорятъ одни.

— Боже васъ сохрани! вскричалъ Прохоръ Васильичъ:— нѣшто вы хотите, чтобы у васъ эдакую благодать отняли? Попъ какъ пріѣдетъ, такъ сейчасъ же ее, матушку, къ себѣ въ церковь возьметъ.

— Нѣтъ, благодать нельзя отдавать, заговорили мужики.

— Сколько мы годовъ живемъ, а еще ни разу у насъ такого чуда не бывало... Да и отцы наши, и дѣды ничего такого на своемъ вѣку не запомнятъ.

— Это правда, да чтобы намъ послѣ хлопотъ не нажить заговорилъ Матвѣй:—пожалуй, и отвѣчать заставятъ, что мы про чудо Божіе скрыли, начальству не дали знать.

— Не надо про эвто много говорить, сказалъ Прохоръ Васильичъ:—свой то братъ не выдастъ, а чтобы чужіе только какъ не свѣдали... Эвто главное!...

Матвѣй хотѣлъ было что-то сказать, но ему и говорить не дали.

— Молчи, ради Создателя молчи!.. Ты противъ кого такія слова говоришь? Смотри, какъ бы она за слова твои богохульныя языка тебя не лишила?...

— Міряне, сказалъ староста,—я весь страхъ на себя беру. Давайте снимать! Кто мастеръ у насъ по деревьямъ лазать?

Выискалось двое парней.

— Да на васъ чистыя-ли рубашки надѣты? спросилъ Прохоръ Васильичъ.

— Чистыя, вчера только смѣняли.

— А портки?

— Портки-то?..

— Парни замялися.

— Ну, вамъ нельзя лѣзть...

А другихъ смѣльчаковъ не нашлось, потому и рѣшили явленную икону снять такимъ образомъ: принести нѣсколько новинъ чистыхъ, взять холсты въ руки и держать кругомъ березы, а самую березу трясти съ молитвою. Спасибо офенямъ, это они научили какъ сдѣлать.

— Вѣрно ты, Карпъ Петровичъ, молился усердно, сказалъ Прохоръ Васильичъ, пока бѣгали за новинами:—какое чудо на твоей землѣ Владыка небесный явилъ!

— Ужь и не знаю, Прохоръ Васильичъ, чѣмъ я только заслужилъ у Бога, что онъ такъ не по дѣламъ взыскалъ меня, съ смиреніемъ отвѣчалъ староста!

— Да, кого вотъ взыщетъ, а кого и накажетъ. Вонъ у мово товарища икона дорогая пропала, нарочно мы и воротились спросить, не взялъ ли кто...

— А мнѣ и не вдомекъ, какъ вы опять здѣсь очутились! Какая же это у него икона пропала?

— А Иванъ-то Воинъ, что вчера показывалъ, еще письмо такое важное и вѣнчикъ вокругъ головки.

— Помню, помню. То-то онъ, товарищъ твой, и сумраченъ такъ...

— Ахъ, да вѣдь икона-то чего стоитъ: за самый престолъ въ алтарь ее преосвященный хотѣлъ поставить. Еще дивлюсь я ему, что онъ живъ остался, а другой на его мѣстѣ сейчасъ бы и руки на себя наложилъ... .

Но тутъ принесли холсты. Развернули новины и приступили къ березѣ.

— Трясти?

— Начинай, съ молитвой!

Затрясли.

— Не сходитъ?

— Нѣтъ.

— Экое удивленье!

Принялись сильнѣе трясти. Вѣтви шумятъ, качаются; вѣнчикъ на иконѣ такъ и сіяетъ, такъ и блеститъ при солнышкѣ.

— Не дается!

— Видно не угодно ей, матушкѣ... Не достойны, должно, мы грѣшные!

— Не еще ли помолиться?..

— Ой, што это? Батюшки, да это она сама!..

— Сошла?!

— Вотъ она!

Всѣ кинулись глядѣть на явленную икону.

— Господи, да это Иванъ Воинъ! проговорилъ староста и закрестился.

— Онъ, самый онъ и есть! закричалъ Лука. — Васильичъ! гляди-тко, угодникъ-то твово товарища гдѣ очутился!

А владимірцы земли подъ собой не чуютъ: — обрадовались.

Прохоръ Васильичъ повалился въ ноги Лукѣ и убивается, чуть не плачетъ, выпрашиваетъ себѣ прощенія:

— Забудешь ли ты, честный человѣкъ, ту великую обиду, которую я нанесъ тебѣ своимъ подозрѣніемъ, своими неразумными рѣчами! Простишь ли ты хоть ради сегодняшняго чуда Господня?

— Богъ проститъ. Я давно забылъ, говоритъ Лука, съ умиленіемъ взирая на явленную икону.

Икону поставили къ стволу березы, на бѣлую новину,—и стали всѣ подходить и прикладываться. Многіе стояли на колѣняхъ и молились въ землю. Ребятишки заползли сзади березы и, украдкой отъ большихъ, пошевеливаютъ пальчиками на святомъ вѣнчикѣ.

— А онъ нетронетъ? шептались за березой.

— Не бойсь, онъ вѣдь не живой!

— Дайко я пощупаю, што у него это блеститъ!

— Вы што тутъ, вшивые, святыню трогаете! закричалъ на ребятишекъ староста.

Одна баба говорила своей дочушкѣ, дѣвченкѣ лѣтъ пяти:

— Прикладывайся къ ручкѣ скорѣе, Танька!

— Ни, боюсь!

— Чего, дура?

Офени дали приложиться, а потомъ и говорятъ:

— Ну, мужички, теперича мы угодника-то евтова опять къ себѣ положимъ. Надо его, святителя, въ село Хомутово намъ въ цѣлости доставить!

Всѣ такъ и всколыхнулись.

— Што вы? да нѣшто мы отдадимъ явленную икону? Ни за што.

— Вотъ што пріятель, началъ говорить староста товарищу Прохора Васильича:—я знаю, што икона твоя дорогая, даромъ тебѣ отдать ее нельзя. Возьми ты съ насъ сполна ту цѣну, за которую продалъ въ церковь, и уступи для благодати намъ.

— Никакъ невозможно!

Если бы не Прохоръ Васильичъ, не видать бы деревнѣ больше явленной иконы:—онъ, спасибо, заступился.

— Отдай ты, говоритъ,—имъ святителя Христова! Уготовалъ онъ себѣ мѣсто здѣсь, въ деревнѣ Никулихѣ. Какъ же ты можешь на перекоръ волѣ Божіей идти?

Согласился.

— Дѣлать нечего, сказалъ,—знать страхъ Божій во мнѣ силенъ. Сберите вы съ каждаго дома по новинѣ холста, али домашняго полотна, и Богъ съ вами!

И прекословить не стали, собрали.

— Глядите мужички, наказываетъ Прохоръ Васильичъ:—держите ухо востро, не спознали бы какъ попы, али становой: не дадутъ вамъ святыней попользоваться!

— Станемъ остерегаться!

— То-то же, какъ можно будьте осторожнѣй! Эвто главное!

V.

Такъ всѣмъ міромъ и порѣшили на деревнѣ, что явленную икону надо соблюдать отъ всѣхъ въ строгости и никому изъ постороннихъ не говорить, что Царь Небесный взыскалъ насъ своею милостью и благословеніемъ.

У старосты взади стояла свѣтелка, туда угодника Христова и поставили въ уголъ, зажгли предъ нимъ неугасимую лампадку и закурили ладонъ. Народъ каждый день сюда приходилъ, а больные старики и старухи до самой ночи не выходили изъ свѣтелки: все молились да исцѣленія себѣ просили. Лукина бабка и про спиртъ забыла: велѣла себя внучатамъ свести къ Ивану Воину, и какъ привели ее къ явленному, такъ и осталась тутъ и домой не захотѣла идти.

— Я лучше, говоритъ — здѣсь и ночевать стану, да все на глазахъ буду у него, батюшки: скорѣе онъ такъ-то отъ недуга меня освободитъ...

Однако не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ со всѣхъ ближнихъ деревень повалилъ къ намъ народъ. Богъ ихъ вѣдаетъ, какъ они узнали, что у насъ явленная икона. Повезли на телѣжкахъ увѣчныхъ, больныхъ, хромыхъ и всякихъ прокаженныхъ. Масла, яицъ, холста, и всякаго добра нанесли и невѣсть что. Староста принимаетъ и только говоритъ:

— Ради Христа, православные, поосторожнѣе! Помилуй Богъ, кто изъ чужихъ спознаетъ! Бѣда!

— Не сумлевайся, Карпъ Петровичъ, говорятъ всѣ.

Другіе все распрашиваютъ:

— Какъ онъ, батюшка, явился-то, Карпъ Петровичъ?

— А вышелъ я въ то воскресенье утромъ на задворки; иду къ сараю, гляжу вверхъ, а на самомъ-то верху березы, ровно солнышко какое играетъ. Я остановился, сталъ вглядываться: Господи! а это самъ угодникъ сіяетъ. Жена подошла, закричала... тутъ народъ сбѣжался, и сняли его, батюшку. Только не сразу далея.

— Не съ разу?!

— Нѣтъ, долго не давался.

— Экіе чудеса Господни!

Привезли къ намъ и одну порченную. Руки и ноги связаны; вынули изъ телѣги, развязали и поставили на ноги. Молодая, изъ себя красавица; косы распустились, висятъ по рубашкѣ темными прядями. Спрашиваемъ: откуда такая красавица?

— Изъ Жуковки, отвѣчаютъ. — Ивана Гарасимова дочь, бѣсноватая.

— Отчего это съ ней приключилося?

— Извѣстно, злые люди напустили. Дѣвка была здоровая, умная; съ лица, ровно маковъ цвѣтъ; да связалась на грѣхъ съ писаремъ волостнымъ и сгубила себя на всю жисть. Сперва

онъ, идолъ, надругался надъ дѣвкой, кинулъ, а послѣ и навелъ на нее порчу.

— Вотъ оглашенный-то!

Съ великимъ трудомъ могли ввести порченную въ свѣтелку. Сперва не шла, все отбивалась, да мужики насильно вволокли. Поставили ее передъ иконой: она ничего, стоитъ.

— Молись, говорятъ, — дура, святому: можетъ онъ и выгонитъ изъ тебя бѣса-то!

Она все стоитъ, смотритъ пристально карими глазами на ликъ угодника и молчитъ. Глядятъ, что будетъ. Вдругъ она какъ задрожитъ, вся забьется, да какъ закричитъ:

— Уведите меня; не будетъ моему сердцу онъ него никакой помочи!

Переглянулись всѣ.

— Бѣсъ-отъ въ ней какъ!

— Ище такъ ли онъ ее ломаетъ! сказалъ отецъ порченной.

Ничего не сдѣлали. Бѣсъ не вышелъ изъ погубленной дѣвичей души. Такъ и увезли бѣдную опять въ Жуковку!

Народу къ намъ все больше и больше сходилось на поклоненіе, а по воскресьньямъ настоящая ярмарка собиралась. Мужики стали подумывать на счетъ часовни, да отложили постройку до осени, когда наступитъ свободная пора.

А тутъ, видно мѣсяца черезъ два, наѣхали въ деревню батюшка-священникъ, исправникъ, становой...

— У васъ, говорятъ, явленная икона! а?

Ну, пришлось о часовнѣ-то позабыть; вся деревня въ концъ раззорилась, да хорошо, что еще подъ судъ не попали.

Послѣ мы узнали, что въ этомъ году по нашей губерніи до тридцати иконъ въ разныхъ мѣстахъ явилось!

1868 г.

ЛѢШІЙ ОБОШЕЛЪ.

ЛѢШІЙ ОБОШЕЛЪ.

Тихо, незамѣтно у насъ въ Арменкахъ проходитъ «новый годъ». Знаютъ, что на утро будетъ Васильевъ день, а что «новый годъ» будетъ, такъ это ты поди прежде грамотѣ поучись, — въ календарѣ почитай... Ничего намъ пока, кромѣ новаго горя и новыхъ заботъ, не приносили эти «новые годы». то. Вотъ Васильевъ вечеръ, особенно ежели Васильевъ день, такъ это у насъ всѣ знаютъ и почитаютъ: оттого, что вечеромъ этимъ дѣвки гадаютъ, парни рядятся медвѣдями и пугаютъ по селу бабъ. Самый праздникъ пуще того тамъ памятенъ, потому, можетъ, еще прадѣды-то наши знали, что этимъ временемъ надо уходить въ село Васильевское, въ двухъ верстахъ отъ насъ — потому въ этотъ день престолъ тамъ бываетъ. Ну, ужь и празднуютъ же наши мужики въ Васильевскомъ! Цѣлый вечеръ, съ сумерокъ и до самой полуночи, ходятъ они изъ одной избы въ другую и все угощаются: попьютъ у одного, пойдутъ къ другому, отъ этого — къ третьему, да такъ изъ конца въ конецъ и обойдутъ подъ-рядъ всѣ избы въ

селѣ. За то ужь, какъ вернутся съ праздника, никого изъ нихъ узнать невозможно: точно они изъ-подъ Севастополя домой воротились, всѣ въ ранахъ и увѣчьяхъ....

— Н-ну, праздникъ! скажутъ наши, которые оставались дома и не ходили въ Васильевское, и руками даже отъ ужаса при этомъ разводятъ. — Эка, угостились-то, образа человѣческаго ни на комъ нѣтъ... Ахъ вы прокаженные, прокаженные!

А прокаженнымъ совсѣмъ ужь не до того: поскорѣе схватятъ изъ дома, что попало на глаза, и прямо въ кабакъ, либо трактиръ! Съ недѣлю пьютъ, чтобы оправиться, и развѣ только къ Крещенью мало-мальски очувствуются. Всю эту недѣлю по селу плачъ и ревъ идетъ...

— Иродъ! да што-жъ ты это дѣлаешь? голоситъ какая-нибудь баба.—Гдѣ у тебя полушубокъ-то?

— Н-нѣ-ѣ-тъ, подожди, каторжникъ, за женнину одежду приниматься! происходитъ на улицѣ, въ очью всѣхъ, борьба между двумя супругами.—Свою-то одежу прогулялъ, теперь за тестево приданое принимаешься.—Мучь, уродуй! Я все перетерплю, а приданаго моего тебѣ пропивать не дамъ! Мнѣ бабушка-то его собирала-собирала...

— Опусти! вопитъ супругъ.—Я тебѣ такую бабку задамъ!... а?.. Я въ полномъ положеньѣ, а ты?.. Ты законъ-то видно позабыла? Накось, что вздумала: супротивъ Господнева закона?

А трактирщикъ нашъ, Вонифатій Михайлычъ, выдетъ въ барашковомъ тулупѣ на расписное крылечко и глядитъ, какъ мужикъ съ своей бабой управляется,—и посмѣивается.

— Ничего! Я вытерплю! не перестаетъ оглашать улицу бабій голосъ.

— Увидимъ! У-увидимъ! Я погляжу, какъ ты это стерпишь... Опусти!.. Ты знаешь ли, что бываетъ за неповиновеніе —умереть на мѣстѣ? Да я тебя къ мировому сичасъ, а

то и прямо къ преосвященнѣйшей владыкѣ? Вѣдь за эвто, Стешка, ахъ какъ съ тебя взыщутъ! Законъ, дура!.. Поняла ли? Да лучше ужь отдай сарафанъ по любови! Что тебѣ въ немъ? Невидаль какую нашла?

— Ай, Евклей! Вотъ молодецъ, сичасъ умереть, хвалитъ мужика Вонифатій Михайлычъ: — какъ онъ женѣ законъ-то преподаваетъ!

— Да, внушаетъ знатно! покрикиваетъ изъ окна цѣловальникъ, высунувши на улицу свое румяное лицо.—Вѣдь вотъ, сосѣдъ, человѣкъ, кажись, не ученый, а не хуже любаго попа законъ этотъ помнитъ. Дастся же человѣку такой разумъ.

А человѣкъ съ такимъ разумомъ ужь стрѣлой несется въ кабакъ, держа въ рукахъ отнятый сарафанъ...

Кабакъ въ Арменкахъ изъ старины, никто и не запомнитъ, когда онъ завелся, а трактиръ у всѣхъ на пямяти: ровно шестнадцать годовъ, какъ пріѣхалъ въ село Вонифатій Михайлычъ, и построилъ на мужицкой землѣ, подлѣ самаго кабака, большой деревянный домъ, а спустя этакъ года три еще подстроилъ и вывелъ другой этажъ. Очень выгодно ему у насъ содержать трактиръ: по середамъ базары, народа всякаго съѣзжается нѣсть числа, а что до прислуги, такъ наши мужики больше задаромъ отправляютъ у него должность половыхъ и много остаются довольны, когда Вонифатій Михайлычъ поподчуетъ за услугу стаканчикомъ водки. Обыкновенно мы для трактирщика всякую вещь дѣлаемъ сообча, всѣмъ селомъ: воду носимъ ему, дрова рубимъ, и въ городъ съ нимъ за покупками ѣздимъ. За то и Вонифатій Михайлычъ насъ не оставляетъ: сиди у него сколько душѣ угодно, никогда онъ тебя не выгонитъ, словомъ дурнымъ не обзоветъ, развѣ только кто пьянъ въ кабакѣ напьется да къ нему ругаться придетъ, того, извѣстное дѣло, въ три жилы.

Часто, зимней порою, забираемся мы въ трактиръ и просиживаемъ тамъ долгіе вечера: кто сидитъ и пьетъ чай, кто водку; больше однако такъ, праздно время проводятъ, на разговорахъ, потому у насъ въ карманахъ-то одна только дыра въ горсти...

Собрались мы такъ-то однажды подъ новый годъ къ Вонифатію Михайлычу и посиживаемъ. Онъ намъ чайку собралъ, потому мы ему этимъ днемъ хлѣвъ для скотины исправили, и стойло лошадямъ оборудовали.

День былъ простой, небазарный, и потому, кромѣ своихъ, никого въ этотъ вечеръ изъ гостей не случилось въ трактирѣ. Забрались мы, выходитъ дѣло, въ большую комнату, самую лучшую. Вонифатъ оклеилъ ее газетами, да генералами конными, «дворянскою» звалъ. На столѣ свѣча горѣла, а въ углѣ топилась желѣзная печка, смотрѣть любо. И про зиму забыли мы, въ этой благодати сидѣвши. Въ окна нѣтъ-нѣтъ да снѣгомъ ударитъ, на улицѣ вѣтеръ воетъ, а намъ и горюшка мало. Вой, молъ, сколько твоей душѣ угодно. Намъ здѣсь тепло.

Подошелъ тутъ къ нашей компаніи Ѳедоръ Григорьевъ, — Галченкомъ звали. Христосъ знаетъ, почему его такъ прозвали. да и не одного его, а и отца и дѣдушку такъ величали. Когда отецъ и дѣдъ находились въ живыхъ, въ селѣ ихъ такъ отличали одинъ отъ другого —Галченокъ самый старый, Галченокъ середній и Галченокъ молодой. Старые галчата примерли, остался одинъ молодой, и ужь съ тѣхъ поръ его стали звать просто Галченокъ. Званье это, впрочемъ, ему какъ разъ къ шерсти подходило: былъ онъ изъ себя низенькій такой, худенькій, но бойкій, шустрый мужичонка, какъ есть галка, а когда до разговоровъ дѣло доходило, такъ онъ, бывало, одинъ десятерыхъ переговоритъ!

— Чай да сахаръ, народъ честной! сказалъ онъ, проворно

подходя къ столу съ полштофомъ, какой онъ прихватилъ у трактирщика.—Можно мнѣ къ вашей бесѣдѣ присѣсть?

— Садись, садись! пошутили мы съ нимъ.—Мѣста у насъ хоша и немного, а для твоего полштофа найдемъ, — раздвинемся. Присаживайся!

Галченокъ усѣлся и полуштофъ предъ собой на столъ поставилъ.

— Да тебя, милый человѣкъ, съ чѣмъ не поздравить ли? освѣдомлялся у Галченка Максимъ кривой и по плечу его хлопнулъ.

— Я сюда отъ Фектиста-дворника, отвѣчалъ Галченокъ.— Встрѣтилъ у него проѣзжаго неряхчана, запродалъ ему малость пеньки...

— Вотъ это любезное дѣло! радостно заговорили чаевники. Значитъ, ты намъ таперича чай-то най нашъ винцомъ смочишь?.. Это ты, галка, хорошо выдумала, — даромъ что птица!..

— Мы выдумаемъ, похвалился Галченокъ, наливая стаканъ.—Только вотъ моя бѣда, ребята, сплоховалъ я, продешевилъ пеньку-то. Кабы не подушныя, деньгу бы хорошую я за нее на базарѣ слизалъ.

— Разговаривай про подушныя-то! Тебѣ хоть продать было что, а мы животы-то свои разглядывали-разглядывали на дворахъ, ничего не укусили...

— И вѣдь этакой народъ продувной эти нерехчане! продолжалъ Галченокъ, выпивая за разъ стаканъ:—мало того, что цѣной они тебя нажмутъ, да еще и обвѣсить наровятъ. Какъ ни смотрѣлъ я за нимъ, а безпремѣнно онъ меня, безмѣнная душа, фунтовъ на десять обогрѣлъ!

— Еще Бога благодари, ежели на десять только. Онъ тебя на половину охватитъ, такъ и то не примѣтишь. Не даромъ про нихъ говорятъ, что нерехчане Волгу на безмѣнѣ переплыли...

Выпили мы такимъ манеромъ Галченковъ полштофъ — и сами ему на отместку ухитрились другой собрать.

— Что на дворѣ творится—страсть! заговорилъ Галченокъ, воротившись изъ двора, куда онъ, послѣ второй выпивки, ходилъ за деньгами, какія отъ подушнаго оставались.—Такъ и мятетъ, такъ и вздуваетъ, свѣта божьяго не видать! Какъ на утро намъ будетъ къ престолу идти?

— Къ престолу-то? Небойсь, къ нему сыщешь дорогу, потому, вишь, тутъ не молить, а вино пить...

— А что, ребята, правду это толкуютъ, что въ ночь на Васильевъ день черти больно людей нудятъ? спросилъ кто-то.

— Бываютъ такіе разговоры! Самому чтобъ видѣть,—Богъ избавилъ: а на кого эта напасть находила, такъ тотъ памяти рѣшался, а то и всей жисти. Я такъ отъ старыхъ людей слыхалъ, что и мятель они же поднимаютъ: потому выходитъ этимъ дьяволамъ на Васильевъ день воля—покружить по бѣлому свѣту до вторыхъ пѣтуховъ. Вотъ они, вылетѣвши, и примутся чудить, такъ что крыльями своими весь снѣгъ взмѣсютъ. Вотъ отчего каждый годъ на Васильевъ день крутятъ мятели-то.

— Эвто такъ: мятель нечистыя силы вздымаютъ, сказалъ Галченокъ. Дьяволъ—продувная шельма! онъ не только мятель вздыметъ, а сичасъ на себя какой угодно ликъ можетъ принять, крестьянина ли, али животины какой...

— Дѣло! Галченокъ правду сказываетъ, объ этомъ всѣ очень даже наслышаны, какъ это онъ, т. е. переметывается въ разные образы,— согласилась компанія; а Галченокъ,—видючи, что всѣ его уважаютъ, да и кромѣ, какъ выпивши находился, здорово забахвалился и принялся мужиковъ ругать.

— Слышали, слышали, разливая водку благопріятелямъ, словно бы писарь на сходкѣ, важно заговорилъ онъ.—А что вы слышали, когда я его самъ видѣлъ своими глазами—вотъ все

равно, какъ васъ вижу, такъ и его видѣлъ... Пейте-кось, а я вамъ разскажу. У меня еще порядкомъ денегъ-то отъ пеньки осталось...

— Неужли же ты его самъ видѣлъ?

— Кабы не видѣлъ, такъ и не говорилъ! Вотъ прислушайте на досугѣ: разъ подъ Васильевъ день меня лѣшій обошелъ... Натерпѣлся страху, признаться! И сичасъ морозъ по кожѣ деретъ, какъ рожу его идольскую вспомяну...

— Что врешь? Будто ужь и въ рожу видѣлъ?

— Вѣрное слово, подтвердилъ Галченокъ.—Завтра великъ-день, врать не стану!

— Какой-же онъ собою изъ лица?

— Собою онъ, какъ есть настоящій человѣкъ, а лицомъ ни дать ни взять, швецъ Макаръ, какой вотъ по селамъ ходитъ и намъ полушубки шьетъ.

— Что ты! Вр-решь?

— Вѣрно слово.

— А ты побожись!

— Да по мнѣ пожалуй! Я и побожиться готовъ, потому правда была.

— Побожись большой божбой: лопни моя утроба.

— Хорошо! Лопни моя утроба! безъ всякаго испуга побожился Галченокъ этой страшной клятвой.

— Значитъ, правда, братцы. Гдѣ же ты его увидѣлъ?

— А повстрѣчался я съ нимъ на пути. Тутъ еще я помню, снѣгъ высыпалъ это большой—бѣда!..

Мужикамъ такъ любопытно показалось начало Галченкова разсказа, что многіе, бросивши чай, вылѣзли изъ за своихъ столовъ и къ намъ подошли.

— Н-ну, Галченокъ! Дѣйствуй! Разсказывай! всѣ мужики обратились на нашъ столъ съ такимъ приказомъ.

Галченокъ началъ разсказъ.

— Ровно два года прошло тому, ребята, какъ меня этотъ лѣшій обошелъ. Пошелъ я наканунѣ самаго праздника въ Васильевское, къ Василью Иванычу. Знахаря Василья Иваныча знаете? Такъ вотъ это я къ нему пошелъ. Какъ сичасъ помню, послѣ погоды, ясный такой день стоялъ: на дворѣ такъ-то важно морозъ потрескивалъ. Знатно меня о ту пору въ ярмянкѣ моемъ пробрало! Ну, вѣдомое дѣло, пришелъ и говорю:— Здравствуй молъ, Василій Иванычъ!—Здорово, говоритъ, Ѳедоръ Григорьичъ! Садись. Пріятели мы съ нимъ, извѣстно, большіе!..

— Ну, зачалъ фастать! перебила компанія.—Василій-то Ивановъ, небойся, почище насъ съ тобой. Онъ такихъ-то пріятелей отъ своей избы запоромъ по шеѣ гоняетъ. Ты намъ разсказывай про лѣшаго, а пріятство свое подъ копыту себѣ положи.

Тутъ Галченокъ разозлился и закричалъ на мужиковъ:

— А вы коли слушать взялись, такъ слушайте, не перебивайте! А еще вино мое пьете... Я вамъ все по порядку началъ объяснять, а вы галду подняли... Какъ не стыдно въ кампаньи хорошей поступать такъ, на чужія деньги пивши?.. Н—ну и ладно... Пришедши, эвто я въ избу къ Василью Иванову, сѣлъ на лавку; а у него, ребята, вездѣ боченки съ виномъ понаставлены, такъ по всей избѣ духъ и разносится! На полицахъ у него рыба, пироги, — все къ престолу, значитъ, заготовлено! — Я къ тебѣ за дѣльцемъ, говорю, Василій Иванычъ!— За какимъ такимъ дѣльцемъ? спрашиваетъ.—Нѣтъ ли у тебя, пріятель, травки какой: жена больно разнемоглась, животъ у ней расхватило; изъ дома, говорю, почти выжила!— Какъ не быть, есть! говоритъ.—Для тебя, для друга, найду. Далъ онъ мнѣ этой самой травы и что съ нею дѣлать написалъ на бумагѣ.—Ты, говоритъ, хошь грамотѣ и не знаешь, но все равно, когда жена выздоровѣетъ, съѣшь ты эту бу-

магу; а теперь вари эту траву въ трехъ кипяткахъ и послѣ горячей обкладывай крутомъ того мѣста, гдѣ у твоей жены больно. Черезъ три дня, толкуетъ, какъ рукой сниметъ! Ну, однако, и голова же этотъ Василій Иванычъ! Какъ молвилъ, такъ и вышло: послѣ трехъ денъ у Ѳедоски животъ унялся,— здоровѣй прежняго, можетъ, въ десять разъ стала. Какъ корова какая разбухла. Поблагодарилъ я его, положилъ эту самую траву къ себѣ въ штаны и собираюсь уходить, а онъ: «погоди, говоритъ. Выпьемъ съ тобой по стаканчику!» —На праздникъ, говорю, къ тебѣ завтра приду, а нонѣ не стану...

А онъ:—«Праздникъ само собой, а нонче мы съ тобою въ честь предпразднества выпьемъ. Ну-ка, поздравь меня съ наступающимъ-то ангеломъ, вѣдь я завтра имянинникъ». Какъ тутъ не выпить? Надо друга поздравить! — Ангелу твоему, говорю, желаемъ златъ вѣнецъ, а тебѣ добраго здоровья, Василій Иванычъ! Выпили. За первымъ по другому пропустили. Ну, стакашки по три мы съ нимъ тутъ и качнули. Гляжу: въ избѣ что-то темнѣть стало. Потому дѣло было на вечеръ ужъ.—Засидѣлся я у тебя, Василій Иванычъ, говорю, надо засвѣтло ко дворамъ прибираться. Прощай! – «А на дорожку-то! Выпей»!

Распростился я тутъ съ нимъ послѣ послѣдняго стакашка, и вышелъ на улицу. Ничего! На улицѣ еще свѣтло-засвѣтло, а подъ горой, гдѣ солнышко садится, нѣбушко ровно бы пожаромъ залитое, такъ и горитъ все, такъ и пылаетъ! Иду— и на благодать эту любуюсь. Думаю: какъ это Господомъ все чудесно устроено. Тамъ вонъ нѣбушко, тутъ землица, — снѣжокъ хруститъ подъ ногами... А у самаго на душѣ какъ-то спокойно, — такая-то теплынь по сердцу разливается. Глядь: кричитъ кто-то: «Ѳедоръ Григорьичъ»! Обернулся—Никита Пѣгой!—А-а! Никита Васильичъ! Съ наступающимъ! А онъ, Богъ его знаетъ, выпивши что ли былъ, или такъ баловался, —

только пляшетъ себѣ лапотками по снѣгу, улыбается мнѣ — и пѣсню поетъ:

Эхъ! удалая голова!
Нех-ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда!

Потомъ закричалъ: «заверни, другъ! Мимо двора не ходи!» Я ему даю отвѣтъ, что, молъ, ко дворамъ поспѣхаю, — запоздалъ! Онъ мнѣ, шутова голова, опять съ танцами своими и со смѣхомъ шумитъ: «въ раю, говоритъ, не будешь, а дома будешь! Привертывай въ хату, у насъ она топленая». Подумалъ, подумалъ,—нельзя не завернуть, мужикъ тоже хорошій—изстари мы съ нимъ хлѣбъ-соль водимъ. Съ Пѣгимъ-то, видно, тоже стакашка по два али, можетъ, и по три мы протащили! Въ избѣ ужь лучину зажгли... Шабашъ! Никакими силами, думаю, дальше никто не удержитъ,—домой!—Подемъ вмѣстѣ, я хоть до околицы тебя провожу, говоритъ Пѣгой. А то, будь другъ—останься до завтра, переночуй у меня!—Что ты, кричалъ я ему, нѣшто можно! Я съ травой, говорю, къ больной женѣ иду. Пошли! Дошли мы до околицы, а тутъ какъ разъ кабачекъ стоитъ и цѣловальникъ-то давнишняя закадыка намъ, обоимъ!..

Пропустили мы съ Пѣгимъ въ этомъ кабакѣ по малой толикѣ и на разставаньи остановились мы съ нимъ, на дорогѣ, и цѣлуемся,—вдругъ изъ села Андрюшка бѣжитъ, Матвѣевъ сынъ.—Куда?—«Да вотъ на праздникъ на завтрешній, говоритъ, винца бѣгу взять! Не хотите ли испробовать»?—Какъ можно! Надо поспѣшать, запоздалъ! Пѣгой меня упрашивать сталъ: «завернемъ, говоритъ, Григорьичъ! Кинемъ, кричитъ, битку въ конъ,—вѣдь праздникъ завтра. Дѣла что ли за нами какія»?—Оглашенный, говорю,—да ты позабылъ, что я съ травой? Вѣдь у меня жена на смертной постелюшкѣ лежитъ.

Распростились! Пожелъ я,—саженъ пять отошелъ али нѣтъ,—глянулъ вверхъ, анъ ужь тамъ мѣсяцъ взошелъ,—ночь свѣтлая! Ворочусь, думаю, опять въ кабакъ, теперича тамъ народу много, а при этакой свѣтлынѣ какъ домой не дойти. Вотъ я взялъ и повернулъ назадъ. Ну и чудесно! Сичасъ вина стаканъ спросилъ себѣ и сижу; а изъ села-то народъ такъ и валитъ къ цѣловальнику. Кто шубу несетъ ему, кто овцу тащитъ, а одинъ мужичекъ, не будь дуракъ, свинью даже къ нему приволокъ со всѣми малолѣтками. Хрюкаютъ онѣ у него въ мѣшкѣ! Смѣхъ! «Вотъ онъ праздникъ-то что, батюшка, значитъ»! смѣялись мужики. А я тѣмъ временемъ все ко дворамъ собираюсь,—думаю про это вино: нѣтъ, молъ, шалишь,—не соблазнишь больше, сейчасъ встану и пойду, а самъ все ни смѣста! Только встану, хочу идти,—глядь ужь кто-нибудь и кличетъ тебя: «Ѳедоръ Григорьичъ! Ну-ка, съ наступающимъ-то»!.. Насилу изъ кабака выбрался! Думаю: пьянъ я теперь: возьму ночую у Пѣгова. Вышелъ на волю—какъ ни въ чемъ—трезвый разтрезвый, какъ есть ни въ одномъ глазѣ. Коли такъ, не останусь у Пѣгова, пойду домой. А Пѣгой мнѣ и говоритъ, словно бы онъ ко мнѣ цѣлый вѣкъ пришитъ былъ: «полно тебѣ брехать! Ну, куда ты теперь домой пойдешь? Переночуй у меня, вѣдь ты ужь совсѣмъ хмѣльной!» — Невозможно, говорю,—меня дома съ травой ждутъ... Ни за что, я не пьянъ... Ну, ребята, теперь надо выпить,—оборвалъ Галченокъ свой разговоръ и налилъ стаканы. — Надо горло промыть.

— А что-жъ ты про лѣшаго-то когда!

— Сичасъ и про лѣшаго рѣчь, отвѣчалъ Галченокъ.—Потому и пью, что дѣло къ самой страсти подходитъ. Хорошо-съ! Распростились мы съ Пѣгимъ, и пошелъ я въ Арменки. Иду себѣ, ничего!.. Ночь мѣсячная, вокругъ далеко видно, а снѣгъ такъ и свѣтится! Иду я и гляжу на мѣсяцъ, а мѣсяцъ такой явственный, словно живой съ нѣбушка-то на меня гля-

дитъ и будто то-есть киваетъ мнѣ и, къ примѣру, надъ моей выпивкой усмѣхается. Взялъ и я разсмѣялся!.. И представился онъ тогда мнѣ какимъ-то знакомымъ молодцомъ! Вижу, парень знакомый, а никакъ не могу сообразить, кто онъ, изъ какого села и гдѣ я его видалъ... Засмѣялся онъ тогда надо мной пуще прежняго; а я на него въ обиду втянался. Уставился я на него глазами и кричу: ой, не смѣйся, молодецъ! Ты, можетъ, думаешь, что я пьянъ? Такъ это напрасно, пріятель! Я, можетъ, потрезвѣе тебя, въ тыщу разъ; а ты вотъ такъ пьянъ,— это я вижу; а я ни чуточки, иду какъ есть трезвый жену лѣчить,—лѣкарствица ей несу—травки Господнiей... И что вы думаете, мужики? Мѣсяцъ-то мнѣ вслухъ и заговорилъ: «Ахъ ты, пьяница, пьяница! Какъ ты мнѣ такія слова можешь говорить? Нѣшто я, небесная свѣтила, могу, говоритъ, какъ ты по кабакамъ шастать да съ пріятелями вино пить. Меня за то солнышко свѣтлое въ Сибирь можетъ сослать»! Ну, думаю, мѣсяцъ-то тоже, должно быть, праздникъ-то шибко зачуялъ. Когда это съ нимъ бывало, чтобы онъ разговоръ съ простымъ мужикомъ завелъ!

Мужики разсмѣялись.

— Неужели же онъ съ тобой въявь толковалъ?

— Право слово! А что ежели со мной лѣшій встрѣнется? съ чего-то мнѣ вдругъ подумалось тогда. Да нѣтъ, какіе теперь лѣшіе, думаю, чай: всѣ спятъ давно! Только, братцы, слышу позади меня ровно идетъ кто... Оглянулся. Точно, идетъ высокій дѣтина въ новомъ дубленомъ полушубкѣ и кожаныхъ рукавицахъ, а на головѣ барашковая шапка надѣта. При мѣсяцѣ-то мнѣ все до ниточки видно! Нагналъ онъ меня. «Миръ дорогой, добрый человѣкъ?» говоритъ дѣтина.—Здорово и ты, коли не шутишь, говорю я, а самъ эвто гляжу ему въ лицо.— Ба! швецъ Макаръ? А парень въ дубленкѣ: «никакъ арменскій! Ты, Ѳедоръ Григорьевъ»? — Я самый! Откуда тебя, Ма-

каруша, Богъ несетъ? — «Да въ Аминово пробираюсь, говоритъ, управляющій женѣ салопъ хочетъ на лисьемъ мѣху дѣлать». Идемъ мы такъ-то съ швецомъ Макаромъ и разговариваемъ,—онъ шутки шутитъ,—веселый дьяволъ! и смѣется, да такъ нѣшто чудно смѣется. Я нѣтъ-нѣтъ да и взгляну на свово товарища, сбоку этакъ... Что за притча, думаю: онъ и швецъ Макаръ,—и словно бы не онъ! А Макарка-то, подлецъ, ужь насчетъ дѣвокъ со мной завелъ матерію. «Деревенскія, говоритъ, мнѣ больно надоѣли, просто смерть, какъ опротивѣли. Таперича хочу, говоритъ, къ становихѣ къ одной къ молодинькой подбиться, мужъ-то у ней къ губернатору на распеканцію поѣхалъ, ну она, значитъ, таперича въ горестяхъ; а то есть у меня еще на примѣтѣ купеческая дочка, такъ эта, грохочетъ, словно малина какая перезрѣлая, какъ лишь только взглянетъ на меня, такъ вся и разваливается, такъ и раскисаетъ»... Слушаю я это и мекаю въ умѣ: чудеса, думаю: швецъ Макаръ вечóръ къ Костpому пошелъ, а вѣдь до города-то пятьдесятъ верстъ отъ насъ. Неужто онъ успѣлъ оборотить? Думаю такъ-то да гляжу сбоку на Макарку... Э-э! Да ни какъ у него дубленка-то на лѣвую сторону застегнута! Точно на лѣвую... Ахъ, дуй те горой! Да у него, мошенника, и праваго уха нѣтъ [1]). Морозъ такъ и заходилъ у меня по закожью! Вотъ, молъ, онъ лѣшій-то какой бываетъ! Здоровенный этакій мужичина! Думаю: прямой лѣшій!.. Однакожь собрался я съ духомъ да и говорю ему:—послушай-ка, почтенный, ступай ты съ Господомъ своею дорогою, а я пойду по своей: гусь свиньѣ не товарищъ! А онъ, чертовъ сынъ, только смѣется!—«Ничего, говоритъ, Галченокъ, вмѣстѣ-то намъ съ тобой повраднѣе

---

[1]) Въ губерніяхъ: Костромской, Ярославской и Тверской существуетъ въ народѣ такое повѣрье, что лѣшаго можно всегда узнать по отсутствію у него праваго уха и по манерѣ застегивать одежду съ лѣвой стороны на правую.

будетъ дѣла обдѣлывать. Я тебѣ, говоритъ, такъ видно тому дѣлу и быть... я тебѣ эту самую барыню предоставлю, какую ты въ прошломъ году облюбовалъ,» А ко мнѣ, признаться, прошлымъ-то лѣтомъ взъѣзжала на дворъ барыня какая-то проѣзжая—красавица изъ себя писанная!.. Ну я, примѣромъ, глядючи на нее, грѣшнымъ дѣломъ, подумалъ: Эх-хъ, молъ!.. Живутъ же люди на свѣтѣ,—имѣютъ при себѣ супругъ... Не то что наши замарашки!..

Мужики очень смѣялись, слушая, какъ Галченокъ въ грѣшной думѣ своей признается, а Галченокъ говорилъ:

— Тутъ, добрые люди, мнѣ ужь не до смѣху стало. За молитвы я тутъ принялся. Самъ читаю, а у самого зубъ на зубъ не попадетъ: прочиталъ всѣ, какія мальченкомъ узналъ. Не дѣйствуетъ и шабашъ! Идетъ со мной швецъ Макарка и все про барынь мнѣ да про купчихъ напѣваетъ. «Ты, говоритъ, не гляди, что у нихъ такой важный да суровый видъ, это все приликъ одинъ, а на самомъ-то дѣлѣ въ нихъ такая же слабость засыпана, какъ и въ нашихъ деревенскихъ бабахъ. Не плохому, смущалъ меня Макарка, тебя обучаю,—хорошему. Вотъ какъ ты, говоритъ, по моей рекомендаціи къ какой-нибудь барынькѣ примажешься,—живи не тужи! Всѣ она тогда капиталы свои, землю и усадьбу подъ тебя подпишетъ» ...

— Тьфу, ты дьяволъ! Да у меня своя баба, думаю: — правда хворая, а все же она Богомъ самимъ мнѣ за грѣхи мои присужона!... Не помню ужь, ребята, что въ то время еще я думалъ. Только Макарка мнѣ вдругъ и говоритъ: «Давай-ка, другъ, съ тобой въ чехарду сыграемъ, — благо ночь свѣтлая!... Опять же холодъ этакой, живо согрѣемся» ... А это ему хотѣлось на меня верхомъ-то всцарапаться да по чистому полю поѣздить!...

— Каковъ! каковъ! удивлялись мужики.

— Что дѣлать, думаю, бѣда мнѣ теперича пришла, заѣздитъ онъ меня съ маху, потому я мужичонка безсильный. На мое

счастье, вспомнилъ я, что вѣдь отъ лѣшаго-то есть заклятье. Остановился я и думаю: дай-ка я его этимъ заклятьемъ шарахну; а онъ догадался что ли, тащитъ меня, опомниться-то мнѣ не даетъ! «Нечего останавливаться-то, съ злостью уже закричалъ на меня ярыжная душа,—пойдемъ, сыграемъ въ чехарду»! А я какъ во всю мочь га-аркну: овечья морда!... овечья морда!.. И прямо, т.-е., голубчики мои, въ рожу ему такъ я и харкнулъ! Гляжу: ужь швецъ Макарка, вовсе не швецъ Макарка. Выросъ онъ вдругъ съ колокольню большую, да какъ свистнетъ, да какъ захлопаетъ мерзлыми рукавицами,—оглушилъ совсѣмъ, чортовъ сынъ! Отъ его посвиста снѣжная пыль поднялась, ледяныя висюлки съ звономъ съ деревъ посыпались, а самыя деревья съ жалобнымъ скрипѣньемъ такимъ маковками землѣ поклонились... «А, догадался, шумитъ. Ну, да ничего: будешь ты меня помнить»! А я все ему: овечья морда, морда! Тогда онъ видитъ, что дѣло его не выгорѣло, еще пуще въ рукавицы захлопалъ, да прыжками отъ меня саженъ этакъ по двадцати сталъ уходить... Я вамъ представлю сейчасъ, какъ онъ и прыгалъ то; глядите, мужики... Вѣдь я все это самъ видѣлъ.

Галченокъ выскочилъ изъ-за стола и началъ предъ всѣми показывать въ лицахъ, какъ прыгалъ лѣшій. Мы такъ тутъ всѣ со смѣху и покатились. Очень чудно выходило!

— Только онъ не въ примѣръ выше прыгалъ,—я по ево не прыгну, пояснилъ Галченокъ.— Онъ эвто прыгаетъ да въ рукавицы хлопаетъ, должно испужать меня еще крѣпче хотѣлъ; а я, видѣвши, что заклятье его до живого мяса хватаетъ, все это ему въ рыло-то и плюю: овечья,, молъ, да овечья!.. Не по скусу, должно, голубчику, пришло, не вытерпѣлъ: какъ ударится отъ меня бѣжать, какъ припустится — только снѣгъ изъ-подъ копытъ у него къ небу взвился!... Утёкъ! Вотъ, братцы, простое заклятье, а я имъ только отъ смерти отошелъ, ей-Богу!..

— Ну, чтожь, нетерпѣливо перебили мужики Галченковъ разсказъ,—какъ кончилось, благополучно ли ты до села добрелъ?,.

— Н-нѣтъ, братцы, не добрелъ! Успѣлъ онъ-таки обойдти меня, чортовъ сынъ! съ досадой проговорилъ Галченокъ и плюнулъ.—Сплоховалъ я малость: надо бы мнѣ тотчасъ, не мѣшкамши, лѣвой ногой подъ хвостъ его пхнуть, и ничего, все бы благополучно окончилось, а я позапамятовалъ!.. Пошелъ я въ тѣ поры, какъ нечистая сила свалила съ меня и думаю: авось какъ-нибудь доползу. И вотъ сперва помню: мѣсяцъ пропалъ у меня изъ глазъ. Все свѣтилъ, все свѣтилъ до этого, а то вдругъ пропалъ, не стало его видно! Потомъ вѣтеръ страшенный поднялся и засвистѣлъ, и завылъ! Крутитъ, крутитъ такъ-то около тебя морознымъ вихремъ, — вдругъ р-разъ по рожѣ, такъ всѣ глаза и заслѣпитъ!.. Такая мятель по всему полю пошла, ровнехонько ничего не видать! Колокольня у меня сначалу-то на виду была, а тутъ совсѣмъ изъ глазъ пропала! Что дѣлать? ходилъ, ходилъ, плуталъ, плуталъ—не найду дороги! А вѣтеръ ужь ревъ какой-то неслыханный поднялъ, словно медвѣдь съ голоду... Вдругъ слышу: колокольчикъ гдѣ-то звенитъ. Слава тебѣ, Господи! Прислушиваюсь... Мятель ровно бы постихла... Точно колокольчикъ бьетъ и явственно бьетъ. Сердце мретъ у меня... Молюсь: Господи, вызволи! а колокольчикъ ужь совсѣмъ близко. Гляжу, тройка скачетъ и прямо на меня. Посторонился... «Тпррру! Стой! кричитъ ямщикъ и осадилъ лошадей. «Прохожій! взмолился мнѣ ямщикъ,—сдѣлай божескую милость, погляди на хомутъ у коренника: не разсупонился ли онъ у меня,—лѣшій этакой»? Я сдуру-то и про мятель позабылъ,—радъ радехонекъ, что хоть живого человѣка въ мертвомъ полѣ встрѣтилъ. Гляжу, ничего: супонь крѣпко подтянута. Ну, я и говорю ямщику: поѣзжай, молъ, добрый человѣкъ,—сбруя на лошадкахъ въ порядкѣ. А коренникъ-то какъ захрапитъ, какъ зальется слезами... «Ѳедя! говоритъ. Или ты

меня не узналъ?..» Смотрю — и въ глазахъ у меня помутилось!.. Въ корню-то находился нашъ старый окружной,—давно ужь онъ померши былъ; но, при своей жисти, бариномъ считался хорошимъ. Я сичасъ шапку долой передъ нимъ и тутъ же въ карманъ, по старой привычкѣ, полѣзъ, потому любилъ онъ—покойникъ, чтобы мужикъ при встрѣчѣ съ нимъ гостинецъ ему какой ни на есть жертвовалъ, хошь-бы, къ примѣру, махорки горсть, али сѣна клочекъ... Невзыскательный былъ, такъ мы, бывало, всякую дрянь валили къ нему въ тарантасъ... А онъ это замахалъ дугой, зазвенѣлъ колокольчикомъ и жалостно такъ говоритъ мнѣ: «не безпокойся, Ѳедя! Не лазь въ карманъ,—я теперича ни съ кого не беру...»

Слушаю я эту рѣчь и съ диву даюсь; а ямщикъ, проклятый, съ козелъ-то надо мной такъ-то ли грохочетъ, такъ-то ли издѣвается,—просто во все поле ржетъ.

— Что, говоритъ,—узналъ кореннаго? А? Теперича на пристяжныхъ погляди. Ихъ тоже, можетъ быть, не узнаешь ли?

— Взглянулъ!.. Силы небесныя! съ правой стороны запряженъ—баринъ нашъ старый—тоже покойникъ, да фартальный изъ нашего города... Обомлѣлъ я! А они мнѣ говорятъ: «не бойся ты насъ, мужичокъ, мы теперь люди стали смирные, добрые... Выѣздили насъ, самъ видишь какъ! Кости да кожа отъ прежняго тѣла остались»!.. Тихо этакъ говорятъ, со слезами—и по глазамъ видно, что житье имъ у чорта не очень-то вольное... Однакоже, поглядѣвши на нихъ пристальнѣе, увидалъ, что они ужь и зубки на меня оскаливать принялись... Тогда я въ безпамятствѣ драло отъ нихъ!

— Долго-ли я отъ нихъ бѣжалъ, коротко ли,—ужь не помню. Только гляжу: церковь божія предо мною стоитъ—не деревенская, а городская, богатая церковь. Много свѣчей въ ней горитъ,—пѣвчіе, слышу, въ ней такъ-то ли гулко поютъ. Подхожу къ паперти; а на встрѣчу мнѣ та барыня, какая ко мнѣ

во дворъ позапрошлый годъ въѣзжала и красотой своей на грѣшную думу меня навела. И говоритъ мнѣ та барыня: «ахъ, Ѳедя! какъ я рада, что ты со мной встрѣлся!.. Вотъ вамъ правое слово, ребята, не лгу: такъ-таки и отличилась... Проводи меня до могилки моего супруга,—вмѣстѣ съ тобой мы его любезному праху поклонимся. Я ей даю отвѣтъ: съ нашимъ, молъ, великимъ удовольствіемъ, ваше высокоблагородіе! Она взяла меня за руку и повела за собою...

— Тутъ, братцы, крѣпко она мою здоровенную мозолистую ручищу своей бѣлой, мякенькой ручкой жала и горькими слезами плакалась: «ахъ, плачетъ, лишилась я моего милаго супруга, при младости моихъ лѣтъ»! И я, видючи ея такія слезы, тоже навзрыдъ плакалъ... Чувствую, что стыдно мнѣ, мужику, по бабьему плакать, а самъ такъ и разливаюсь рѣкой — потому очень ее мнѣ жалко было...

— Вдругъ, братцы, слышу я голосъ Василья Иваныча лѣкаря, Заслышамши голосъ, проснулся — и вижу: стоитъ надо мною Василій Ивановъ и въ бокъ меня сапогами толкаетъ.

— Что ты, говоритъ, Григорьичъ, али ополоумѣлъ? Какъ же тебѣ не стыдно? Пришелъ на праздникъ, а самъ съ чужими бабами заигрывать принялся!.. Разѣ своей у тебя нѣтъ?..

— Смотрю, а въ избѣ у Василія Иваныча бабъ видимо-невидимо —и всѣ онѣ надо мной смѣются... Будто, т.-е. я въ пьяномъ полоумствѣ бѣгалъ за ними и руками ловилъ ихъ... Постыдили онѣ меня и ничего! Опять всѣ сѣли за столъ, а на столѣ у Василья (извѣстно, мужикъ богатый!) вино, пироги, капуста съ масломъ, судачинка это сушеная—просто ѣшь не хочу! Веселимся мы такъ-то у праздника, пируемъ и разлюбезно промежъ себя бесѣды ведемъ... Вдругъ слышимъ: исправникъ съ сельскимъ старостой пріѣхали.

— Вотъ нелегкая принесла! переговариваемся мы въ избѣ, а тѣ ужь и въ дверь.

— Вы, говорятъ, что же это дѣлаете? Отъ податей отбиваться, а пиры да праздники гора горою справлять!

— Помилуйте, ваше благородіе, да нѣшь мы часто эти пиры-то справляемъ? Разъ въ годъ только у насъ престолъ-то бываетъ, говорятъ мужики.

— За послѣднюю треть подавай подати, подавай! требуетъ исправникъ.— «Никакъ нѣту, еще не при деньгахъ, говорятъ всѣ».—А на пьянство есть деньги? Старшина! Нечего съ ними съ пьяницами попусту рѣчи тратить — опиши-ка ты у нихъ имущество!— «По моему, говоритъ старшина,—сперва наперво надо изъ нихъ блохъ повыпужать, ваше благородіе, а послѣ ужь за имущество... Вотъ я пошлю сичасъ за волостными судьями»... Мы здѣсь, говорятъ судьи и лѣзутъ въ избу.— «Ну, теперь розогъ!» кричитъ исправникъ. Гляжу — и розги говорятъ: мы здѣсь, ваше благородіе, — и тоже въ избу ползутъ,—жидкія такія, длинныя... Всѣхъ мужиковъ перебрали,— дошла очередь до меня.

— Я не здѣшній, говорю:—я изъ Арменокъ!— «А по насъ, говорятъ, хоть бы ты изъ аду былъ, такъ намъ все равно... Намъ, толкуютъ: — все равно, кого ни полосовать»... Ну, я вижу, что тутъ ничего не подѣлаешь—легъ подъ розги безъ всякаго спору. И ужь тутъ драли меня, тутъ драли—въ жисть мою такой порки не только надъ себой, надъ другими не видывалъ! И реву я, братцы, подъ розгами, горько, — словно волкъ вою!.. Вдругъ голосъ: «Галченокъ, о чемъ ты, дуракъ, ревешь? Проснулся: стоитъ передо мною поповъ работникъ, а самъ я лежу въ соломѣ у своего овина—а тутъ Арменки и на дворѣ свѣтло!

— Принялся я тутъ, братцы мои, на нашу церковь креститься! Долго молился... Да вотъ съ тѣхъ поръ и не пью... Ну ее совсѣмъ! такъ закончилъ Голченокъ свой разсказъ и вылилъ изъ полштофа послѣднюю водку. — Такъ вотъ иногда

съ пріятелями побалуешься по малости, а что бы, то есть вдосталь,—шалишь...

— Да это какая же питва? протяжно и уныло толкуютъ мужики.—Это что за питье! Въ прохладѣ полштофа выпить!.. Это, братъ, не бѣда!.. А вотъ этакъ-то ежели...

— Да этакъ-то ежели, такъ Боже избави!.. подхватили на сосѣднихъ столахъ.

— Ну, Галченокъ, помаялся же, братъ, ты! Здорово пробралъ тебя лѣшачокъ!.. Хорошо, что Богъ избавилъ, а то бы тутъ...

— Извѣстно! извѣстно!.. Тутъ бы ты совсѣмъ загинуть долженъ... Да-вай-те-ка, ребята, на складчину... Всей компаньей!.. Да право ей-Богу! По дворамъ еще рано идти; а тутъ еще, можетъ, кто-нибудь другую рацею разскажетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, ребята! Чудесное дѣло задумали! единодушно согласились мужики, вытаскивая изъ запазухъ кожаные кошели и звеня мѣдными деньгами.

Долго еще мужики сидѣли въ трактирѣ, около желѣзной печки. Никому не хотѣлось отъ такой благодати домой идти.

А между тѣмъ на дворѣ мятель мететъ, такъ и крутитъ, и вѣтеръ злобно и неотходно воетъ въ маленькія оконца хатъ. Въ этихъ оконцахъ кое-гдѣ еще чуть-чуть брезжетъ лучина, ожидающая, когда придетъ ночевать владыка и хозяинъ дома.

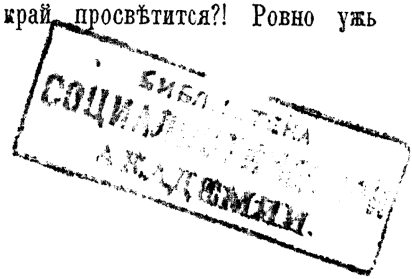
— Слышь; вонъ какъ лѣшіе-то разгалдѣлись! переговариваются въ трактирномъ теплѣ хозяева и владыки сельскихъ избенокъ.—Попадись къ нимъ теперь въ лапы живая душа,—ну и простись съ бѣлымъ свѣтомъ!

Боятся у насъ на Руси нечистой силы до смерти! И какъ не бояться, когда рѣки у насъ бездонныя, поля неоглядныя, а лѣса, суровыми дремучими борами на многія тысячи верстъ идутъ... По такому раздолью не гулять нечистой силѣ, такъ

гдѣ-жъ ей и гулять?.. Да ее съ этого полеваго и лѣснаго раздолья никакими кольями не выгонишь, и изъ недовѣдомыхъ рѣчныхъ омутовъ никакими удáми не выловишь...

Да когда же это нашъ край просвѣтится?! Ровно ужь и не дождешься!..

1870 г.


БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЬНОЙ
АКАДЕМІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Безоброчный..... 1

Крестьянское горе: I. Нечаянная бѣда..... 93

„ „ II. Послѣ пожара..... 121

Иванъ Воинъ..... 157

Лѣшій обошелъ..... 183